

П И О Н Е Р

МАЙ

5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961

У него, первого и единственного жителя Земли, видевшего родную планету издали, с борта космического корабля, алеют на груди концы пионерского галстука. Этот галстук от лица миллионов юных ленинцев надела герою космоса пионерка Оля Прудникова в день торжественной встречи на Красной площади. Решением Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени Ленина Юрий Гагарин принят в почетные пионеры, его имя вписано в Книгу почета.

Пионеру космоса пионерский салют!

Год
издания
38-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

МАЙ № 5 1961 г.

Издательство «Правда»

ПИОНЕРСКАЯ ПЕРЕКАЛИЧКА

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки А. Брея

Эй, барабанщик,
Сильней барабань!
Бей в барабан,
Не жалея барабан!

Эй, горнист,
Выходи с трубой!
Слово, товарищ горнист,
За тобой!

Эй, костровой,
За костер огневой
Ты отвечаешь
Нам головой!

Эй, сигналисты
Дружины моей,
Что вы притихли!
Сигнальте сильней!

Что же молчит
Барабан-ураган!
Шкуру свою
Бережет барабан!

И затаила дыханье
Труба,
Не потому ли,
Что стала слаба!

Тише!
Другая труба вдалеке
Что-то поет
На своем языке.

И барабана
Сухой голосок
Четыре десятка
Лет пересек.

Май разгорается солнцем
рыжим,
Алый кумач горит, как костер.
— Видите!
— Видим!
— Слышите!
— Слышим!
Эй, наблюдатели, зорче взор!

— Что же вы видите!
— Красную площадь.
Нет Мавзолея —
Ленин жив.
Белые блузы
Ветер полощет.
Небо синит их.
Вместе сложили.

Пахнет черемухой
Полдень ясный.
Камень стены
Накапился сильней.
Площадь действительно
Стала красной:
Столько галстуков
Сразу на ней.

Песня дерзит
Куполам колоколен.
От барабанов
Идет гроза.
Ильич улыбается:
Он доволен.
Рукой заслонил
От солнца глаза.

Трубы к губам
Прижимают горнисты.
Пламенем алым
Кумач горит.
— Это будущие
Коммунисты! —
Ленин задумчиво
Говорит.

Песня взлетает
И падает снова.
Нет рядом
Белоблузым конца.
— Будьте готовы!
— Всегда готовы!
Бьются сердца,
Клянутся сердца.

Эй, барабанщик,
Сильней барабань!
Бей в барабан,
Не жалея барабан!
Где же отряды
Под старой стеной!
Скрылся давно
Отряд головной.

Скрылись полотнища
Первых знамен.
Где пионеры
Далеких времен!

РАПОРТ ПЕРВОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

Вижу:
Далеких времен пионера.
Он сейчас на посту.
Домна его,
Как дом Гулливера,
Видна за версту.

Вижу!
От зноя закрывшись рукой,
Он управляет
Чугунной рекой.
Вот он стоит
Над кипящим металлом,
Весь озаренный
Отсветом алым.

Алым, как галстук,
Который он носит
В сердце своем,
Невзирая на проседь.

РАПОРТ ВТОРОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

Мне плохо видно:
Глаза залепляет снег.
Ни звезд, ни луны
К тому же.
У Южного полюса
Человек
Один на один
Со стужей.

Его борода
Примерзла к груди.
Идет он
В снегу по пояс.

Он разведчик,
Он впереди.
Ему подчиняется
Полюс.

Бессилен, вьюга,
Твой дикий свист.
Тебе приходится
Туго.

Он не гнется,
Он коммунист,
А ты всего-навсего
Вьюга.

РАПОРТ ТРЕТЬЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

Я вижу, друзья,
Космонавта.
В нем узнаю
Пионера.
Марс будет
Достигнут завтра,
Послезавтра —
Венера.

Он знает, что значит
Подвиг, и риск,
И маленькая
Неточность.
Но он — вы слышите! —
Коммунист.
И в этом его
Прочность.

Спокойно, сердце!
Сейчас взлетать.
Как трудно ему,
Наверно!
Он первый,
Его опять
Зовет страна
Пионером.

Перекличка идет
От кремлевской стены
До Камчатки в тумане сером.
И на всех постах
Огромной страны
Бывшие пионеры.

Все выходите
На перекличку,
Сколько бы ни было лет —
Безразлично.

Все призывы,
Все поколения —
Становись!
Налево равнение!

Галстуки светят
На куртках мохнатых,
На пиджаках
И на белых халатах,
На сарафанах,
На кофточках вязаных,
На гимнастёрках
Военнообязанных.

Галстук гребцы
Повязали на майки,
В галстуках алых
Домохозяйки.

Галстук горит
На груди агронома.
Галстук надел
Секретарь райкома...

И вновь у Кремля,
Как давно когда-то,
Сошлись со всех уголков
Пионеры двадцатых,
Тридцатых,
Сороковых и пятидесятых
Славных годов.

И, вскинув головы выше,
На отцов походя сильней,
С Лениным в сердце
На площадь вышла
Пионерия наших дней.

Песня взлетает
И падает снова.
Нет шеренге
Этой конца.
— Будьте готовы!
— Всегда готовы!
Бьются сердца,
Кланутся сердца.

Москва. Внуковский аэродром. Народ встречает своего героя.

Звездный рейс

А. МОШКОВСКИЙ

Автобус стал. Открылась дверца, и на землю космодрома ступил человек в ярко-оранжевом скафандре и белом шлеме. Окруженный людьми, он двинулся к стартовой площадке, где его ждал космический корабль.

Словно присев на хвост, гигантская ракета с пылающей в лучах апрельского солнца надписью «Восток» нетерпеливо глядела в небо. Люди внизу, у ее подножия, казались совсем крошечными.

Она была так велика, эта ракета, что на вершину ее, где помещалась кабина, ходил специальный лифт-подъемник.

Человек в скафандре медленно шел к кораблю.

Люди, деловито сновавшие вокруг корабля, в последний раз проверявшие сложные агрегаты и механизмы запуска, на миг замерли, увидев его, невысокого, коренастого, в ярко-оранжевом скафандре. Серые, с голубинкой глаза человека смотрели из

глубины шлема серьезно, даже как-то холодно и недоступно. Или, может, это казалось, потому что фантастическая одежда и космический шлем до странности изменили фигуру и лицо человека, которого так хорошо знали они, эти люди, готовившие корабль к старту.

— Здорово, Юра, как спалось? — крикнул молодой техник в меховой куртке.

— Отлично! — ответил человек, и вдруг строгие глаза его налились теплом, засмеялись, в уголках плотно сжатых губ дрогнула усмешка, он по-мальчишески подмигнул и улыбнулся широко и открыто, даже ямочка обозначилась на левой щеке.

— Счастливо приземлиться!

— Не торопитесь, дайте сначала взлететь. — Человек засмеялся.

Люди обступили его. Они жали руку, твердую и сильную руку летчика, обнимали.

— Осторожнее, скафандр порвете. В чем полечу? — сказал он и как-то смущенно улыбнулся.

Ракета ждала его. Ракета глядела в зенит. Человек подошел к трапу, взялся за поручни и, поставив одну ногу на ступеньку, поднял вторую. Земля! Она ушла из-под его подошв, надежная и прочная земля. И в тишине, внезапно охватившей космодром, стало пронзительно слышно, как гремит металл ступенек под его ногами.

— Какие нервы! — сказал врач. — Вы представляете, он и вправду спокойно спал всю ночь, покауда я его не разбудил.

Занималось утро двенадцатого апреля. Люди знали, какое это утро. Знали ученые, точно рассчитавшие орбиту полета корабля, знали рабочие, готовившие к полету ракету, знали врачи, тысячи раз выслушивавшие сердце космонавта.

Ступенька, ступенька, еще ступенька...

Уходили в океан каравеллы Магеллана, дул ветер в паруса судов Колумба, открывшего Америку, бежали к неоткрытым полюсам собачьи упряжки, уплывали дирижабли, отходили ледоколы... Но ни один человек не входил еще в дверь корабля, покидающего планету. Об этом мечтали мудрецы и поэты, чертили схемы, писали романы о звездных кораблях, слагали песни, с тоской глядели в небо. И то, о чем мечтали люди, должен был совершить

Вот он в скафandre и шлеме космонавта...

ясным апрельским утром невысокий, коренастый русский парень в ярко-оранжевом скафandre.

Ступенька, ступенька, еще ступенька...

Не так-то много ступенек до лифта, до двери в кабину гигантского корабля «Восток», а он шел к этим дверям все свои двадцать семь лет, шел упорно и отважно.

И, может, вот сейчас, когда он подымался по трапу к лифту, перед ним мгновенно пролетела жизнь. И он ощутил, как его босые ноги, ноги семилетнего мальчонки из-под Гжатска, печатали следы на теплой пыли деревенской улицы, как потом гусеницы фашистских танков с крестами на броне раздавили эти следы. Вокруг полыхали пожары, и он, сгорбясь, сидел с родными в тесной землянке и слушал, как содрогается земля и рвутся снаряды.

А потом врага прогнали, и он, уже пионер, бежал с другими мальчишками по тихим улочкам Гжатска или, волнуясь, следил за своим самолетом с бензиновым моторчиком.

По вечерам он склонялся над книжкой Циолковского о путешествии на Луну, и в окна их маленького бревенчатого домика мечтательно и призывно глядели далекие синие звезды.

Упругий стук баскетбольного мяча, занятия в ремесленном училище и в индустриальном техникуме на Волге, гул комсомольских собраний, тренировки в аэроклубе... Потом он — в классах летного училища, потом — первый взлет на реактивном сверхзвуковом истребителе, первые офицерские звездочки на погонах...

И разве можно забыть, как, волнуясь, принял он в свои руки красную книжечку — партбилет?

Каждый герой когда-нибудь был мальчишкой. Здесь вы видите пионера Юру Гагарина. Уже и тогда он отличался настойчивостью, трудолюбием, любовью к книгам и технике.

Юра (второй справа) и товарищи его детства. Может быть, это с ними он запускал свои авиамodelи.

Взлеты и посадки, борьба за скорость, свист ветра и рев двигателя в ушах... И вот он твердой рукой пишет заявление: «Прошу зачислить меня в кандидаты для первого космического полета».

...Площадка лифта! Человек обернулся к людям. Они стоят внизу, близкие, хорошие, до боли родные. Они — и яркое солнце над лесом. Они — и застывшая в ожидании ракета.

Что-то перехватило дыхание.

Он поднял обе руки.

— До скорой встречи, Юрий! — донеслось снизу.

— До скорой!.. Пока! — крикнул он, махнул им руками и шагнул в кабину лифта.

Вот он в кабине корабля. Металлический люк закрылся за ним. Там, за люком, осталась земная жизнь, голоса людей и посвист ветра. Полулежа в кресле, он пристегнул себя ремнями и стал ждать.

Космодром опустел: люди ушли в укрытия.

Корабль глядел в зенит, неподвижный, обтекаемый, и тоже, казалось, ждал.

Все ждали.

Наконец сигнал: «Все готово к пуску».

— Ну, поехали! — сказал человек в кабине, поправляя ремни.

И эту простую, будничную фразу радио донесло к тем, кто остался на космодроме.

Тишина. Глубокая тишина. Уши словно заложило. Только тикают часы, покачиваются на циферблатах приборов стрелки.

Пуск!

Грохот и пламя! Пламя до половины окутывает корпус ракеты. Она вздрагивает и медленно, очень медленно — ох, как трудно ей покидать Землю! — отрывается от стартовой установки, опираясь на огромный столб, все быстрее, быстрее, с грохотом и свистом мчится вверх. Ввысь, в небо, в космос!

И вот уже ничего не видно, словно и не было гигантского корабля с этим веселым, спокойным русоголовым человеком в ярко-оранжевом скафандре, словно все это сон, страница фантастического романа.

Опустело небо. Только Солнце и перистые облачка. Но в микрофонах сквозь треск и свист уже звучит четкий голос:

— Полет проходит нормально.

В первое мгновение его с силой вдавило в кресло: корабль набирал скорость. И вот он выходит на орбиту, все слабее сковывающая тяжесть. Поднял руку с карандашом — и рука не падает. Отпустил карандаш — и он повис в воздухе. Блокнот поплыл по кабине, и человек поймал его. И сам он не сидит в кресле, а скорее висит над ним. Вот она.

Звание Героя Советского Союза — высшая награда за подвиг. Но это первый из героев, у которого рядом с этим званием стоит другое: «Летчик-космонавт СССР».

знаменитая невесомость, о которой столько писали в книгах фантасты! Еще никто из людей не ощущал ее на себе так долго.

Человек поймал карандаш и принялся записывать в блокнот показания приборов. Почерк тот же, его обычный, «земной» почерк, только карандаш чересчур легко скользит по бумаге.

А с Земли радио доносит песни. Специально для него, чтоб не скучал.

Скучать некогда.

Внизу Земля, огромная, светлая в лучах Солнца, в квадратах колхозных полей, в массивах лесов, в складках гор и ниточках рек.

В руках у него телеграфный ключ, и он отстукивает радиограмму, потом говорит в микрофон:

— Полет проходит нормально, чувствую себя хорошо.

И снова в руках карандаш. Глаза на циферблатах приборов. Бегают стрелки. Он пишет.

Внизу — земной шар. У горизонта — сияние. Его мерцающий голубой поясик мягко переходит в синий, из синего — в фиолетовый, а выше — жгуче-черное небо, очень, очень черное, все в ярких крапинках звезд. А Солнце — как вспышка. Никто еще не видел такого нестерпимо сверкающего Солнца!

С Земли спрашивают о самочувствии, о полете.

— Полет протекает нормально, состояние невесомости переносу хорошо.

Внизу, за толстым стеклом иллюминатора, проплывают острова, знакомые по картам контуры Южной Америки, потом надвигается Африка.

— Полет продолжаю. Все работает отлично. Иду дальше.

Ухом прильнуло человечество к приемникам: как он там, в космосе?

Корабль входит в тень Земли. Внизу — ни зги, ни огонька. Наверное, океан, огромный черный океан.

Бегут в борти журнале строки, рука отстукивает телеграфным ключом, глаза глядят сквозь стекло.

...И вот он облетел вокруг Земли.

Команда на спуск. Включена тормозная двигательная установка. Земля идет навстречу.

Земля!.. Здравствуй, Земля! И вдруг он почувствовал, что поет. Песня сама, помимо желания, рвется наружу:

«Родина слышит, Родина знает...»

Все ближе, все отчетливее Земля...

...Ветер дул в паруса Магеллановых каравелл, обогнувших Землю, летели к неоткрытым полюсам дирижабли и самолеты, двигались, взламывая лед, ледоколы. Но никто еще не был в космосе, рядом с Солнцем и звездами.

Славно придется потрудиться пионерам этой дружины, чтобы оправдать такое имя.

А потом — Москва, вся в знаменах, и рапорт Хрущеву, и Красная площадь, и поздравления, объятия, поцелуи, и красный галстук, повязанный ему пионерами.

— Юрий Гагарин!

— Юрий Гагарин!

Это имя повторяют на всех континентах. Его лицо, молодое и улыбочное, отважное лицо советского парня, увидела вся планета.

Вот и все.

По-прежнему светят ночами синие звезды Вселенной и задумчиво смотрят вниз, и по-прежнему ходят по Земле — по Гжатску и сотням других городов и деревень — мальчишки и девчонки в пионерских галстуках, те, которые поведут звездные корабли, побывают на Луне и Марсе.

Володя ЛЕСНОМ

ПОВЕСТЬ

Эмиль ОФИН

Рисунки Н. Борисовой.

Глава первая

КЛИМ И ВОЛОДЯ

Клим проснулся раньше всех. Солнце только чуть поднялось над кромкой леса, а когда горнист Валька Спицын играет подъем, оно уже у деревянной арки, где большая полукруглая надпись: «Лесная Республика».

Клим сунул руку под подушку и нащупал перочинный ножик. Молодец мама! Наконец-то у него свой собственный нож. Теперь есть чем резать тростник для судейских свистков, которые научит делать Володя Ковальчук.

Эх, и медленно же ползет солнце! Не взобраться ли на Атаманскую сосну, пока спят Боря и Витька? Можно, да только от этого очень рвутся трусы. Но не беда: рядом на спинке стула висят сатиновые трусы и синяя майка, их тоже привезла вчера мама. Уж теперь-то Клима обязательно примут в футбольную команду. Трусы новые, с красной каймой и кармашком, — насколько не хуже, чем у Володи. Когда приехали в лагерь, Володя тоже ходил в старых трусах и в полинялой футболке, а потом вдруг завел карманное зеркальце и к вечернему костру стал надевать длинные брюки и шелковую рубашку.

Клим повернулся на бок и посмотрел на соседнюю койку.

Спит еще Володя. Грудь у него загорелая, прямо

шоколадная, а мускулы на руках видны даже когда он спит.

Клим согнул свою руку и пощупал бицепс. Да, ему далеко до Володи. Ну и что же? Вон у Левки Ситникова руки совсем мягкие, будто у девчонки, даже ямочки возле локтей. Потому что Левка всегда что-нибудь грызет — или печенье, или вареную кукурузу, а физзарядку каждый раз просыпает.

Клим повернулся на другой бок и посмотрел на койку справа. Рядом с Левкиными тапочками валялись какие-то огрызки. Клим быстро открыл свою тумбочку. Нет, груша на месте. Вчера мама привезла две груши. Он проискал Володю весь вечер, но тот куда-то исчез.

Клим взял грушу в руки. Спелая! Желтая. Еще, верно, вкуснее вчерашней. А у той, когда Клим надкусил, сок так и брызнул...

Клим спрыгнул на пол, затормошил Володю. Тот приоткрыл глаза и сразу сморщился от солнца.

Клим сунул ему под нос грушу.

Володя сонно моргнул, пробормотал: «Потом», — повернулся к стене и опять уснул.

Клим не обиделся: ведь это же Володя!

Они подружились с первого дня приезда в лагерь, когда всех разбили на отряды и звенья, а потом велели их звену занять эту комнату. Клим вбежал сюда первым. Высокий загорелый мальчик с комсомольским значком на майке раскладывал на койке у окна свои вещи — футбольные бутсы, боксерские перчатки, карманный фонарик.

Клим поспешил занять соседнюю койку, но тут подбежал Левка, а за ним и все остальные ребята.

— Это моя кровать! — закричал тогда Левка и смахнул чемоданчик Клима на пол.

Клим сжал кулаки и кинулся на Левку.

— Ну вы, петухи! Раунд окончен. — Загорелый мальчик крепко взял их за руки. Он строго посмотрел на Левку: — Ты, брат, свою захватническую политику брось. Этот малыш финишировал первым.

Вот тут-то и началась дружба Володи и Клима. И как все было бы чудесно, если б не Катя Малинина! И зачем только девчонок пускают в лагерь вместе с мальчишками!

Нет, Володя никогда не отгонял Клима, но если Катя была рядом, он смотрел лишь на нее, читал наизусть стихи, словно зимой в школе это ему не

РЕСПУБЛИКИ

надоело. И вообще вел себя так, будто Клим не существовало. Бывало, такой интересный получается день: идут на поиски металлического лома или строить лагерное футбольное поле, а то и просто в лес, на озеро. И когда зеленые домики лагеря скрываются из виду, Клим облегченно вздыхает: теперь уж Катя не отнимет у него Володю! Но, как на зло, всегда на какой-нибудь тропинке в просвете листвы вдруг показывается синяя юбка Кати, и счастливый день испорчен. Володя начинает бормотать стихи и смотрит сквозь Клима, словно тот стеклянный. Клим пускается на хитрость — отстает, прячется в чащу. Тогда раздается окрик: «Не заблудись, Клима! Иди сейчас же сюда!» Увы, это не Володин голос, а Катин. Хитрая, воображает, что Клим к ней привыкнет! Эх, если б Катя и Володя поссорились! Клим отдал бы за это что угодно — хоть новый ножик!..

Клим опять полез под подушку и нащупал ножик. Нет, сегодня все будет хорошо: Володя обещал пойти за тростником сразу после завтрака, а Катин отряд завтракает во вторую очередь...

Солнце добралось до середины арки. В окно залетели долгожданные звуки горна.

Клим вскочил с постели и закричал:

— Подъем, подъем! Вставайте, засони!

★ ★ ★

Пойти в лес сразу после завтрака не удалось: Володю позвали на заседание редколлегии «Спутника». Клим проводил своего друга до пионерской комнаты, где собиралась редколлегия, и уселся на ступеньки у дверей.

Сколько придется ждать? Наверно, долго. Володя сказал, что новый номер выйдет под лозунгом: «Усилим сбор металла!» Накануне на лагерном костре читали письмо с Ленинградского машиностроительного завода. Выходит, не зря трудилась вся Лесная Республика, даже пришлось на время отложить расчистку футбольного поля, зато собрали столько железа, что его едва увезли в Ленинград на двух грузовиках. И на каждой железяке была написана мелом фамилия того, кто ее нашел: и Кати Малининой, и Веры Звонковой, и братьев Атамановых, и многих других, даже Левки Ситникова. Во вчерашнем письме рабочие так и написали: «Молодцы, пионеры Лесной Республики! Собрали на целый трактор». И всех благодарят по фамилиям... Всех, кроме Клима Горелова. А разве он виноват, что ему не повезло, не удалось найти ни одной железяки?..

Солнце уже давно ушло из-за арки и просвечивало сквозь облака, круглое, как мяч. Хорошо бы сейчас потренироваться! Но в лагере нет футбольного поля, кругом лес. Правда, неподалеку раскинулся большой пустырь, но что там делается! Земля вся изрыта — ямы, канавы, бугры, полуразрушенный дзот, торчат замшелые пни; и все это заросло сорной травой, колючим кустарником, крапивой. На совете дружины решили превратить этот пустырь в пионерский стадион. Все отряды работают по очереди, но дело идет очень медленно. Когда еще расчистят футбольное поле! Володя обещал взять Клима в команду...

Клим вздохнул и огляделся. Может, слетать пока в медпункт, проверить по планке рост — не прибавился ли за ночь? Нет, нельзя. Еще Володю прозеваешь... Климу вдруг почудилось, что лежащая у него за пазухой груша зашевелилась. Он с удивительной отчетливостью представил себе сочные ломтики. Рука сама собой потянулась за пазуху, но раздался голос Володи:

— Ты все еще тут, капитан? Ну, раз так, ложимся на курс. Полный вперед!

Они вошли в лес — прохладный и тенистый. Володя вел через чащу. Приходилось нагибаться и отводить руками ветки, которые норовили ударить по лицу или — еще хуже! — разорвать новые трусы. В густых зарослях ольшаника и папоротников что-то шуршало, казалось, там кто-то прячется...

Климу захотелось показать Володе, что он готов встретить опасность.

Он вынул из кармашка трусов ножик, раскрыл его и взял в зубы.

— Убери сейчас же! — сразу сказал Володя. — Еще споткнешься и порежешься. Лучше сбивай камнями шишки с деревьев, учишь попадать в цель.

Володины глаза смотрят строго-строго из-под широкополой соломенной шляпы; за ленточкой шляпы сложенный стрелкой торчит листок бумаги, как перо у знаменитого лесного охотника Робина Гуда. Он шагает легко и быстро через пни и кочки.

Вот уже миновали знакомую поляну с тремя молодыми березками. Это место очень нравится Климу.

— Вова, давай сделаем здесь привал, а то груша стала уже совсем мягкая...

Лес кончился внезапно. Оголенные корни висели над обрывом. Озеро лежало огромное, светлое и тихое. За ним над полосой густо-синего леса протянулась цепочка белых облачков, словно их оставил прошедший поезд. Невдалеке, весь отраженный в спокойной воде, лежал островок.

Володя сложил ладони рупором и закричал:

— Эге-ге-гей!..

— Ау-у! — донеслось с островка.

У Клима упало сердце.

Володя прыжками спустился к воде, а Клим сел на песок и съехал по откосу. Внизу его поймал Володя. Отряхивая песок с Климовых трусов, спросил:

— Зачем новые надел? Извозишь ведь.

— А ты зачем в новых?

Володя не ответил: он нетерпеливо оглядывался.

— Вот тебе и на! Куда же лодки девались?

Клим тоже огляделся.

И правда, вон к тому колышку в Щучьем заливе всегда были привязаны две лодки, а сегодня — ни одной. Конечно, Володя оставит его сейчас на этом скучном берегу, а сам поплывет на остров. И все из-за этой...

— Тут всего-то метров двадцать. — Володя прикинул на глаз расстояние до островка. — Доплывешь?

— Я ведь только по-собачьему немножко умею... — Голос у Клина дрогнул.

— Ничего, раздевайся.

Клим немножко поколебался, но раз Володя сказал, надо плыть. Только вот груша бы не утонула...

Он скинул майку, завернул в нее грушу и спрятал узелок в кусты.

— Давай сюда твои трусы и ножик, — приказал Володя.

Он запахал свои и Климовы трусы в соломенную шляпу.

Мальчики вошли в воду: Володя — в одних плавках, высокий, спокойный, с раздутой шляпой на голове; Клим — совсем голый, маленький, с сильно бьющимся сердцем.

— Я одной ногой не буду двигать, держись за нее, а ногами работай, как хочешь. Пошли.

Вода без плеска сомкнулась вокруг Клина. Лист водяной лилии, широкий и блестящий, отодвинулся назад, стебли скользнули вдоль тела.

Клим держался обеими руками за Володину ногу, и чем дальше уплывали они от берега, тем ровнее стучало сердце. А когда островок придвинулся настолько, что деревья заслонили небо, Клим решительно разжал пальцы и, изо всех сил колотя по воде руками и ногами, сам доплыл до камышей, где уже стоял Володя и протягивал ему руку.

— Молодец! Так плавать — это уже умение второй ступени. Ты будешь капитаном! Надевай вот сухие трусы быстрее. И бегай, пока не согреешься.

— А какие бывают капитаны, Вова?

— Смелые, честные, верные дружбе. Пошли...

Глава вторая

ТЫ БУДЕШЬ КАПИТАНОМ

В Лесной Республике почти все ребята знают, кем они будут после окончания школы. Вот Валька Спицын — этот станет музыкантом. Ему просто. Он уже занимается в музыкальной школе, — на горне выучился играть за каких-то два дня, сочиняет прямо из головы всякие мотивы, а ноты пишет быстрее, чем Клим диктовку. Боря Атаманов — тот чинит все велосипеды в отряде, точит ножи для кухни, а один раз даже сам исправил лодочный мотор; ясно, Боря будет слесарем. Или взять Катю Малинину. Она санитарная звеньевая, всегда носит через плечо сумку с бинтами, ватой, йодом; кроме того, Катя — ответственная в дружине за сбор лекарственных трав. Она хочет обязательно сделаться доктором. Ей то-

же просто. А каково Климу? Володя сказал: «Ты будешь капитаном». Это здорово! Но каким капитаном? Они есть и на кораблях, и в армии, и даже в футбольной команде. А как они работают? Ведь быть смелым, честным и верным дружбе — это еще не специальность, как, например, музыкант, слесарь или доктор...

Клим совсем запутался в этих мыслях и не заметил, как Володя провел его сквозь заросли на противоположную сторону острова, где у берега в лодке сидела Катя. На коленях у нее лежала раскрытая книга.

— Что вы так долго, мальчишки?

— Пришлось добираться вплавь. Лодок-то нет на месте.

— Одна — вот она. А другой, когда я пришла к берегу, уже не было. Идите сюда.

— Я уже согрелся, Вова, — хмуро сказал Клим. — Пошли за тростником.

Володя вынул из-за ленточки шляпы листок бумаги и расправил его.

— Отправляйся один, капитан. Мы с Катей посидим тут. А ну, давай сюда твою грушу.

— Я оставил ее на том берегу, Вова...

— Эх, ты! Ну не беда. Беги. Только смотри аккуратней, не порежись.

Клим уныло побрел в заросли. Одно дело — резать тростник, если Володя рядом, а тут возись один! Скучно, и не знаешь, какой тростник годится для свистков... Ох, уж эта Катька! Ну и хорошо, что груша осталась на том берегу.

Островок был небольшой, с низкими берегами, густо заросшими ивняком. Клим вошел по колено в воду и начал срезать тростник. В прозрачной воде плавали рыбки; они были похожи на собравшиеся в стайки запятые. Клим попробовал поймать хоть одну, но не тут-то было. Едва он протягивал руку, как стайка разлеталась в стороны.

Вдруг в зарослях зашуршало, словно там пробирался зверь. Клим вздрогнул, прислушался. В воздухе — ни ветерка, даже листья не шевелятся; все застыло в неподвижном зное, только высоко над озером парит коршун. Откуда же этот шорох?

Клим еще раз опасливо посмотрел на заросли, стараясь не шуметь, собрал нарезанный тростник и поспешил обратно.

Володя и Катя сидели рядышком на поваленной березе, спиной к тропинке. Володя держал в руке тетрадный листок в клетку и громко читал:

...наш лагерь крепко подружил!

Но, Катя, я не понимаю,

Как без тебя я прежде жил, —

Без наших встреч и без прогулок

В лесу, который эхом гулок...

Клим вышел из кустов и бросил на землю свою ношу. Володя обернулся.

— А-а, это ты, капитан. Ого, сколько тростника! Очень хорошая добыча... — Он вдруг схватил Клина в охапку и начал тискать.

Клим заметил, что листок бумаги со стихотворением упал на траву, и хотел уже сказать об этом, но тут с берега донеслись крики и ауканье.

Катя прислушалась.

— Это наши. Они кого-то ищут. Наверно, Левка Ситников опять удрал от всех.

В неподвижном воздухе раздались далекие звуки горна.

— Сигнал на обед. Что-то уж очень быстро. Здесь

так хорошо,—вздыхнула Катя.—Послушай, Володя, ты же здорово сочиняешь стихи. Попробуй, напиши песню — нашу собственную, Лесной Республики. Вот будет интересно!

Глаза у Володи сразу стали такими задумчивыми, словно он собирался сейчас же сочинять эту песню. Но тут опять донеслись звуки горна.

Володя подал команду:

— А ну, веселей! Свистать всех наверх, экипаж, по местам! — Он помог Кате сойти в лодку, перекидал туда тростник и застыл с поднятыми наготове веслами. — Эй, капитан, где ты там застрял?

Из кустов выскочил Клим.

— Посмотри, Вова, какие розовые камешки я насобирал. Их там еще много!

— Ладно, прыгай сюда скорей! Вот останемся без обеда, будут тогда тебе камешки.

Володя взмахнул веслами и погнал лодку к берегу.

★ ★ ★

За обедом на сладкое были сливы. Кроме того, Володя отдал Климу свою порцию. Клим едва добрался до кровати и так крепко уснул, что не услышал горна в конце тихого часа.

Когда он проснулся, на койках уже никого не было. Солнце теперь светило в комнату с другой стороны, через стекла веранды; в освещенном квадратике под койкой у Левки валялось несколько розовых камешков.

«Вот свинья! Как он посмел!»

Клим сел на кровати и откинул свою подушку. Нет. Все его девять камешков на месте.

Надо было заняться тростником, разрезать его на кусочки — будущие свистки. Но какая же работа без Володи?

Клим обежал весь лагерь, прежде чем догадался, где искать Володю. У дальнего забора над кустами сирени взлетали качели и слышался Катин визг.

«В восьмом классе, а боится», — подумал Клим. Ему опять стало обидно: «Теперь будет с Каткой до самого отбоя».

В соседних кустах раздался подозрительный хруст.

Клим упал в траву, раскрыл ножик, взял в зубы и пополз по-пластунски. Но тут же вспомнил, что

на нем новые трусы, приподнялся и продолжал красться уже на четвереньках.

На полянке в траве сидел Левка. В одной руке он держал белый сухарь, в другой... знакомый листок из арифметической тетрадки!

Клим от неожиданности даже уронил ножик.

Левка вздрогнул, но, увидев, что это Клим, успокоился.

— Ты что следишь за мной? Шпион!

— Это ты шпион. Где взял листок? Он Володин. Отдай.

Левка спрятал листок за спину.

— Не получишь. Я покажу стишок ребятам. Пусть разыграют твоего капитана.

Клим вздрогнул. «Капитаны должны быть смелыми, честными и верными дружбе».

Он больше не колебался. Пригнул голову и ткнул ею в Левкин живот.

Они покатались по траве. Левка был тяжелей и сильнее, он быстро справился с Климом и подмял его под себя.

Клим не думал о разорванных трусах, об ушибах и царапинах. Сквозь слезы, застилавшие глаза, он следил за Левкиной рукой, в которой был зажат листок. В какой-то момент Клим изловчился, рва-

Клим лег на бумажку животом.

нулся из последних сил и укусил эту круглую, с ямочкой у запястья руку.

Левка взвыл, разжал кулак и вскочил. Смятая бумажка упала на траву. Клим лег на нее животом.

Он лежал так, тяжело дыша, уткнув нос в траву, пока чьи-то сильные руки не подняли его и не поставили на ноги. Это был Володя. Он удивленно и строго смотрел на Клим. Вокруг толпились сбегавшиеся пионеры.

Левка тряс рукой и кричал:

— Он!.. Он!.. Я сидел и ел сухарь, а он напал на меня, как бешеный! Вот руку...

— Это правда, Клим? Почему ты это сделал? — сурово спросил Володя. — А ну-ка, миритесь. И что-бы такого не повторялось.

Левка метнул опасливый взгляд на Володю, лизнул пострадавшую руку и протянул ее Климу.

Тот поджал губы и отвернулся.

Кто-то из ребят подал Володе открытый ножик. — Вот. Он лежал здесь, под ногами.

Глаза у Володи стали узкими и неподвижными. — Этого еще не хватало! Ах, ты...

— Я сначала играл в индейцев, — тихо сказал Клим.

Но Володя уже не слушал его.

— Звеньевых прошу собраться сейчас же на веранде. А Клим Горелова мы вызовем потом.

Пионеры испуганно перешептывались. Только одна Катя Малинина спокойно сказала:

— Ну и что же из того, что это ножик Клим? Он же говорит, что играл в индейцев. Ты ему не веришь, Володя? — Она взяла Клим за плечи. — Пойдем умываться. Смотри, какой ты грязный и поцарапанный.

Клим поднял глаза на Володю, но тот сердито отвел взгляд.

У Клим задрожали губы. «Сейчас потекут слезы. Их увидят все — и Левка. Нет!» Он вырвался из Катиних рук и, не разбирая дороги, бросился прочь.

Клим не видел, как за его спиной Левка украдкой поднял с травы злополучный листок бумаги и как Володя, заметив это, схватил Левку за руку.

Клим убежал на задний двор к звенящему в камнях ручью и принялся ожесточенно смывать слезы.

Несколько минут спустя туда примчался Володя. Он дышал так, будто пробежал стометровку на соревновании.

Володя прыгнул в ручей прямо в тапочках.

— Я дурак!.. Я верблюд! Прости меня, Клим, я же не знал...

Клим обхватил мокрыми руками шею своего друга и уткнулся носом в комсомольский значок на его рубашке.

А Володя гладил его по взлохмаченной голове и каким-то незнакомым голосом говорил:

— Ну-ну... Ну, перестань. Капитаны не должны плакать.

— Да я поцарапался о твой значок... — Клим поднял голову и потер нос. — А я буду капитаном, Вова?

— Конечно, Клим. Ты будешь настоящим капитаном!

Глава третья

В ПАТРУЛЬНОМ ДОЗОРЕ

Боря долго не разрешал Климу подняться в Атаманское гнездо. На все просьбы Клим он важно отвечал: «Еще свернешь себе шею. Тут требуется

умение второй ступени». Но однажды после завтрака Боря сам вдруг подозвал Клим, уныло бродившего вокруг Атаманской сосны.

— Сигнализацию понимаешь? Ну, например, как будет: «Прошу помощи»?

У Клим застучало в груди. Он сдернул с шеи красный галстук и взмахнул им три раза крест-накрест.

— А как: «Все хорошо, иду по заданию»?

Клим поднял галстук над головой и медленно, круговым движением опустил его.

— Я могу, Боря, показать еще «Опасность», «Важная находка» и...

— Ладно, — перебил Боря, — вижу, что знаешь. — Он повесил свой бинокль на грудь Клим. — Подежурить, пока мы с Виткой будем проводить телефон в Главный штаб.

Потом Боря задрал голову и сначала засвистел пощеглиному, а после крикнул:

— Эй, на вахте! Опускай трап!

По стволу сосны скользнула, разматываясь, веревочная лестница.

И вот наконец-то Клим в Атаманском гнезде! Это небольшой дощатый настил с крепкими перилами из жердей, переплетенных ветками, — настоящее гнездо! Его построили Боря и Витка Атамановы, и на совете дружины было решено назвать этот наблюдательный пункт Атаманским — в честь его строителей, тем более что фамилия такая примечательная.

Сосна не очень высокая, зато она растет на холме. Отсюда видны не только все закоулки лагеря, но и соседний колхоз, и озеро, и окрестный лес на несколько километров. Дежурить здесь — дело ответственное. Вчера, например, Витка Атаманов заметил, что с шоссе свернула в лес грузовая машина с экскурсантами. Витка подал сигнал, и через пять минут Летучий отряд под командой Володи Ковальчука вышел по указанному направлению. Пусть бы попробовали экскурсанты развести в лесу костер или наломать веток! Разведчики помчались бы в колхоз или на перекресток шоссе, где всегда находится со своим мотоциклом лейтенант милиции товарищ Щепкин. А есть еще и другие средства борьбы с вредителями леса. Например, на одной толстой березе кто-то вырезал ножом: «Здесь был Анатолий В.». Володя Ковальчук сочинил стишок, его переписали масляной краской на железку, а железку приладили к колышку рядом с этой березой.

Безмозглый Анатолий В.,
У тебя пусто в голове,
Царит в ней абсолютный мрак.
Или ты водки нализался?
Испортил дерево, дурак!
И сам же в этом расписался.

Пусть все читают. Небось, не захочется подражать. А в Лесной Республике появилась новая поговорка. Если кто скажет глупость или напортит что-нибудь, ему говорят: «Эх ты, Анатолий В.!» — и это обидней всяких ругательных слов.

Клим прижимает к глазам бинокль и ведет его по кругу. Не худо бы обнаружить нарушителей и получить за это хотя бы одно «хорошо». О большем Клим пока и думать не смеет. Ведь за три полезных дела, сделанных в один день, — «три раза хорошо» — дается звание «Победитель» и право разбить палатку в любом месте на расстоянии километра от лагеря и провести в ней двадцать четыре часа; варить картошку в настоящей походном ко-

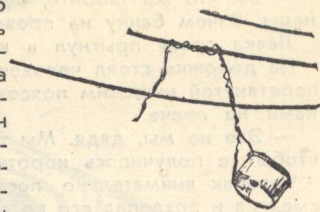
телке, спать на охотничьей постели из еловых веток. Можно позвать к себе друзей — кого захочешь, пусть даже пионеров-инструкторов, — никто не откажется прийти в гости к победителям.

Клим, не отрываясь, смотрит вдаль... Вон в Рябиновой роще просвечивает сквозь листву палатка с голубым флагом. Там Катя Малинина и Вера Звонкова. Они позавчера встретили отбившуюся от стада корову. Катя рассказывала: «Я думаю, чего это она так жалобно мычит и все ходит за нами. А потом мы догадались: подоить ее надо. Хорошо, что у нас было ведро, в которое мы ягоды собирали». Совет дружины подсчитал: корову подоили, свели ее в колхоз да еще и молоко сохранили — «три раза хорошо». И вот теперь Катя и Вера целые сутки будут жить в палатке под голубым флагом победителей. Счастливые!

Клим вздохнул и навел бинокль на лес. Перед глазами замелькали деревья, да так близко, что каждая щербатинка на коре видна; проплыла силосная башня колхоза, блеснуло озеро. Там, неподалеку от Щучьего залива, на поляне Трех Берез, Клим облюбовал одно место. Тут разобьет он свою палатку... Он уже знает, что вход в палатку должен быть с южной стороны, чтобы кусты защищали от ветра; столбики должны стоять косо, вбитые в землю по всем правилам пионерских ступеней, а веревки крепко натянуты...

Только Клим пока никому не говорит об этом. Кто же поверит, что он, самый младший в отряде, может выполнить задание Голубого флага? Вот если бы в разведку с Климом ходил не Левка Ситников! Пусть лучше любая девчонка! Левка старше Клима, но он обжора, трус и лентяй. Он даже

не хочет стелить свою постель и разделявать выкорчеванные с футбольного поля коряги на дрова для лагерной кухни, хотя Второй закон Лесной Республики гласит: «Обходишься без нянек, делай все сам». Разве с таким напарником добьешься чего-нибудь?

А во всем виноват помощник вожатого Володя Ковальчук, — вот уж от кого Клим меньше всего ждал несправедливости! На совете отряда Володя сказал: «Клим Горелов и Лева Ситников постоянно ссорятся. Надо положить этому конец. Местность у нас хорошо разведана, и пионерам разрешено свободно передвигаться в радиусе двух километров. Предлагаю: пусть Лева и Клим патрулируют вместе и отвечают друг за друга».

Резкий звонок прервал размышления Клима. Звонил полевой телефон, укрепленный на перилах Атаманского гнезда. Клим схватил трубку, приложил к уху и, услышав посвист щегла, закричал:

— Боря, это ты?.. Это я, Боря! Ух, как здорово слышно!

— Отвечать надо по форме, — заметил Боря. — Докладывайте, что на горизонте?

Клим вытянулся по стойке смирно, хотя рядом никого не было.

— Докладывает вахтенный Атаманского гнезда. На горизонте все спокойно... Боря, можно я еще подежурю?

— Хватит. Это не для маленьких. Сейчас вас смеит Витка. Повесьте бинокль на ветку и спускайтесь. Да смотрите не свалитесь.

«Не свалитесь! Важничает, что он пионер-инструктор». Клим нехотя снял бинокль и спустился по веревочной лестнице.

У подножия сосны, привалившись к стволу, сидел Левка Ситников и камнями разбивал косточки от компота.

— За завтраком не наелся, что ли? — сердито спросил Клим. — Пошли в разведку.

Левка лениво поднялся. Клим неприязненно посмотрел на своего напарника и скомандовал:

— Я буду смотреть направо, а вы налево. Если что увидите, сразу докладывайте. Пошли.

Было еще по-утреннему прохладно. Пахло свежим сеном и хвоей. В кустах галдели и распевали птицы, над головой звенели всякие мошки, протяжно гудели телефонные провода.

На проводах висела обязанная веревкой консервная банка и тихонько раскачивалась.

А если подует сильный ветер? Ясно, банка сделает короткое замыкание, и никто не сможет дозвониться в колхоз. Надо банку снять. Но как?

Мальчики стояли, задрав головы. Клим соображал:

«В требованиях первой ступени сказано: умей попадать мячом в цель. Но за мячом нужно бежать в лагерь. А зря, что ли, Володька Ковальчук учил сбивать камнями шишки?..»

— Левка, собирай камешки, живо!

Камней удалось найти немного — всего два глыба и несколько обломков кирпича. Зато сучков и палок набрался целый ворох. Мальчики принялись сбивать банку, но это оказалось не просто. Одно дело — сшибать камнями шишки, их на дереве полно, не ту, так другую зацепишь. А тут всего одна банка...

Сбить банку оказалось не просто.

— Вы что же творите, бездельники? А еще пионеры. Зачем банку на провода забросили?

Левка сразу прыгнул в кусты. Клим обернулся. На дорожке стоял человек в брезентовой куртке, перетянутой широким поясом, и с железными кошками на плече.

— Это не мы, дядя. Мы только хотели сбить ее, чтобы не получилось короткого замыкания.

Человек внимательно посмотрел на Клина, засмеялся и похлопал его по спине.

— Тогда другое дело. Только так разве собьешь? Скорее всего провода оборвете.

Он бросил кошки на траву, достал из кожаной сумки нож и ушел в заросли кустарника.

На дорожку выполз Левка.

— Иди, не бойся,— позвал Клим.— Смотри-ка. Давай примерим.

Мальчики стали разглядывать и ощупывать кошки, попробовали их надеть.

— Я, когда вырасту, буду монтером. Мне выдают такие же,— сказал Клим.

Вернулся монтер. В руках у него был длинный гибкий прут вроде удилца. Монтер ловко подцепил банку этим прутом и снял ее с проводов, а прут отдал мальчикам.

— Возьмите, пригодится для рыбалки.

Ребята шли и смотрели вверх. Пусть только падает еще одна банка, теперь есть чем снять ее.

Но банок больше не попадалось, а провода уходили все дальше. Вот они вывели на шоссе, смешались с другими проводами и потянулись над асфальтовой лентой к городу.

На обочине дороги стоял мотоцикл — синий с красным. Заднее колесо было снято, перед ним сидел на корточках лейтенант милиции с закатанными по локоть рукавами гимнастерки.

— Здравствуйте, товарищ Щепкин,— сказал Левка.

А Клим спросил:

— Что у вас случилось?

Щепкин заправлял в покрывку новую камеру. Старая валялась в стороне.

— Да вот, «вредителя» поймал.— Он показал ребятам острый гвоздик.— На шоссе валялся, а я наехал.

Потом он вынул из коляски мотоцикла насос. Мальчики одновременно протянули руки.

— Дайте мы покачаем!

— Ну, покачайте. Только я сначала заверну золотник. Видите, пружинка с провололочкой. А вот колпачок с двумя усиками, этими усиками я заворачиваю золотник в вентиль камеры. Вот так. Теперь можно накачивать, воздух не выйдет.

Мальчики взялись за дело, а Щепкин расстегнул ворот гимнастерки с белым подворотничком, обер платком лицо и шею, потом присел на край канавы и закурил. А глаза у него все видят. Вот мимо несется «Победа», Щепкин погрозил пальцем водителю, и тот поехал потише.

Клим шепнул Левке:

— Я, когда вырасту, буду автоинспектором. И мне дадут мотоцикл с коляской.

Сначала показалось, что качать напеременку — по десяти раз каждый — легко: не успеваешь уставать. Но постепенно становилось все труднее давить на ручку насоса. А после семидесятого раза мальчикам пришлось качать вместе. Тогда Щепкин сменил их. Он качнул еще раз тридцать, потом ударил молотком по покрывке так, что она зазвенела.

— Ну вот, работа закончена. Завертывайте колпачок на вентиль.— Он снова обер платком лицо.— Видите, ребята, один маленький гвоздик, а сколько

труда пришлось затратить нам троим! Спасибо за помощь.

Клим подумал немножко и предложил:

— Давай, Левка, будем подбирать на дороге гвоздики и всякие там битые стеклышки, чтобы шоферы не прокалывали колеса.

Но лейтенант сделал строгое лицо.

— Ни в коем случае! — сказал он.— Вчера подвыпивший водитель сбил девочку. Держитесь подальше от шоссе.

Делать нечего — нельзя, так нельзя. Пришлось уходить. Слушаться взрослых — это Первый закон Лесной Республики.

Глава четвертая

БОЙ НА ПОЛЯНЕ ТРЕХ БЕРЕЗ

По дороге к лесу Левка спросил:

— Как думаешь, засчитают нам хотя бы одно «хорошо»? Мотоцикл-то мы починили.

— Почини-и-ли,— передразнил Клим.— Качнули сколько-то раз, и то не до конца. Надо сделать что-то настоящее.

Но что? Клим задумался, глядя, как Левка сшибает удищем головки одуванчиков... Банка тоже не считается: ведь ее снял монтер. Да, видно, правильно говорит старшая пионервожатая: «Навердиль, напортишь — это каждый может, это проще всего. А вот сделать хорошее — куда труднее».

И правда, взять хотя бы эту дорогу, что ведет на колхозную ферму. Тут была такая колдобина! После дождя в ней буксовали все машины. Горнист Валька Спицын первый заметил это. В тот день пионеры отменили работы по расчистке футбольного поля и всем лагерем таскали сюда на носилках песок, гравий, щебенку... Зато вот на свежей земле следы легковой автомашины. Недавно, видно, прошла — и хоть бы что! А прежде здесь даже грузовики застревали...

Поодаль за деревьями что-то ухнуло — глухо, как большой барабан. Эхо подхватило грохот и понесло его по лесу.

Мальчики остановились, переглянулись.

— Это возле Щучьего залива,— определил Левка.

Схватив за оба конца удище, они помчались к озеру напрямик через кусты и овражки.

— Не тормози, толстяк! — кричал на ходу Клим и тянул за удище Левку, как на буксире.

Бежали долго. Путь был нелегкий. Ветки ольшаника хлестали по груди, крапива обжигала ноги, а когда поднимались в гору, тапочки скользили по сухим сосновым иглам.

Но вот наконец и озеро. Берег оказался безлюдным. На воде — тоже никого. Только в маленькой бухточке — Щучьем заливе — на легкой ряби качались белыми брюшками вверх несколько дохлых рыбешек.

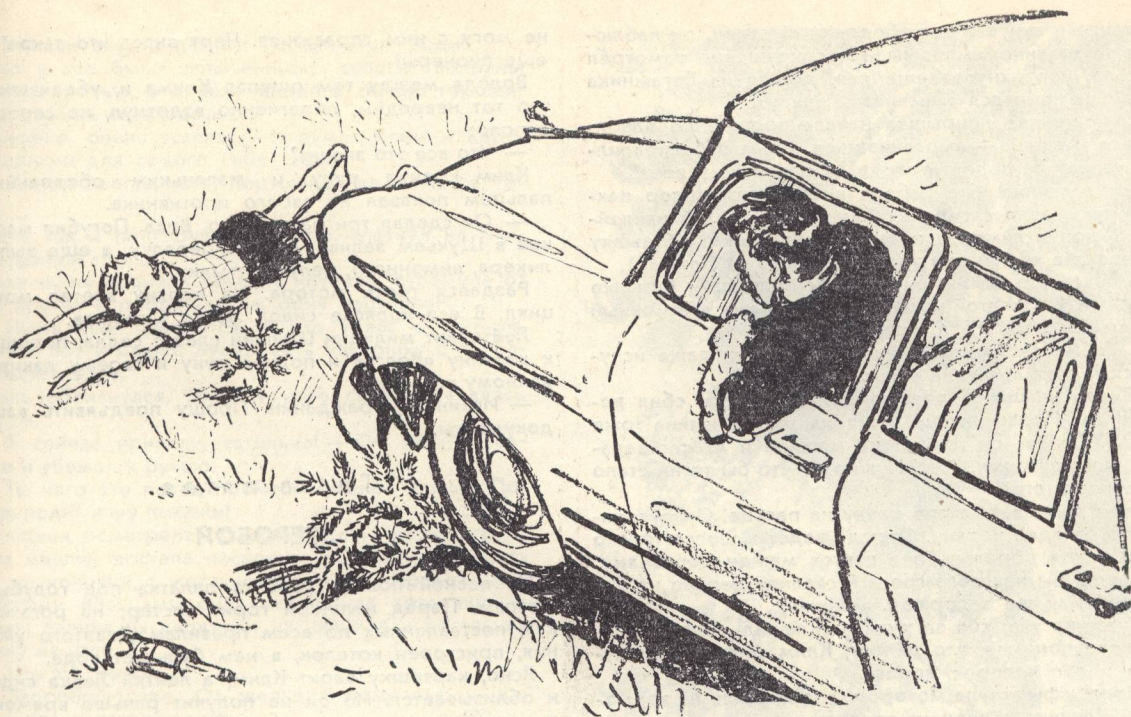
— Здесь кто-то глушил рыбу,— догадался Левка.

Мальчики вошли по колено в воду. Теперь они увидели множество мертвых мальков; в каждой зачерпнутой горстке воды они попадались густо, как снетки в супе.

Кто же погубил столько мальков? Ведь из них выросла бы рыба.

Клим осмотрелся.

От озера тянулись следы босых ног; теперь они уже заполнены проступившей сквозь песок водой, но отпечатки пальцев еще видны. Вот когда надо применить Четвертое умение — «Зоркий глаз»: каждый рядовой Лесной Республики должен уметь раз-

Клим выбежал из кустов и лег поперек дороги.

личать следы птиц, животных и, уж конечно, следы человека...

У большого камня следы прервались. Ага! Тут он одевался! Ну да, камень еще не успел просохнуть. А вот на тропинке горелая спичка: наверное, он закуривал. Тропинка ведет к поляне Трех Берез. Скорее туда!

И снова, держась за удилице, мальчики бегут по лесу. Сейчас надо быть осторожнее: из-за любого дерева может появиться враг — и в то же время не мешкать: враг может скрыться. Надо выследить его и сообщить колхозникам. Пусть-ка объяснит им, зачем погубил столько рыбы.

Внезапно Клим бросился на землю. Левка, отдуваясь, остановился. Клим отполз за кусты и поминал к себе Левку.

— Ты что? — испуганно спросил тот.

— Тс-с-с!.. Смотри...

Сквозь кусты хорошо видна поляна. На ней стоит синяя «Волга»; дверцы машины открыты, рядом на траве — коврик, на нем — бутерброды, бутылка. Под задним колесом «Волги» примята молоденькая береза — одна из тех трех, между которыми Клим мечтал разбить свою палатку... А вот и хозяин машины — полный широкоплечий мужчина в тенниске и белых брюках — присел на корточках возле багажника и завертывает в клеенку больших щук.

Левка облизнулся.

— Гляди, лимонад. Это шипучка. Видишь, желтая наклейка. Хорошо бы попить!

Клим провел языком по губам. Ему тоже очень хотелось пить. Но разве сейчас время?..

— Лежи тихо и наблюдай. Я быстро...

Он взял удилице, отполз подальше и побежал, стараясь не наступать на сухие ветки.

На вершине холма, поросшего редкими молодыми сосенками, Клим остановился. Отсюда видно Атаманское гнездо: высоко в небе полощется на ветру флаг Лесной Республики.

Клим привязал к удилице свой галстук и поднял его над деревцами.

Неужели не заметят?.. Нет, заметили!

Над Атаманским гнездом взлетела красная точка и застыла пониже флага. Клим взмахнул своим галстуком три раза крест-накрест: «Прошу помощи». Красная точка на Атаманском гнезде повторила это движение — сигнал принят.

Пробираясь назад к поляне Трех Берез, Клим уже не так волновался. Сейчас Боря или Витька звонят по телефону в Главный штаб. Через несколько минут Летучий отряд под командой Володи Ковальчука выйдет по указанному направлению. Надо спокойно ждать.

Спокойно? Как бы не так! Пока Клим бегал на холм, обстановка на поляне изменилась: коврика на траве уже нет, дверки у «Волги» закрыты, мотор тихонько ворчит, а мужчина сидит за рулем.

— Сейчас он уедет! Левка, что делать?

Левка не знает.

Клим с тоской смотрит на примятую березку; ее тонкий ствол согнулся под задним колесом, оно совсем близко от мальчиков, и на нем — вентиль с колпачком, точно такой же, как на мотоцикле Щепкина: с двумя усиками...

Клим подполз к колесу, руки словно сами собой раздвинули кусты, потянулись к колпачку...

С трудом, так что на одном пальце даже сломался ноготь, Клим отвернул колпачок. Усики вошли сразу куда им положено. Поворот, второй, третий, четвертый... Жж-ж-ж-ж-ж-ж...

Золотник пулей вылетел наружу, воздух со свистом и шипением вырвался из вентиля. «Волга» скобочилась, осела на одну сторону.

Левка, как ужаленный, вскочил на ноги, стремглав пустился по тропинке. Вслед ему понеслась ругань. Мужчина грозил кулаками, чертыхался, кричал:

— Вот я покажу тебе, хулиган!

Клим остался на месте. Скрытый кустами, затаив

дыхание и сунув в рот ободранный палец, он наблюдал за хозяином машины. Тот сокрушенно осмотрел колесо, чертыхнулся еще раз, достал из багажника насос и принялся накачивать воздух.

Сплюснутая крышка начала постепенно наполняться, машина — выравниваться. Клим забеспокоился: успеет ли подойти отряд? А вдруг не успеет?

Вот мужчина уже собрал инструмент, вытер палец, взял с сиденья бутылку с желтой наклейкой и допил лимонад прямо из горлышка, а бутылку швырнул в кусты; она упала недалеко от Клим.

И вовсе это не лимонад. Клим подполз к бутылке поближе. На желтой наклейке напечатано: «Лимонный ликер. Емкость 0,5 л, крепость 32°».

У Клим застучало сердце так, что он даже испугался: вдруг мужчина услышит?

«Вчера на шоссе подвыпивший водитель сбил девочку...» Подвыпивший! Но ведь этот мужчина тоже выпил. Сейчас он поедет на машине и может задавить кого захочет... Нет! Нужно во что бы то ни стало задержать его!

Клим даже забыл про ранку на пальце. Он лихорадочно оглядел поляну. Отсюда ведет к шоссе только одна узкая дорожка, она вьется между деревьями. Эх, пусть бы налетела гроза и свалила дерево на дорожку! Как же задержать машину?..

Мужчина уже сел за руль и включил мотор.

Плохо понимая, что делает, Клим выбежал из кустов и лег поперек дороги.

«Волга» фыркнула мотором, споткнулась на тормозах. Мужчина вышел из-за руля.

— Ты что задумал, негодяй? Мало тебе, что выпустил воздух из колеса? Вот я сейчас разделаюсь с тобой. А ну, вставай!

Клим не тронулся с места и молча смотрел в глаза мужчины. Как он ненавидел это розовое лицо с отвисшими щеками и толстогубым ртом, из которого пахло ликером — емкость ноль пять, крепость тридцать два градуса!

Мужчина поднял Клим, сильно встряхнул его и оттащил в сторону от дороги.

— Убирайся отсюда, дурак!

Он пошел к машине и снова сел за руль. Клим опять лег на дорогу.

— Ах, вот ты какой! Ну, погоди же...

Рывкнул мотор. Клим не пошевелился. Он только закрыл глаза.

«Хочет напугать. А наехать все равно не посмеет. Тот, на шоссе, сбил девочку случайно, а нарочно никто не посмеет. Но все-таки он пьяный. А вдруг наедет?..»

Гул мотора уже над самым ухом. В лицо пахло бензиновым жаром, горячим маслом. Клим приоткрыл один глаз... Блеснул на солнце передний бампер «Волги», колеса растопырены, как лапы зверя... Но машина остановилась.

Клим открыл второй глаз.

Теперь мужчина смотрел на него не только со злостью. В его взгляде появились еще растерянность и недоумение.

— Послушай, ты! Чего тебе от меня надо?

Но Клим молчал. Он приподнялся на локте и прислушался: за деревьями раздался посвист щеги.

В ту же минуту из-за кустов выбежали ребята. Володя Ковальчук бросился к лежащему на дороге Климу.

— Что с тобой?! Что здесь происходит?..

Мужчина развел руками.

— Я бы сам хотел понять. Этот безобразник ваш, вероятно? Сначала он повредил мне колесо, а теперь вот лег на дорогу и не хочет вставать. Я никак

не могу с ним справиться. Черт знает что такое! А еще пионеры!

Володя между тем ощущал Клим и, убедившись, что тот невинен, облегченно вздохнул, но спросил сурово:

— Что все это значит?

Клим поднял руку и маленьким ободраным пальцем показал на своего противника.

— Он сделал три раза плохо, Вова. Погубил мальчиков в Щучьем заливе, сломал березку, а еще выпил ликера, лимонного, целую бутылку.

Раздался треск мотора. На поляну влетел мотоцикл. В его коляске сидел Левка Ситников.

Лейтенант милиции Щепкин слез с седла, подошел к хозяину «Волги» и поднес руку к своему лакированному козырьку.

— Извините, гражданин. Прошу предъявить ваши документы.

Глава пятая

ЗВЕРОБОЙ

На лесной поляне разбита палатка под голубым флагом. Перед палаткой горит костер; на рогатниках, поставленных по всем правилам Девятого умения, пристроен котелок, в нем булькает вода.

Ясно, картошку варит Клим, а лентяй Левка сидит и облизывается. Но он не получит раньше времени ни полкартошины, потому что в гости к Левке и Климу сегодня придут Катя с Верой, горнист Валька Спицын и — главное — помощник вожатого Володя Ковальчук!

Палатка стоит между тремя стройными березками; одна из них аккуратно подвязана к воткнутому в землю удилицу. Кора у этой березки изрядно поцарапана, две ветки сломаны, но это ничего. Колхозный агроном сказал: если беречь деревцо — заживет.

А вот палец у Клим чего-то не заживает. Видно, усики у колпачка «Волги» были грязные. Вчера Клим забыл про палец, даже не пошел в медпункт, но сегодня утром, когда ставили палатку, разбередил ранку, и теперь она вся красная, а под ногтем стучит: тук-тук, тук-тук. Неужели будет нарыв?

А тут еще Левка пристаёт. Ноет, как эта ранка на пальце.

— Клим, а Клим!.. Ну дай хоть одну картошину! Когда они еще придут!

Климу и самому хочется, чтобы скорее пришли ребята. Тогда можно будет показать палец Кате. Уж она-то должна знать, что прикладывают к таким ранкам. А может, все-таки сбежать в медпункт?.. Нет. До лагеря целый километр; пока вернешься, Левка обязательно съест всю картошку. Придется потерпеть.

Клим пристраивает рядом с котелком чайник и, зажав больной палец между коленками, снова садится у костра.

Так идет время: вода булькает, палец болит, а Левка все канючит...

— Здравствуйте! — раздался сзади чей-то голос.

Левка вздрогнул от неожиданности, мальчики обернулись. На поляну из лесу вышла женщина; на ней резиновые сапоги, мешок за спиной, а в руке кошелка с грибами.

Женщина, разминаясь, повела плечами, присела к костру и потянула носом воздух.

— Ух, как вкусно пахнет! Рассыпчатая, поди?

Лицо у нее было запыленным, сапоги покрыты болотной грязью, а из-под платка в синюю горошину выбивались седые волосы.

«Наверно, очень устала», — подумал Клим и вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— Хотите поесть, тетя? Картошка уже, кажется, готова.

Левка так и подскочил на месте. Метнул на Клима сердитый взгляд.

А женщина подняла крышку котелка, отломала от куста прут и проткнула им одну картофину.

— Пусть еще доварится. А что у вас в чайнике, кипяток? Вот и ладно. Будем есть картошку с грибами. Несите воду.

Левка облизнулся. Лицо у него сразу сделалось добрым.

— Я сейчас принесу, тетенька! — Он схватил ведерко и убежал к ручью.

— Ты чего это палец промеж коленок зажал? Порезал, поди? А ну покажи!

Женщина осмотрела ранку. Потом порылась в своем мешке, достала несколько травинок с метелками на конце и с желтыми цветками. Проворными жилистыми пальцами она искрошила травинки в кружку, залила их кипятком из чайника и поставила кружку на угли.

— Что это, тетя?

— Зверобой-травя. От желудка помогает, и раны ею промывать хорошо.

Вернулся Левка с ведерком холодной воды. Он то и дело облизывался, глядя, как женщина ловко чистит грибы. А Клим смотрел на кружку. Вода в ней булькала коричневыми пузырями.

— Хаатит, — сказала женщина, — сними, пусть стынет.

— Ой, тетя! — воскликнул Левка. — А зачем у вас в корзинке мухоморы?

— Для лекарства припасла.

— Они же ядовитые!

— Ну и что? Растений много ядовитых, а лекарства из них получаются полезные. — Женщина улыбнулась. — Для мух, например.

— Для мух можно купить в аптеке.

— Ишь ты, приткий какой! А в аптеке, думаешь, растет? Туда надо предоставить. Ваш брат, пионеры, слышала я, помогают в этом.

— Это девчоночье дело — травинки-муравинки собирать. У нас этим Катька Малинина занимается. А мы!... Тут Левка вдруг запнулся. Не мог, наверное, сразу вспомнить, чем же он занимается.

Женщина внимательно посмотрела на него.

— А ты, поди, государственные дела решаешь? Ну-ну...

Она промыла палец Клима отваром из кружки. Потом соскребла с соседней ели сгусток смолы и замазала ею ранку.

— Вот запомни, сынок. Если в лесу порежешься или еще какая царапина — лучше еловой смолы средства нет. Залепи, как положено, и следа не останется. А теперь поедим.

Грибы с картошкой оказались такими вкусными, и было их так много, что даже Левка не сумел одолеть свою порцию. А в котелках осталось больше половины.

Мальчики разлеглись у палатки, подставив солнышку полные животы. А женщина осталась возле костра; она раскладывала перед огнем корешки и травы из своего мешка, перебирала их, рассматривала и, слегка раскачиваясь, напевала что-то себе под нос.

С Климом остался Володя.

— А вдруг она колдунья?.. — прошептал Левка. Предзакатное солнце не жгло и грело ласково, по-дружески. Высоко в небе медленно кружил кор-

шун, ветерок прохаживался по верхушкам деревьев, шелестел голубым флагом над палаткой. В животе приятно урчало. Тихонько потрескивал костерок на поляне Трех Берез.

Мальчики незаметно для себя уснули.

А проснулись они от звука трубы. Валька Спицын стоял посредине поляны и играл «подъем».

— Хороши следопыты! — засмеялся Володя Ковальчук. — Даже дозор не выставили. Стоило бы снять с вас скальпы. А где же обещанное угощение?

Левка и Клим вскочили на ноги. Смущенно потерли глаза, осмотрелись.

Костер давно погас. Женщины возле него не было. Вместе с нею исчезли оба котелка, ложки и ножик Клим — великолепный ножик с двумя острыми лезвиями и пластмассовой ручкой!.. Только кружка с отваром зверобоя стояла, забытая в траве.

— Я же тебе говорил, что она колдунья! — крикнул Левка.

Из палатки появились Катя и Вера.

— Смотрите, ребята, что мы нашли. Ай да Клим и Левка! Молодцы, настоящие хозяйки!

Вера держала сверток из одеял. В нем оказались оба котелка. Когда их раскрыли, по поляне разнесся такой аромат горячих грибов и картошки, что у всех потекли слюнки.

А у Кати в руках была вторая кружка; в ней стояли торчком чисто вымытые ложки и ножик Клим.

— Про какую это злую колдунью ты здесь толковал? — спросил Володя.

Левка прикусил язык.

А Клим посмотрел на свой палец. Смола на нем затвердела тонкой прозрачной корочкой, а ранка вовсе перестала болеть, будто ее никогда и не существовало.

— Это не злая колдунья, Вова. Это была добрая волшебница.

Пока ребята ели картошку с грибами, — конечно, Левка вместе с ними уплетал во второй раз, — Клим

достал свою фляжку, перелил в нее из кружки отвар зверобоя и плотно закрыл пробку.

Весело звенели голоса на поляне Трех Берез. Опять разожгли костер, и его искры полетели к темнеющему небу. Володя развернул «Комсомольскую правду» и прочитал потрясающую новость: письмо юным пионерам от Маршала Советского Союза Баграмяна. В письме говорилось, что в связи с большим сокращением Советской Армии Министерство обороны передаст школам, дворцам пионеров и станциям юных натуралистов разное имущество: инструмент, машины, приборы, детали.

Володя читал:

— «Что же получат наши ребята? Две тысячи лагерных палаток, тысячу походных кухонь, пятьдесят тысяч солдатских фляг и котелков; бинокли, стереотрубы, радиопередвижки, киноаппаратуру. Юным туристам и техникам очень пригодятся пять тысяч топоришков, полевые телефоны, лодки, катера, подвесные моторы и сто тысяч малых пехотных лопаток».

— Ого! Сто тысяч лопаток! — обрадовался Клим. — Тогда мы быстро расчистим футбольное поле. Правда, Вова?

Все рассмеялись. Но Володя сказал серьезно:

— Правда. Поставим двое ворот, и я возьму тебя в команду вторым вратарем.

В этот вечер Клим засыпал счастливый, как никогда. Левка захныкал, что ему холодно, и ушел ночевать в лагерь с ребятами, а с Климом остался Володя. Они долго сидели у костра и смотрели на звезды; и Володя научил находить Большую Медведицу, Вегу, а еще Полярную звезду, по которой капитаны в море прокладывают путь корабля.

А потом мальчики забрались в палатку на подстилку из хвои, под теплые одеяла, и Володя пообещал взять Клим за завтра в колхоз на птицеферму. А уж если он пообещал, значит, так и будет. Ведь это друг Клим, Володя, у которого, даже когда он спит, мускулы на руках круглые, как мячики.

(Продолжение в следующем номере)

12 апреля 1961 года

Посвящается первому космонавту

И плакать и смеяться
Нам хочется сейчас:
Человек поднялся в космос
Сегодня в первый раз!

Тот час был часом славы,
Триумфом всех побед
И гордостью державы,
Мечтою долгих лет.

С победой возвратился
Космический пилот,
Достигнув небывалых
До этого высот.

Теперь открыты настуже
Все двери в космос нам,
И скоро полетим мы
К таинственным мирам!

Таня ВАСИЛЬЕВА
7 кл. «В» 122 школа
г. Москва.

ПИОНЕРИЯ
ШАГАЕТ
ПО
ЗЕМНОМУ
ШАРУ

ПИОНЕР
УКРЕПЛЯЙ
НЕУСТААННО
НА ПЛАНЕТЕ
ДРУЖЬУ
РЕБЯТ!

Когда поднимается солнце и начинается новый день, ты повязываешь красный галстук. Как будто флаг поднимаешь: «Смотрите все, я готов! Готов к борьбе за дело Коммунистической партии!».

Каждое утро затягивают крепкие узлы красных галстуков семнадцать миллионов советских пионеров — членов детской коммунистической организации.

И вместе с ними выходят на борьбу за мир и дружбу десятки миллионов ребят на всем земном шаре.

Поднимая руку для салюта «Всегда готов!», помни, что ты боец огромной, сплоченной армии детей трудового народа всего мира.

На последней странице «Правды» рисунок. Художник нарисовал троих ребят. Это Франсуа, Патрис и Жюлиана — осиротевшие дети Патриса Лумумбы.

«Приезжайте к нам в Советский Союз!» — пишут советские ребята в тысячах писем. «К нам, в Пензу, в интернат!», «К нам, в Минск!», «К нам, в Черемховскую школу! Мы примем вас как родных».

...А эти ребята спешили утром по улице, но, не сговариваясь, остановились у газетной витрины.

— Слушай, Витка, я им pošлю свои марки! Все! И новозеландские! Как думаешь, дойдет письмо в Конго?

— Эх ты, газет не читаешь, что ли? Они уже давно в Каире живут. Конечно, дойдет! Марки — это ты здорово придумал!

АВСТРИЯ

«Молодая гвардия» — пионерская организация Австрии.

Организация основана в 1945 году.

Девиз: «Дружба между детьми всех стран мира!»

АНГЛИЯ

«Лесной народ» — прогрессивная детская организация Англии.

Организация возникла в 1925 году. Объединяет более 5 тысяч человек.

Девиз: «Крепить международную дружбу!»

АЛБАНИЯ

Пионерская организация Народной Республики Албании отмечает свой день рождения 10 февраля каждого года.

Объединяет организация более 150 тысяч пионеров. Девиз: «К борьбе за дело партии будь готов!»

10 февраля 1942 года на окраине города Тираны был создан первый отряд албанских пионеров. Повернувшись на восток, где шла великая битва советского народа против гитлеровцев, пионеры дали торжественную клятву бороться против фашистов.

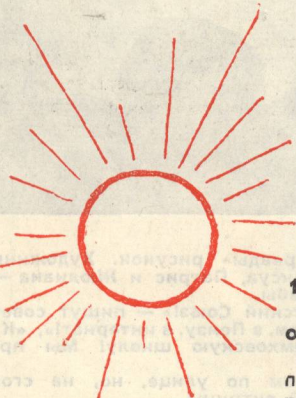

АРГЕНТИНА

Союз пионеров Аргентины — детская организация, цель которой — помочь детям рабочих вырасти здоровыми, избавить их от губительного влияния улицы, дать им возможность заниматься спортом, самодеятельностью, читать книги.

Пионеры помогают бастующим рабочим, заботятся об их детях, семьях. В прошлом году большинство районов страны пострадало от наводнения. Пионеры организовали кампанию помощи жертвам наводнения. Они собрали целые машины одежды и продовольствия.

БЕЛЬГИЯ

Союз пионеров Бельгии возник в 1953 году.

Девиз: «Будь всегда готов строить и объединять!»

Союз пионеров Бельгии резко выступает против того, чтобы детям показывали американские фильмы о бандитах и убийцах, выступает против продажи детских военизированных игрушек.

БОЛГАРИЯ

Димитровская пионерская организация «Септемврийче» основана 23 сентября 1944 года.

Девиз: «Димитровские пионеры, в борьбе за дело социализма, за счастье нашей родины будьте готовы!»

У болгарских пионеров есть своя димитровская двухлетка. 650 тысяч ребят помогают старшим выполнять пятилетний план и борются за звание «спутников пятилетки».

ВЕНГРИЯ

Союз пионеров Венгерской Народной Республики основан в июне 1946 года.

Сейчас в Венгерской Республике больше 400 тысяч пионеров.

Девиз: «За трудовой народ, за родину, вперед, непоколебимо!»

Эту пионерку из Будапешта зовут Ханна Кювит. Ханне всего девять лет, но ее уже хорошо знают ребята в Венгрии. Три года назад Ханна была награждена почетным дипломом на выставке детского рисунка в Японии. Второй диплом — награду за свои работы — она получила из Китайской Народной Республики.

ВЬЕТНАМ

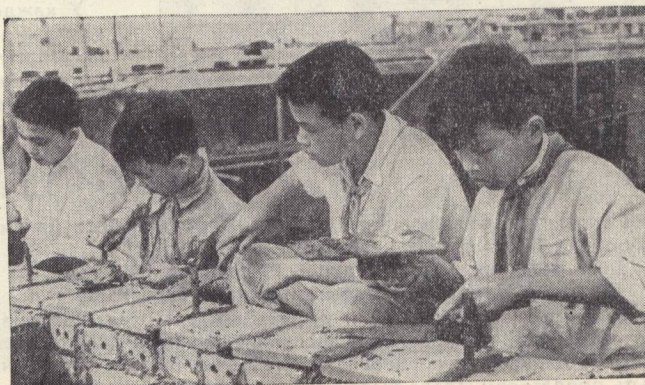

«Отряд передовых пионеров» Демократической Республики Вьетнам был создан 18 мая 1941 года.

Пионерия Вьетнама насчитывает сейчас более 300 тысяч человек.

Девиз: «Будь готов!»

Самый любимый праздник пионеров Вьетнама — «Чун Тху» — середина осени. В этот день они получают стихотворное письмо-наказ от товарища Хо Ши Мина.

На снимке: вьетнамские пионеры выполняют наказ товарища Хо Ши Мина — трудятся на стройке нового дома.

ГАНА

«Юные пионеры Ганы» — самая молодая пионерская организация.

День рождения — 1 июля 1960 года.

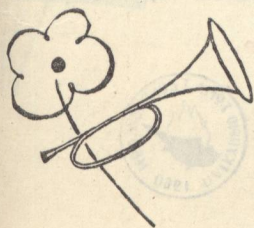
Сначала в этой организации было всего триста человек, а сейчас каждый шестой житель страны с гордостью называет себя пионером. В Республике Гана пионером может стать и малыш и взрослый: организация объединяет детвору и молодежь от 5 до 25 лет.

ГВИНЕЯ

Пионерская организация Гвинейской Республики родилась в марте 1959 года.

Девиз: «Всегда вперед! Назад никогда!»

Главная задача организации — объединение детей и подростков в возрасте 7—18 лет, воспитание пионеров патриотами родины, физическая и спортивная закалка.

ГДР

Пионерская организация имени Эрнста Тельмана родилась 13 декабря 1948 года. В ее рядах больше 1 500 тысяч человек. Девиз: «К борьбе за мир и социализм будь готов!»

Рассказ немецких пионеров об их жизни прочитай в февральском номере.

КУБА

«Патрульяс хувенилес» — детская организация Республики Куба.

Эти ребята ни минуты не сидят без дела. Они учатся и работают на плантациях. Они ремонтируют и оборудуют школы. В тревожные для родины дни они заменяют взрослых на полях, помогают бойцам революционной армии. Этим неутомимых ребят на Кубе зовут «патрульяс хувенилес» — «юные патрули».

Отряды юных патрулей растут с каждым днем. В отряды входят мальчики и девочки от 7 до 13 лет. Они поклялись быть верными делу революции.

В горах Сьерра-Маэстра раскинулся большой школьный городок имени героя-революционера Камило Сьенфуэгоса. Скоро в городке будет двадцать тысяч ребят — столько, сколько патриотов погибло в боях за революцию.

У каждого члена «патрульяс хувенилес» есть заветная мечта — вступить в Ассоциацию молодых повстанцев, встать на защиту революции с оружием в руках. Мальчику, которого вы видите на снимке, немного лет. Но он уже вместе со взрослыми стоит на страже Кубинской Республики.

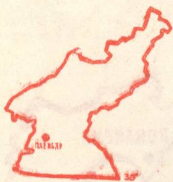
КИТАЙ

Пионерская организация Китайской Народной Республики объединяет сейчас более 44 миллионов человек.

Дата рождения организации — 13 октября 1949 года.

Девиз: «К борьбе за дело коммунизма будь готов!»

В Китае лучшие школы и дружины носят имя пионера Юань Сяо-гуя. Во время войны иноземные захватчики согнали все население его родного села на площадь и потребовали, чтобы им выдали партизан. Никто не хотел быть предателем. Тогда было отдано распоряжение расстрелять всех жителей. В этот момент Юань Сяо-гуй выбежал вперед и сказал: «Я знаю, где партизаны!» Юань Сяо-гуй хорошо помнил закон пионеров военного времени: «Не показывать дорогу врагам и предателям». И он завел врагов далеко в сторону от тех мест, где были партизаны. Погиб он как герой со словами: «Да здравствует китайский народ!»

КНДР

«Союз юных» Коре́йской Народно-демократической Республики организован 6 июня 1946 года.

Более миллиона человек составляют сейчас армию пионеров Кореи.

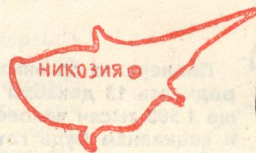
Девиз: «К борьбе за дело новой, демократической Кореи будь готов!»

Есть в корейских народных сказаниях герой — сказочный конь Чонлим. Он пробегает в день тысячу ли. И сейчас, когда корейский народ выполняет пятилетний план, пионеры тоже составили свою пятилетку — план «малыш». Они обещают в учебе и в труде быть такими же отважными, как Чонлим. Пионеры в одной только провинции Канвудо в прошлом году построили 300 маленьких пионерских электростанций.

КИПР

Пионерская организация Кипра — секция молодежного союза. В организации 120 пионерских групп.

В память о лучших людях разных стран и народов пионерские группы носят их имена. На Кипре есть пионерские группы имени Жюлио-Кюри, Максима Горького, группа «Пламя свободы», спартаковцы.

МОНГОЛИЯ

Пионерская организация Монгольской Народной Республики родилась 8 мая 1925 года.

В организации более 60 тысяч пионеров.

Девиз: «За дело Монгольской народно-революционной партии будь готов!»

НОРВЕГИЯ

Союз юных пионеров Норвегии основан после второй мировой войны.

Девиз: «К борьбе за мир и дружбу будь готов!»

Союз работает в нелегких условиях, очень мало вожатых, совсем нет помещений для занятий. Работа с отрядами, совещания руководителей проводятся на квартирах у пионеров.

ПОЛЬША

Союз польских харцеров охватывает больше 750 тысяч человек.

Девиз: «Слушай!»

А это летний лагерь харцеров недалеко от Познани. Ребята очень любят петь и часто собираются, чтобы разучить новые песни.

РУМЫНИЯ

Пионерская организация Румынской Народной Республики возникла в апреле 1949 года. В организации более 800 тысяч пионеров.

Девиз: «К борьбе за дело Румынской рабочей партии будь готов!»

В июньском номере ты прочитаешь рассказ о твоих румынских товарищах.

БУХАРЕСТ

ФРАНЦИЯ

«Союз отважных» организован 3 июля 1945 года. В союзе 20 тысяч членов и более 30 тысяч сочувствующих.

Девиз: «Объединять и служить!»

Во Франции не все семьи рабочих имеют возможность купить елку в новогодний праздник. Так было еще несколько лет назад. А теперь в праздничные дни Нового года во многих домах загораются огни на елках, и дети рабочих получают подарки.

Это устраивают «отважные» на собранные и заработанные ими деньги. В Париже они на эти же средства организуют восьмидневные новогодние каникулы для детей рабочих.

ПАРИЖ

ИНДИЯ

Всеиндийская лига детей — крупнейшая национальная детская организация Индии.

По инициативе лиги в Индии создана Ассоциация дружбы индийских и советских детей.

В стране более ста отделений ассоциации.

«Заря надежды» — организация юных пионеров Индонезии.

В сентябре 1959 года в столице Индонезии Джакарте появились первые пионерские отряды.

Девиз: «Всегда готов!»

ИНДОНЕЗИЯ

На первом слете пионеров столицы группа ребят от имени всех пионеров произнесла пионерскую клятву:

— Мы, члены пионерской организации «Заря надежды», от всего сердца клянемся:

стать достойными членами организации «Заря надежды»;

всегда уважать и почитать своих родителей;

хорошо учиться и не зазнаваться;

быть готовыми помочь отцу и матери по дому;

любить свою родину;

читать народ Индонезии;

дружить с детьми всего мира.

Всегда готовы!

Пионерское движение в Индонезии зародилось и окрепло на острове Ява. Скоро оно шагнет и на другие острова Индонезии.

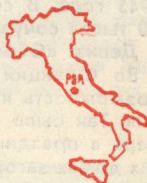
ИТАЛИЯ

Ассоциация пионеров Италии создана после второй мировой войны.

В Италии более 50 тысяч пионеров.

Девиз: «Навстречу жизни — вперед!»

Итальянские пионеры работают в трудных условиях, без всякой материальной помощи со стороны государства. Многие местные организации существуют только за счет выручки разносчиков пионерского журнала. Так же, как и у нас, в Италии он называется «Пионер». Ребята, которые продают журнал, получают несколько лир с каждого проданного экземпляра.

На снимке пионерская группа имени Гарибальди из Эмполи. Фотографию этих дружных и веселых ребят мы взяли из журнала итальянских пионеров.

ФИНЛЯНДИЯ

Демократический союз пионеров Финляндии был основан 3 июня 1945 года.

Союз насчитывает около 30 тысяч мальчиков и девочек.

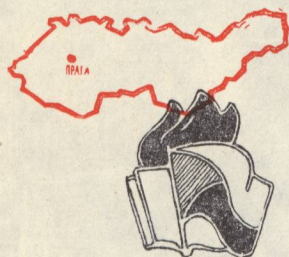
В Финляндии нет ни одного округа, где бы не было ребят в зеленых блузах и красных галстуках.

Главная заповедь пионеров Финляндии — преданность рабочему движению страны.

В работе союза много трудностей. В Финляндии, как и в других капиталистических странах, много самых разных детских организаций. Буржуазные организации воспитывают в детях вражду к рабочему классу. Правительство щедро отпускает им деньги. Если Союз пионеров в год получает всего 200 тысяч марок, то скаутская организация — 8 миллионов. Они обеспечены замечательным спортивным инвентарем, музыкальными инструментами, материалами для работы кружков, книгами. И все же, несмотря на это, Демократический союз пионеров остается самой крупной, самой действенной организацией в стране.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Пионерская организация Чехословацкой Социалистической Республики родилась в апреле 1949 года.

Сейчас в организации больше миллиона человек.

Девиз: «К строительству и обороне родины будь готов!»

В память о народном герое Юлиусе Фучике в Чехословакии каждый год присуждается Премия мира. Происходит это 8 сентября — в день казни Фучика.

Недавно эта высокая награда была присуждена миллионной армии пионеров Чехословакии.

Чешские пионеры своими делами завоевали право быть в одном ряду с выдающимися борцами за мир: учеными, писателями, рабочими, деятелями искусства.

Сегодня мы очень коротко рассказали тебе о детских организациях, которые стоят за мир и дружбу между народами. Среди них ты встретил и своих старых знакомых — пионеров стран народной демократии, а о многих услышал впервые. В следующих номерах журнала мы продолжим рассказ о твоих друзьях за рубежом.

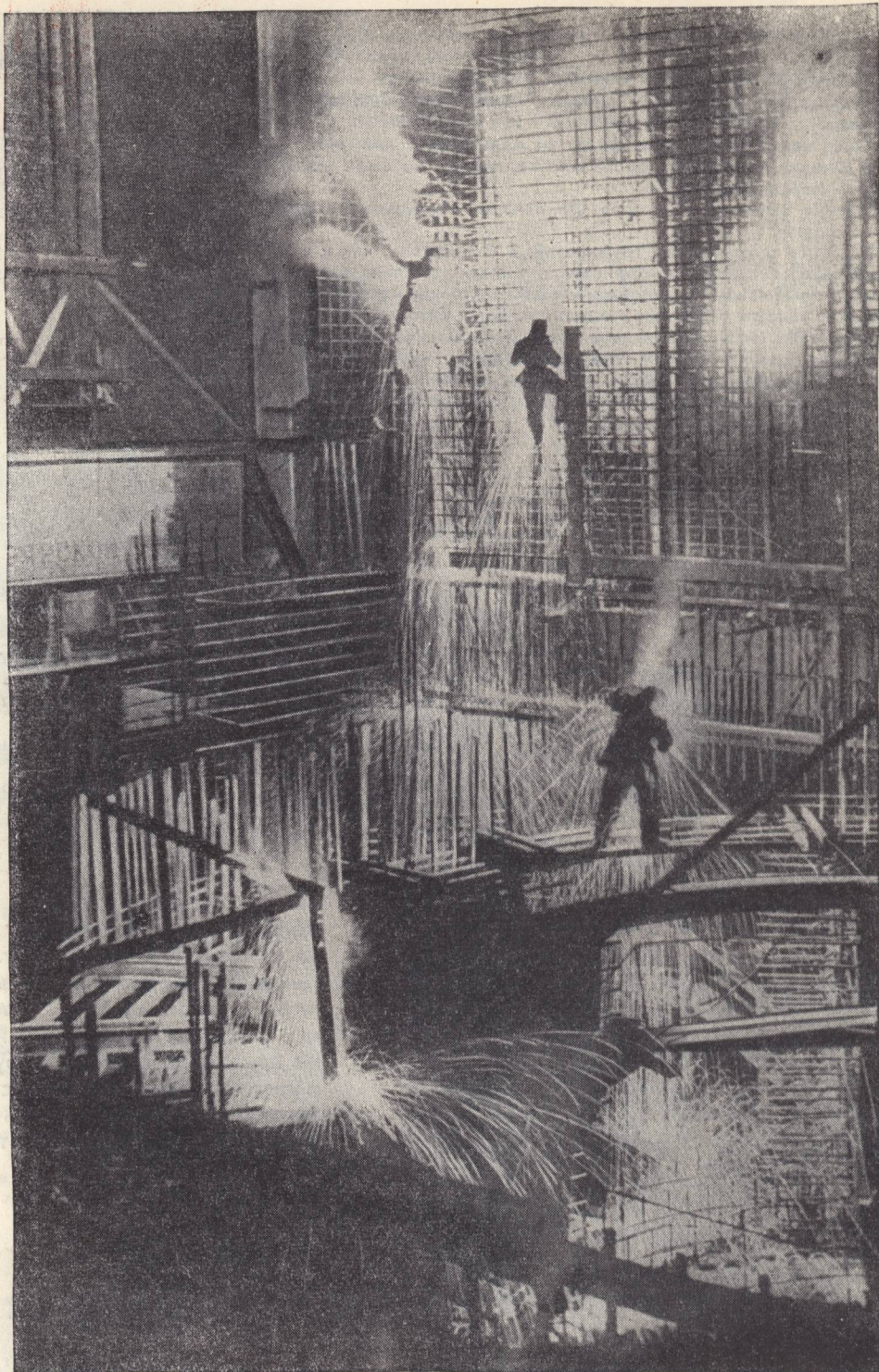
На этих страницах — значки, карты, ло-

зунги. Достань карту мира, сделай двадцать четыре флажка и отметь ими те страны, где живут друзья, о которых мы тебе сегодня рассказали. А двадцать пятый обозначит тот город, тот район, где работает ваша дружина. Но на карте не покажешь всего, что будешь узнавать о жизни пионеров других стран, — хорошо завести в отряде тетрадь или альбом и записывать туда самое интересное.

ПИОНЕР ДРУЖИТ С ДЕТЬМИ
ВСЕХ СТРАН МИРА!

РАБОЧИЙ АТОМ

«Пусть будет атом рабочим, а не солдатом!» — такие слова горят над Доном, где сооружается Нововоронежская атомная станция. Вы видите, как в огненных потоках электросварки родился один из ее корпусов.

Фото В. Горюхова (Фотовыставка «Семилетка в действии»).

Сдажды на большой реке

Юрий КАЧАЕВ

РАССКАЗ

Рисунки О. Коровина.

Валка Заботин, а по-уличному Валега, проснулся ни свет ни заря. Зябкое и туманное, в окна лениво вползало утро. Было безлюдно и тихо. Только с улицы доносился повизгивающий металлический звук, словно кто-то раскручивал над головой пучок тонкой проволоки. Это в тополях, дожидаясь солнца, дружно орали воробьи.

«Вот жабы,— подумал Валега.— Темень еще, а они ярмарку устроили».

Свесив ноги с постели, он на ощупь нашел тапочки, встал и побрел по избе разыскивать штаны.

— Тимофей заиграл, больше некому,— бормотал Валега, заглядывая под кровать, на которой сладко посапывал Тимофей.

Когда штаны нашлись, Валега сполоснул над шайкой лицо, прихватил со стола кусок хлеба и, стараясь не разбудить мать, вышел на улицу.

Через четыре дома он остановился и коротко свистнул. В окне показалась заспанная Колькина физиономия.

Валега

— Не рано, Валь?
— Ленивому, может, и рано, — ворчливо сказал Валега.

Чтобы согреться, они пробежали до самой реки. У излучины Валега показал приятелю кулак: не шуметь. Колька кивнул. Оскользаясь на мокрой от росы траве, спустились к реке. Над рекой висел густой, похожий на дым туман. У воды Валега остановился, обшарил глазами берег и повернул к Кольке растерянное лицо.

— Что? — не сразу понял Колька, а потом ахнул: палка, к которой был привязан перемет, торчала далеко в воде.

— Вот это да! — сказал Колька. — Метра на три прибыла.

А Валега только хмыкнул и стал раздеваться.

— Поле-езешь? — спросил Колька, и его вдруг затрясло: лед прошел всего неделю назад, под Первое мая.

Глубоко вздохнув, Валега с перекошенным лицом шагнул в воду. В нескольких метрах от берега он окунулся, затряс круглой стриженной головой и поплыл, тоненько, по-щенячьи взвизгивая. Мучительно долго он не мог выдернуть палку. Наконец она поддалась, и Валега, работая одной рукой, подгрел к берегу.

Колька принял у него палку и стянул куртку.

— Бери, теплее будет.

Лязгая зубами, Валега стал одеваться, а Колька... Колька смотрел на него влюбленными глазами и думал о том, что второго такого Валеги на свете нет. С Валегой как с равным держались даже десятиклассники. Валега знал уйму таких вещей, которые Кольке и не снились. Знал, например, что звезды можно увидеть днем, если забраться в глубокий колодец; что великолепное, певучее, как море, манящее слово «гавань» произошло от немецкого слова «Hafen» — порт; что у каждого человека за шестнадцать предшествующих поколений было 65 536 предков, что...

Колька

— Ты что, спишь? — спросил вдруг Валега. — Тяни давай, только не торопись.

Перемет медленно пополз из воды. На первых крючках ничего не было, кроме дохлой наживки. Валега снимал окостеневших, негнущихся пескарей и одного за другим бросал на берег. Зато на конце перемета сидели два килограммовых налима. Глядя, как они по-змеиному юлят на песке, Валега сдержанно усмехнулся.

— Здоровые, черти. Как раз по штуке на брата...

— Мне не надо, — отказался Колька. — Я же на берегу стоял, да и перемет твой.

— А если бы твой был? — нахмурился Валега.

— Да я не потому, Валь. Просто мама вчера такого тайменя купила, во! Хвостик — как у акулы, — поспешно соврал Колька.

Он знал: Валегина семья живет неважно, особенно с тех пор, как от них ушел отец. Рыбалка для Валеги была не забавой, а ремеслом, подспорьем материнскому заработку. И в воду Валега полез вовсе не для того, чтобы похвалиться своей закалкой.

Когда Валеге везло и рыбы попадалось много, они ходили сдавать ее в сельскую чайную. Делать это в одиночку Валега почему-то стеснялся. Запрашивали они недорого. В чайной кормился свой, рабочий люд: трактористы из РТС, лесорубы и трелевщики из леспромхоза, заезжие шоферы, обозники, гуртовщики и геологи.

— Ладно, убирай снасть, — подумав, сказал Валега, и, пока Колька сматывал перемет, Валега выломил прут с сучком на конце и нацепил на него налимов.

Возвращаясь домой, еще на полпути они увидели Тимофея. Он кубарем катился по косогору. Одной рукой Тимофей поддерживал спадавшие штаны, в другой была березовая ветка, он подбадривал самого себя. Добежав до ребят, единым духом выпалил:

— Товарищи граждане, без паники! Детей и стариков увозить в первую очередь! Перегоняйте скот... забыл куда!

— Ты что, рехнулся? — с тревогой спросил брата Валега.

— Товарищи граждане, — опять забубнил Тимофей, — ожидается наводнение... Без паники... Знаешь, какое наводнение будет, знаешь?

Тимофей

— А знаешь, что тебе будет, если набрехал? — Валега сунул брату налимов и кивнул Кольке: — Бежим! А ты, — он повернулся к Тимофею, — чтоб через пять минут дома был. Иначе... Башку оторву.

— Уж факт, оторвет, — подтвердил Колька. И они помчались в село.

На улицах творилось что-то неслыханное. Тревожно и хрипло мычали коровы, ржали и свечами вставали кони, надсадно визжали свиньи; возле сельпо, сбиваясь в кучу, разноголосого вопила овечья отара. И только люди вели себя относительно спокойно. Перебрасываясь короткими фразами, они деловито таскали из домов сундуки, посуду, перины, мешки с мукой и как попало валили на телеги.

Весь этот рев и суматоху покрывал низкий голос репродуктора:

— Товарищи, сохраняйте спокойствие! На помощь вам посланы вертолеты и катера. Все дети и старики должны явиться в школу, где их ожидают грузовые машины. Вещи и продукты с собой не брать. Будет организовано общественное питание. Не допускайте паники, товарищи.

— Вначале домой, — бросил на ходу Валега. — Забеги — и сразу ко мне.

Дома мать встретила Валегу с ухватом.

— Ну где тебя черти носят? Все сердце изныло, вот лихо-то на мою голову!

Валега взял у матери ухват, поставил в угол.

— Не шуми. Давай лучше помогу узлы собрать.

Пока они увязывали узлы, Тимофей крутился под ногами и приставал с расспросами:

— А уткам тоже уезжать? Мам, уезжать?

— Уезжать, отстань!

— И чего им уезжать? — недоумевал Тимофей. — Они вон как плавают.

Потом Валега вместе с Тимофеем потащил узлы на подводу, стоявшую у ворот. Сюда же носили вещи соседи, Мокеевы. Они трудились всей семьей. Одна старуха Мокеиха безучастно сидела на заваulinке и причитала:

— Господи, господи милосливый, конец света!

Ей, видно, хотелось перекреститься, но руки были заняты: в одной она держала патефон, а другой прижимала к груди икону.

— Господи, господи, конец света...

— Валька, — позвала из дому мать. — А как же поросенок и куры?

— В лодку.

— Станут они в лодке сидеть!

— Станут,— сказал Валега.— Мы их в курятник посадим.

Курь зимой жили на кухне, в ящике, сколоченном из штакетника. Валега вытащил его во двор, поставил в лодку и заманил кур, насыпав зерна. Туда же засунули поросенка. Оставалось снабдить их едой и привязать лодку к чему-нибудь основательному, чтобы не унесло водой.

Валега уже подыскивал веревку подлинней, покрепче, когда во двор влетел Колька. Лицо у него было такое отчаянное и злое, что Валега спросил:

— Дома влетело?

— Чего «дома»? Ферма пропадает, а всем хоть бы что! Я директора спрашиваю, как же быть, а он: «Новую наживем!»

Колька чуть не плакал.

— погоди,— остановил его Валега.— Ты по порядку. Разве ее не вывезли?

— А кто вывезет-то? Ты выйди, погляди, что на реке дется! Паром в одну минуту сорвало!

— Дела!..— Валега задумчиво поковырял на ладони мозоль.

Школьная звероферма находилась по ту сторону реки, у Красного Бора, в получасе ходьбы от переправы. Совет звероводов решил, что там их питомцы будут чувствовать себя лучше, чем в селе: тишина, да и к вольерам никто не липнет. Ферма, конечно, пока что не настоящая: всего пара чернобурых лисиц да пара соболей. Но через несколько лет ей цены не будет. А главное, сколько было беготни и хлопот, сколько труда положено, прежде чем удалось выклянчить зверей у колхоза! Колхоз хоть и богатый, а на дармовщинку не разбежишься. Пришлось взамен вырастить две сотни кроликов да еще сорок цыплят в придачу. И как сиял Колька, когда его назначили сменным завхозом фермы!

— Ладно,— сказал наконец Валега.— Помоги-ка мне вытащить курятник.

— Ты что это надумал? — закричала мать, увидев, как мальчишки вытаскивают кур из лодки.— А ну, поставьте на место! Потонет поросенок, что жрать зимой будешь?

— Подымай,— сказал Валега.

Они поставили лодку на тележку и вывели за ворота.

— Не пушу! — бросилась на улицу мать.— Пропадай он пропадом, поросенок, а вас не пушу!

Валега пристально посмотрел на мать.

— Не пушу,— уже неуверенно повторила она и вдруг расплакалась.

— Ну чего ты в самом деле? — тихо и виновато сказал Валега.— Все будет как надо.

★ ★ ★

Река ревела так, что можно было оглохнуть. Мутная, в белесой клубящейся пене, она обрушилась на берега, сметая на своем пути штабеля бревен, опрокидывая дома и постройки, захлестывая низины на много километров вокруг. Вал шел за валом, словно стада взбесившихся быков. Под их тяжкими ударами содрогались даже вековые кедры, устоявшие не в одном половодье.

Обливаясь потом, Валега и Колька подтащили лодку к реке. И тут неизвестно откуда взялся Тимофей.

Валега побелел.

— Ты почему не в школе? — заорал он, подступая к брату с кулаками.— Почему не уехал, я тебя спрашиваю?!

Тимофей что-то ответил, но рев воды смял его голос. Прогонять брата было поздно: он не успел бы добежать до села.

— Садись в лодку, толстый дурак! — крикнул Валега.— Живо!

Тимофей, как заяц, прыгнул в лодку и притих, вцепившись в борт обеими руками.

Лодку развернули носом к накатывающей волне, и Валега застыл на корме с двусторонним веслом.

Очередной вал хлынул на берег, на его хребте плясала грязная, рваная накипь; лодка крикнула, как живая, вздыбилась, тяжело взбираясь на волну, и ухнула вниз.

— Держись! — что есть мочи крикнул Валега и заработал веслом. Минувя водовороты, лодка выползла на стремнину и медленно двинулась к противоположному берегу.

Сверху несло разбитые бревна, доски, обломки боннов, кучи навоза, пустые бочки, плетни, вывороченные с корнем кусты и всякий хлам. Изредка в волнах ныряли раздутые, похожие на бурдюки туши животных.

На середине реки шум воды стал слабее, и Валега услышал, как Тимофей бормочет:

— Господи сусе, господи милосливый, конец света!

Наконец появились первые прибрежные кусты краснотала. Вернее, из воды торчали только их верхушки.

«Опоздаем,— подумал Валега.— Неужели опоздаем?»

Руки постепенно наливались усталостью, становились тяжелыми и непослушными.

— Дай я погрёбу,— предложил Колька.

Они поменялись местами.

Раздвигая кусты, лодка неуклюже, как утюг, ползла в сторону Красного Бора. Ре-

бят порядочно снесло, и теперь приходилось грести против течения. Скоро Колька выбыл из сил, и весло опять взял Валега.

Изредка лодка натывалась на большие деревья, и тогда в нее с веток мягко шлепались мыши. Тимофей дрыгал ногами и визжал, как поросенок в мешке.

— Не ори, не съедят! — цыкал на него Валега. — Взяли тебя на свою шею.

Потом стали попадаться копны сена. Издали они походили на казачьи папахи, нечаянно оброненные в реку. Покачиваясь, копны проплывали мимо, на них сидели взъерошенные грязно-серые вороны — отдыхали. Валега подумал, что сецо, видно, несет с лугов у Красного Бора. Значит, и там уже вода.

Предположение оказалось верным. Они добрались до поляны, где стояли вольеры, ни разу не выбираясь из лодки. В первой вольере было сухо. По ней как угорелый метался старый лисовин Борька. Бурая с седой остью шерсть стояла на нем дыбом. А лисица, упершись передними лапами в проволочную сетку вольеры, устало и хрипло выла. Она должна была на днях ощениться.

— Открывай, — сказал Валега.

Колька выпрыгнул из лодки и, подбежав к вольере, откинул задвижку. Дверца бесшумно распахнулась. Борька, радостно взвизгнув, выскочил из вольеры и сразу махнул в лодку. Немного помешкав, лисица скользнула следом.

В следующей вольере, где жила пара соболей, уже плескалась вода. Соболи забились в дуплистый обрубок дерева и никак не хотели выходить.

— Держись! — что есть мочи крикнул Валега.

— А вдруг утонули? — спросил Колька.

— Нет, просто перетрухали, дурни.

Валега засучил штаны, сбросил тапочки и выбрался из лодки.

— Дай-ка мне куртку.

Обмотав курткой правую руку, он вошел в вольеру и полез в дупло.

— Тяни, тяни их! — вопил во все горло Тимофей, услышав, как в дупле сердито захрюкал соболь.

Когда Валега вытащил руку, в кулаке у него извивался черный с голубым подшерстком зверек. Валега отнес его в лодку и вернулся назад. Через минуту оба соболя, дрожа от страха и ярости, сидели в носу лодки и пронзительно верещали при каждой попытке Тимофея погладить их.

— Ух и злые! — восхищался Тимофей. — Их бы вместо собаки, только они лаять не умеют. — И вдруг ни с того ни с сего добавил: — А я есть хочу.

— Ты мне о еде не заикайся, — мрачно советовал Валега. — Тебя в лодку никто не звал.

Валега и сам давно хотел есть: с утра во рту не было ничего, кроме куска хлеба. А сейчас уже вечерело.

Валега с тревогой думал о том, где они

будут ночевать. Возвращаться в село не имело смысла: там наверняка все затоплено и нет ни одной живой души. Самый разумный выход — это доплыть до города, куда уехала вся школа. Город стоял на крутом каменистом яру километрах в двадцати вниз по течению. Если добраться туда, то можно, пожалуй, разыскать своих и как-нибудь пристроить зверей.

Сообщив о своем решении Кольке, Валега погнал лодку на середину реки. Плыть у берега было опасно: в темноте недолго угодить под «навес» — подмытые и низко нависающие над водой деревья.

На том месте, где стояло село, было темно и тихо, и как ребята ни напрягали зрение, разглядеть ничего не удалось.

Вода сейчас уже не ревела, а сонно и покойно люлюкала у бортов: видно, наводнение шло на спад, и река, набесновавшись вволю, медленно уходила в свое русло.

Ночь на реке падает быстро. Когда совсем стемнело и на волнах запрыгали крупные голубоватые звезды, Валега приказал Кольке и Тимофею ложиться спать. Они легли, тесно прижавшись друг к другу. Тимофей долго кряхтел и охал, потом сказал жалобным голосом, что в городе съест два или даже три чугунка картошки и целую буханку хлеба.

— Лопнешь, — сказал Валега.

— Ну, тогда два чугунка, — охотно уступил Тимофей.

С верховьев подул ровный холодный ветер, и Валега подумал, что они хорошо сделали, прихватив с собой телогрейки.

По небу бежали редкие облака, и тени их скользили по воде легкими маслянистыми пятнами. На носу лодки, свернувшись по-собачьи клубком, спали лисы. Лодка покачи-

валась, и шкурки зверей вспыхивали морозными блестками.

А соболи еще никак не могли уgomониться и смотрели на Валегу сторожкими зелеными глазами.

Колька никак не мог заснуть и все думал о доме, о том, что ему здорово попадет от матери, если, конечно, не заступится отец. Отец всегда за него заступается.

— Валь, — окликнул Колька товарища, — Валь, ты по отцу не скучаешь?

Валега молчал.

— Он вам совсем не помогает, да? — снова спросил Колька.

Валега покачал головой. Они надолго замолчали, и Колька уже начал думать о другом, когда Валега жестко сказал:

— И не надо. Сами вырастем. Я вот через год седьмой закончу, работать пойду. А то матери-то одной не больно сладко приходится. Да и Тимку жалко. — Голос у Валеги дрогнул и потеплел. — А Тимофея я все равно выучу, профессор будет. Он головастый, уже сейчас по слогам читает.

У Кольки к горлу вдруг подступили слезы. Но заплакать он побоялся: Валеге и без его слез тяжело.

— Валь, знаешь, мы Тимофея вдвоем выучим, ладно? — шепотом сказал Колька.

Они долго слушали, как дремотно и глухо плещет о лодку река и где-то высоко в небе невидимый гудит самолет.

— Валь, как ты думаешь, к утру доплывем?

— К утру-то? Конечно.

— А если гроза?

— И в грозу доплывем, — подумав, сказал Валега и засмеялся.

Он уже видел россыпи бесчисленных дальних огней — город.

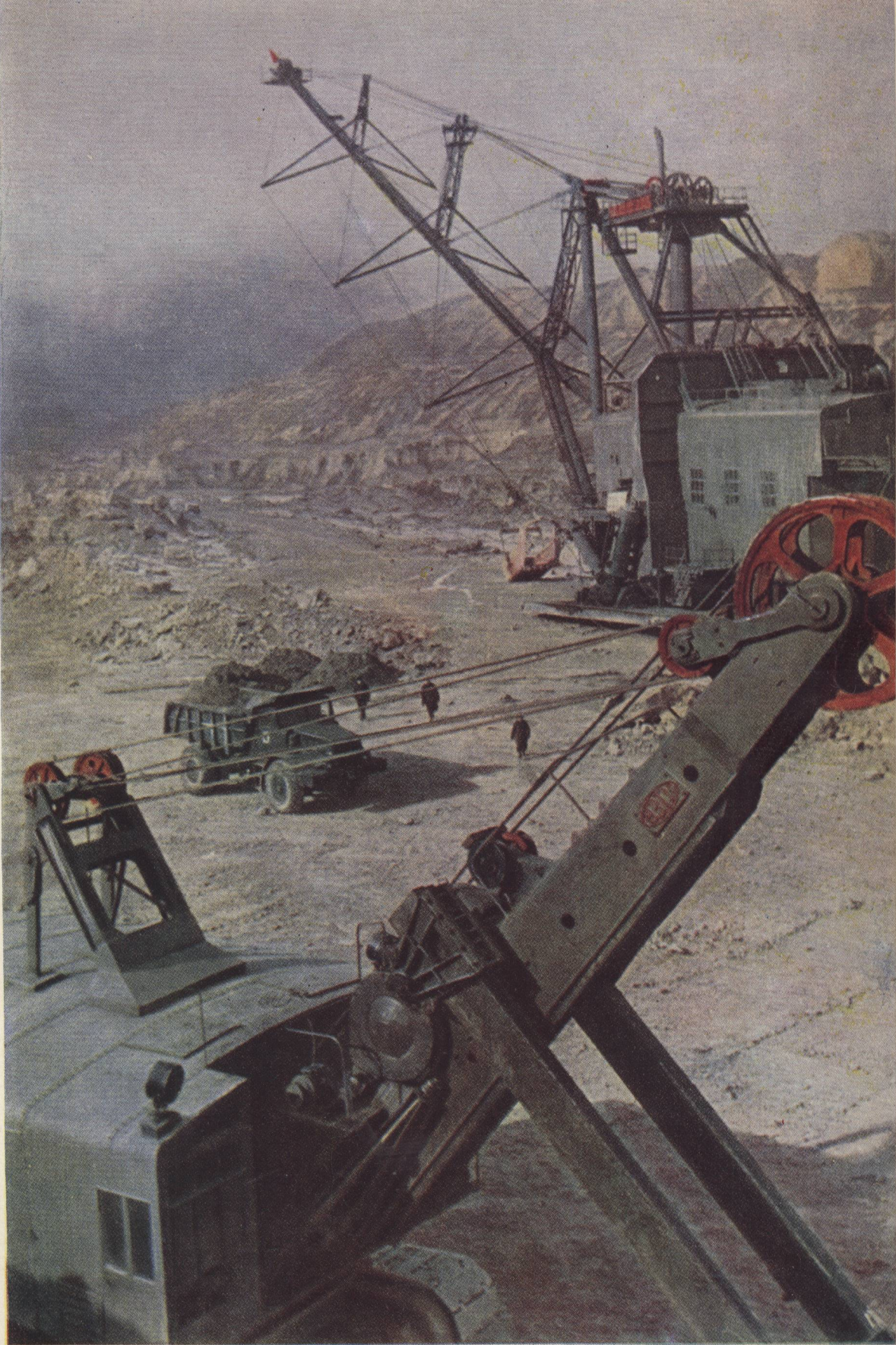

КЛАД САРБАЯ

Трудно поверить, что эти обрывы и хребты созданы рукой человека. Трудно представить себе на этом месте совершенно плоскую степь. Но все было именно так. Здесь, в целинном крае, издавна жили кочевники. Вдоль берегов реки Сарбай — всего пать — семь десятков метров грунт — полтора миллиона тонн железной руды. Стоило снять грунт — и пожалуйста, черпай руду, грузи на платформы. Иско-Сарбайский горнообогатительного комбината. А рядом с горостроители Соколовской чаша открытого рудника. Кусочек этой чаши вы видите на снимке. Много замечательной техники работает на карьере: четырехкубовые и шагающие четырнадцатикубовые экскаваторы, бульдозеры, электровозы.

Фото Вс. Тарасевича.

ВЕРБЛЮДЫ.

Фарида Эль Фатих. Ливан.

Вот перед вами, ребята, пять рисунков, пришедших издалека.

Если вы возьмете географическую карту, то на восточном побережье Средиземного моря найдете Ливан. Здесь, в этой маленькой горной стране, и живут авторы трех рисунков — школьницы Алавия Хаа, Фарида Эль Фатих и Фатьма Бедави. Родина двух других юных художников — Асмата Башри и Нафзы Турхи — молодое африканское государство, Республика Судан.

Все дети любят в рисунках рассказывать о своей стране, о том, что видят вокруг. Вот рисунки трех ливанских девочек. Мы видим красные, выжженные солнцем горы и белых коз, маленький колодец и людей с ведрами, с кувшинами и с жестяными бидонами. Мы видим стадо одинокорбых верблюдов и пастухов на горном склоне, а вдалеке — круглый зеленый оазис с пальмовой рощей. Одна из девочек, Ала-

У КОЛОДЦА.

Фатьма Бедави. Ливан.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО РАДИО.

Алавия Хаа. Ливан.

оия Хаа, нарисовала двух женщин у микрофона. Кто они? О чем говорят по радио? Зовут народы бороться против колониализма? Шлют братский привет партизанам Алжира? Конечно, эти женщины говорят что-то важное.

Нафза Турхи нарисовал рыбака, продающего свой улов. А вдали голубеет вода. Это, наверное, Нил. Должно быть, Нафза — сын рыбака. С какой любовью разрисовал он рыб! Красные, голубые, зеленые, желтые, сиреневые...

Асмаат Башри рисует сцену расставания. Уже сложены на берегу вещи, и родные говорят уезжающему прощальные слова. Он, конечно, едет учиться. Пожелаем ему успехов в учении, пусть запасает знания, они нужны Африке!

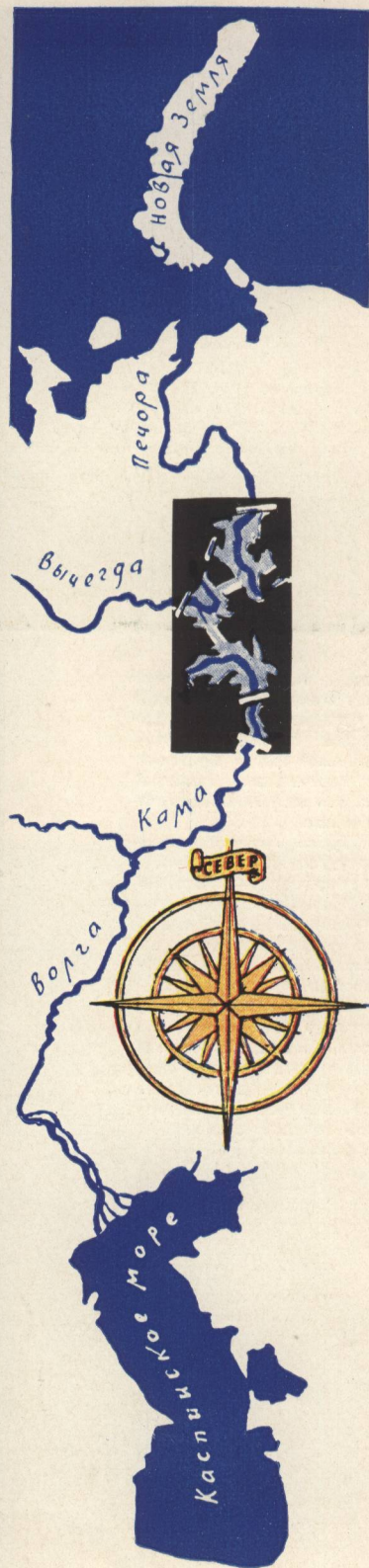
БОГАТЫЙ УЛОВ.

Нафза Турхи. Судан.

ЕДЕТ УЧИТЬСЯ.

Асмаат Башри. Судан.

Может быть, это большой секрет, но есть еще ребята, которые всерьез верят в бога. Будто бы существует какой-то бог, который между прочим создал когда-то из ничего нашу землю. И этот удивительный подвиг он совершил всего за шесть дней.

Если бы это было действительно так, то особенно уважать такого бога явно не за что. Либо он слишком уж торопился, либо был таким никудышным строителем, что людям то и дело приходится исправлять то, что он натворил.

Возьмем хотя бы наши реки. Многие из них проложены так нерасчетливо, что просто обида берет. Столько отличной, прозрачной и чистой воды, а пропадает она без всякой пользы, зря!

В самом деле, четыре пятых всех рек Европейской части Советского Союза сбрасывают свою воду в Северный Ледовитый океан.

А бескрайним плодородным землям, что лежат к востоку от Волги, воды не хватает настолько, что лишь одну двадцатую часть этих земель удастся использовать под посевы. Да и то каждые четыре-пять лет все посеянное сжигает засуха, а взять воды, чтобы напоить поля, нигде.

Или, скажем, очень плохо рассчитал этот неудачливый строитель устройство Каспийского моря.

Море это закрытое, живет только той водой, что приносят в него Волга, Терек, Урал и другие реки, и испаряет воды больше, чем получает.

А тут еще гидростанции!

Не предусмотрел бог того обстоятельства, что для хорошей и удобной жизни людям понадобится очень много электричества и что для этого они начнут строить гигантские электростанции на всех больших реках.

А всякая гидростанция — это обширное водохранилище перед плотиной. Значит, там, где вода бежала, она стоит озером. Испарение больше.

От всех этих причин Каспий катастрофически высыхает. Только за последние тридцать лет море стало мельче на два метра.

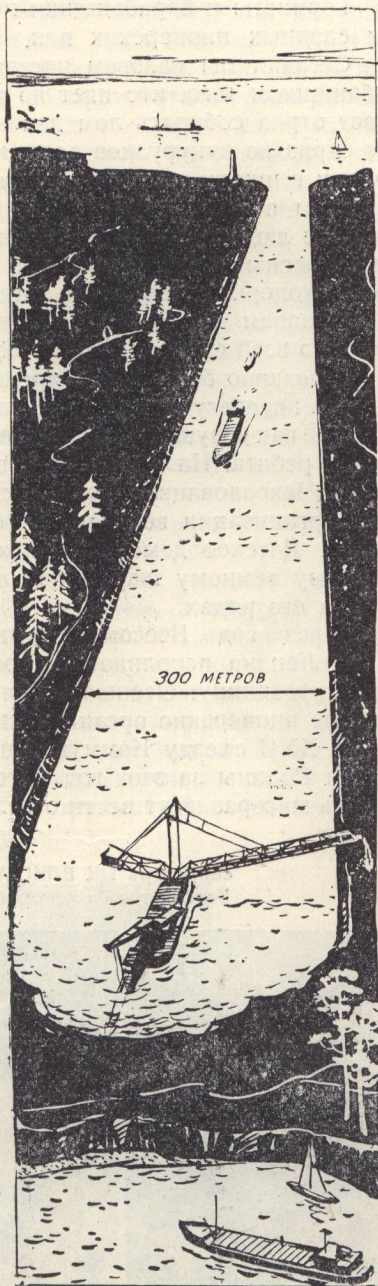
А это не пустяки.

Было в дельте Волги пятьсот судоходных протоков — осталась одна. Подходили суда прямо к причалу рыбозаводов, а нынче от причала до воды добрый километр. Мели превратились в острова, заливы высохли или стали лиманами. Словом, полный беспорядок и неисчислимые убытки.

Даже знаменитой каспийской рыбе, осетрам и севрюгам, некуда стало заходить, чтобы на покое

Человек поправляет бога

А. Дорохов

метать икру. Пересохли привычные пути.

И приходится человеку исправлять то, что так неважно устроил бог.

Нам к этому не привыкать. Мы уже заставили соединиться Волгу с Доном. Умеем мы и прокладывать новые каналы-реки в пустынях, вроде Великого Туркменского канала в Каракумах. Выращиваем мы и новые леса там, где раньше простирались бескрайние степи. Через горы мы прорываем тоннели, на морях строим новые острова с городами на них.

Словом, хозяйничаем по-своему.

А теперь советские инженеры задумали необычайное предприятие. Они решили поправить дело с северными реками. Построить плотины и каналы и... преградить течение двух больших северных рек — Печоры и Вычегды.

Пусть эти могучие реки текут на юг — в Каму, через нее — в Волгу, а по Волге — в Каспийское море.

Когда мы этого добьемся — а мы это сделаем обязательно, — Волга начнет ежегодно добавлять в Каспийское море сорок кубических километров отличной воды. Каспий перестанет мелеть.

В волжских степях получат воду три миллиона гектаров полей, на которых заколосится пшеница, поднимется кукуруза.

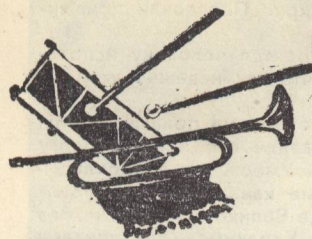
Волжские и Камские гидростанции заработают быстрее и начнут давать на одиннадцать миллиардов киловатт-часов больше энергии. А это столько, сколько дает сейчас самая большая наша гидростанция — Волжская ГЭС имени В. И. Ленина.

Появится новая широкая водная дорога, по которой побегут на юг потоки северного леса.

Изменить движение большой реки — дело очень серьезное.

На советских заводах уже начали готовить новое оружие для этой великой битвы с природой. Строят гигантские землесосные снаряды, которые будут поднимать с речного дна и насыпать в плотины тысячи кубометров песка. Строят мощные скреперы, ковши которых будут захватывать сразу целый вагон грунта. Строят могучие автомобили-самосвалы, прицепы которых смогут забирать по тридцать пять тонн сразу, плавучие комбайны, чтобы очищать русла новых каналов от векового леса.

И можно не сомневаться. Советские люди сумеют исправить недоделки слепой природы. По их воле и приказу полноводные реки севера потекут на юг!

СЛУШАЙТЕ, Запевалы

КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ГОРНИСТЫ И БАРАБАНЩИКИ

Быть горнистом или барабанщиком очень почетно, ребята. Горниста слушает вся дружина, и весь отряд подчиняется ритму, который отбивает барабанщик.

Горнисты и барабанщики не просто музыканты, это запевалы славных пионерских дел.

Сегодня мы назовем настоящим горнистом, настоящим барабанщиком того, кто идет во главе пионерской двухлетки, кто зовет отряд собирать лом для нефтепровода «Дружба», кто ведет отряд на кукурузное поле, кто добивается, чтобы все ребята ходили в школу и все хорошо учились.

Идет по улице отряд. Поет горн, отбивает дробь барабан, все люди оглядываются, и малыши бегут за ребятами в красных галстуках. Все с гордостью говорят: «Вот идут наши пионеры!» Понимаете, какая на вас лежит ответственность? К запевалам московских пионеров прислушиваются миллионы ребят по всей стране, да и не только в нашей стране.

Я недавно была в Болгарской Народной Республике и видела, как интересуют болгарских пионеров вести о нашей с вами работе, как слушают они горны советских пионеров — ваши горны, ребята! На вас смотрят пионеры Болгарии, Венгрии, Албании, Чехословацкой Социалистической Республики. В пионерские организации вступают сегодня дети Кубы, Ганы, Гвинеи, Индии. Детское демократическое движение распространяется по всему земному шару, и отряды советских пионеров идут в первых его рядах.

Через год Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина исполняется сорок лет. Все ребята готовятся к этому празднику. Осенью заканчивается первый год двухлетки. Лучшие пионерские организации, лучшие пионеры будут рапортовать XXII съезду Коммунистической партии о том, что сделано для Родины за этот год. Пусть же горнисты и барабанщики на весь мир разнесут вести о делах советских ребят!

Л. К. БАЛЯСНАЯ,

секретарь ЦК ВЛКСМ, председатель Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

НА СБОР ГОРНИ-
СТОВ И БАРАБА-
НЩИКОВ МОСКОВ-
СКИХ ДРУЖИН
ПРИШЛО ПЯТЬСОТ
ПИОНЕРОВ.
В РУКАХ У КАЖ-
ДОГО БЫЛ ГОРН
ИЛИ БАРАБАН.

ПИОНЕРСКОЙ двухлетки!

**ЗВУК ГОРНА — ЭТО ЗОВ, РИТМ БАРАБАНА — ЭТО ШАГ, КОТОРЫМ
МОЛОДОСТЬ ВСТУПАЕТ НА БОЛЬШУЮ ДОРОГУ ЖИЗНИ!**

Дорогие друзья!

Я радуюсь, когда слышу, как бьется сердце отряда, когда доносятся звуки горна и пионерского барабана.

Очень многозвучна, многоголоса большая наша жизнь! Достаточно представить себе, как где-то высоко над облаками стелет свой рокот почти невидимый реактивный самолет, а глубоко внизу, на самом дне оврага, лопочет что-то ручеек, — и вот в воображении встает по вертикали огромный высокий наш мир.

Среди самых лучших звучаний, которыми полнится наша жизнь, одно из самых дорогих для нас — это ваша пионерская мелодия: певучий требовательный голос горна, сердце бодрящая дробь барабана.

Великое это дело — сигнал, ведущий в бой за справедливость и счастье, зовущий приняться за дело. Недаром Маяковский говорил, что «все совдепы не сдвинут армий, если марш не дадут музыканты».

Уже не одно поколение вышло на большую дорогу жизни, призванное сигналами горна, рокотом барабана.

И мне кажется, что в этом звучании — зов боевой юности. Мне думается, что раскатистый сигнал горна — это призыв к добрым делам, а крепкий ритм барабана — это твердый шаг, которым детство, молодость вступает на большую дорогу жизни.

И мы с вами хорошо знаем, к чему зовет горн и куда направляет наш шаг пионерский барабан. Над горизонтами встает ясная действительность коммунистической жизни. Однако дорога к ней еще крутая, нелегкая и довольно длинная. Так пусть же всегда звучит на этой дороге веселый, бодрый ритм барабана и призывный звук пионерского горна, боевой пионерской трубы!

Лев КАССИЛЬ, писатель

**В ПИОНЕРСКОЙ
ДРУЖИНЕ 711-й
ШКОЛЫ МОСКВЫ
СОРОК ГОРНИ-
СТОВ И БАРАБАН-
ЩИКОВ.**

Во всю силу своих серебряных
голосов пели горны на слете.

ГОВОРЯТ горнисты

ДРАЗНИЛКА

— У нас в отряде, — сказал Вова Дьяченко из дружины 10-й школы, — я первым решил научиться горнить. И не так трудно было сигналы разучить, как от насмешек бегать. Девчонки даже дразнилку сочинили:

Вовка, Вовка,
Брось трубить!
Брось трубить,
Себя губить.
Оторвешь, смотри, губу
Или вылетишь в трубу.

На даче летом горнил — всех котов распугал. Но зато первого сентября вышел горнить на дружинной линейке. А те, кто дразнился, язык прикусили. Горнист отряда — это не шутка!

НЕ ЗНАЮ

(Разговор с Людой Полянской из 265-й школы)

— Скажите, где здесь горнисты из вашей дружины?

— Не знаю.

— А вообще они в дружинке есть?

— Не знаю, что-то их не слышно.

— Кто же на сборах горнит?

— Старший вожатый. Он и горн с собой приносит. Ребята его между собой зовут «И швец, и жнец, и в дуду игрец»...

— Смеяться легко. Вот ты, Люда, член совета отряда. Как же твой отряд без горна в поход пойдет?

— Не знаю. Авось, обойдется...

Записал специальный корреспондент «Пионерских известий» **Алеша Шестопап.**

«АРХАНГЕЛ»

В прошлом году ходили мы в поход по Украине. Горнистом в отряде был Миша. Однажды остановились мы в деревне и с утра ушли вместе со всеми колхозниками на прополку. На хуторе остались только малые дети, наш кашевар, да Миша дежурным возле имущества.

Днем неожиданно загорелся один из сараев, за ним другой. А тушить некому. Полез тогда Миша на старую колокольню и давай горнить. Про красоту забыл, старался, как бы погромче. Наконец в поле его услышали. Пока народ прибежал, Миша с кашеваром сами огонь тушили. Ну, а скоро и мы подросли.

Вечером в деревне ищут, кто сигнал подал, кого благодарить. И одна старушка серьезно говорит:

— Архангел в трубу трубил с колокольни. Сама слышала.

С тех пор и звали мы горниста «архангелом Михаилом». Он не обижался. Хороший такой хлопец. Меня потом горнить научил.

Юра Машков,
командир экспедиционного отряда дружины 308-й школы.

На этом снимке вы видите горнистов пионерской дружины 711-й школы Колю Новикова и Володю Сафонову. Володя захотел рассказать о горнистах и барабанщиках своей дружины, но так разволновался, что никак не мог начать. В зале даже смешки раздались... Тут на сцену выбежал Коля.

— Не смейтесь! — крикнул он в зал. — Володя Сафонов лучший горнист в нашей дружинке. Он взялся выучить горнить десять пионеров из четвертого класса. Володя, сыграй сейчас, здесь!

И Володя прогорнил, да так хорошо, что все ребята долго ему хлопали.

ДАВАЙТЕ ПОСПОРИМ!

ГДЕ ХРАНИТЬ ГОРН И БАРАБАН?

Все считают, что в пионерской комнате.

Но для чего тогда выбирают горнистов и барабанщиков, если они даже за свои инструменты не отвечают? Только для того, чтобы протрубить на пионерской линейке? А в остальное время стоит себе

и БАРАБАНЩИКИ

горн на стойке в пионерской и пылится, да все, кому не лень, хватают его и гудят из озорства.

А что, если горнисты и барабанщики будут сами отвечать за свои инструменты? Назначили тебя барабанщиком — получай барабан. Где хочешь храни: хочешь — дома, хочешь — носи каждый день в школу. На то ты и барабанщик. Мы у себя в дружине завели такой порядок, и он всем очень нравится.

Коля Лазарев,
горнист пионерской дружины 512-й школы.

МОЖЕТ ЛИ ДЕВОЧКА БЫТЬ ГОРНИСТОМ?

Все кругом удивляются: «Девочка-горнист!»

А что тут такого? Да, я горнист. Мне очень хочется научиться горнить по-настоящему, поэтому я хожу на занятия кружка горнистов и барабанщиков в Ленинский районный Дом пионеров. Правда, мальчиков там много, а девочка пока только одна — это я...

Таня Пыжкова,
горнист 10-го отряда пионерской дружины 37-й школы.

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ЛАГЕРЬ ПИОНЕРСКИМ, ЕСЛИ В НЕМ НЕТ ГОРНИСТА?

В лагере не было горниста. Пионерские сигналы записали на магнитофонную ленту и передавали через репродуктор.

Однажды ночью разразилась гроза и хлынул проливной дождь. Он лил всю ночь. Рядом с лагерем протекал ручей. От дождя он вздулся, вышел из своих берегов и начал заливать лагерь. Надо бы срочно поднять ребят по тревоге, но старая гнилая сосна, рухнувшая под напором ветра, повредила связь. Поэтому включить магнитофон и передать сигнал через репродуктор стало невозможно. Пришлось вожатым бегать по лагерю и в темноте собирать ребят.

Что же это за лагерь, если в нем нет горниста?

Коля Бирюков,
горнист пионерской дружины 711-й школы.

ГОРНИСТЫ ИЛИ ПРОСТО АССИСТЕНТЫ?

Случается, на торжественных сборах за знаменем идут какие-нибудь пионеры с горном или барабаном в руках. Они не умеют играть пионерских сигналов, их пристроили к знамени только потому, что так внос знамени выглядит красивее. По-моему, это формализм. А как думаете вы?

Феликс Сергеев

ЧТОБЫ НЕ БЫЛО СТЫДНО

На слете горнистов и барабанщиков было шумно, было весело, было интересно, но... не все радовало. Вот об этом «но» мне и хочется сказать вам, сказать откровенно.

Сбор начался с опозданием. Правильно это? Подумайте сами, как бы выглядел, например, Первомайский парад на Красной площади, если бы он начинался не секунда в секунду — в десятую утра, а, скажем, часиков около одиннадцати?

— Что это там за задержка? — спрашивал бы министр обороны у командующего парадом. И тот бы отвечал:

— Виноваты, товарищ маршал, таманцы задержались маленько...

Такого и вообразить невозможно. А почему же вы позволяете себе опаздывать?

А как исполнялись на сборе пионерские команды? Прямо скажу: неуклюже, вразброд. Вот девочка отдала рапорт, надо бы после этого подать команду «вольно», но она забыла, и строй стоит смиренно. Постояли, постояли и завертелись, заерзали...

Вот выносят знамена. Ассистенты шагают очень важно, им кажется, что они «печатают строевой шаг», но это только им кажется. Смешно сгибая колени, вышагивает один, а другой так надулусь, что того и гляди взлетит...

И вот что мне хочется вам посоветовать. Не опаздывать вы можете научиться и сами. А перенять четкие строевые приемы лучше всего у физкультурников и у людей военных. Попросите начальников гарнизонов, если вы живете в городе, районных военных комиссаров, если вы живете в сельской местности, отпускников-офицеров, преподавателей физкультуры ваших школ провести с вами несколько строевых занятий. И как только вы научитесь военной четкости команд, легкому, неприужденному их выполнению, вы сразу почувствуете, насколько слаженнее и организованнее будут проходить ваши сборы.

Анатолий МАРКУША, писатель.

СЛЫШИТЕ, и бьют барабаны

ПО СИГНАЛУ БОЕВОЙ ТРЕВОГИ

**ГОРНИСТ!
ПУСТЬ ТВОИ
ГОРН ЗВУЧИТ
ТАК, ЧТОБЫ
ПЕРВЫЕ
ПИОНЕРЫ
СЛЫШАЛИ:
СМЕНА ИДЕТ!**

Когда в двадцатые годы я работал в журнале «Пионер», прислали нам однажды из Рязанской области деревенские ребята письмо. Пишут, что кулацких ребят они побили, попу насолили, маршировать научились, а что делать дальше, не знают. Просят:

«Посоветуйте нам, а лучше всего, пришлите горн и барабан, потому что у нас вместо горна — пастушья дудка, а вместо барабана — старое ведро!»

Не очень хорошо получается, когда идет отряд под такую музыку: люди смеются.

Что было делать?

Сложились мы в редакции, купили горн и барабан, послали посылкой. И вот как ребятам пригодилась наша посылка.

Когда у них в деревне появился первый трактор, кулаки задумали его уничтожить. Однажды темной ночью они подожгли пожарный сарай, в котором стоял трактор и спал тракторист-комсомолец.

Но пионеры несли свою тайную стражу.

И в ту самую ночь, когда загорелся пожарный сарай, на страже стоял мальчик Павлуша. Увидел он огонь, захотел дать сигнал тревоги, собрать ребят на помощь, но у него только писк получился, потому что когда учили Павлушу сигналить, он все смеялся, говорил, что губам щекотно, так и не выучился.

Хорошо, что рядом оказался старый инвалид войны. Давно он уже не трубил, но тут сумел дать сигнал тревоги.

Набежала вся деревня. Пожар потушили, бандитов поймали, а мальчишка долго огорчился, что не мог сыграть в ту ночь боевую тревогу.

Любите, ребята, свои звонкие горны, любите свои громкие барабаны. Умейте быть хорошими горнистами и барабанщиками везде и всегда. В ученье, в труде, в борьбе за лучшую жизнь для всех людей.

Николай БОГДАНОВ, писатель.

Слушает он рассказ писателя, а сам думает: «Ну я-то уж сумел бы поднять народ по тревоге, не то что этот Павлушка!»

ПОЮТ ГОРНЫ первых отрядов!

ПУСТЬ СТРОЯТСЯ!

Было это в 1927 году. Пришел однажды к нам в отряд коммунист дядя Генаша и говорит:

— Вот вы помогаете деревне, радиофицируете село, переписываетесь с немецкими спартаковцами, но все-таки вы плохие пионеры!

— Почему? — удивились мы.

— А очень просто. Рядом с вами на улице играют беспризорные ребята, а вы на них не обращаете внимания, не зовете их в свою организацию. Возьмитесь своим отрядом ликвидировать безнадзорность и беспризорность на нашей Черкизовской улице!

Вскоре после разговора с дядей Генашей, увидев какого-то грязного и оборванного парня, я подошла к нему и сказала:

— Мальчик, мне надо тебя ликвидировать.

— Чего?

— Дядя Генаша сказал, что тебя надо вовлекать!

Парень был на две головы выше меня. Он ответил:

— Подумаешь! Я сам ликвидирую тебя в два счета!

Тут меня выручили старшие пионеры, которые проходили мимо. Они сказали мальчишке:

— Приходи к нам, мы тебя научим на трубе играть, в деревню тебя с собой возьмем.

У мальчишки глаза загорелись. Пошел он с нами.

Но ведь беспризорных ребят в те годы было очень много. Разве «ликвидируешь» всех таким «кустарным» способом? И вот построились мы и пошли по улицам Черкизова (есть такой район в Москве). Идем, а впереди — восемнадцать горнистов и барабанщиков. Дошли до конца Черкизова, смотрим, а к нашему отряду человек двадцать пристроилось. Кто-то сказал: «Что за безобразие? Без галстуков, а в строй лезете!» А вожатый ответил: «Пусть строятся, пусть все в отряд приходят!»

Так веселый призыв пионерских барабанов и горнов помог нам привлечь в свои ряды новых ребят.

Е. МУРАШОВА, участница первого Всесоюзного слета пионеров 1929 года

Сейчас, в зале, они слушатели и зрители. Но потом, в свой черед, поднимутся на трибуну и веселым говорком барабана поведают о своем мастерстве.

**БАРАБАНЩИК,
ЧЕТЧЕ
БАРАБАНЬ.
ПУСТЬ
НОВЫЕ
ПИОНЕРЫ
ВСТАЮТ
В НАШИ
РЯДЫ!**

На рассвете 22 июня 1941 года, когда первые залпы войны загремели над спящей Брестской крепостью, под развалинами казармы 44-го стрелкового полка был заживо погребен один из бойцов полкового музыкантского взвода.

Его не задавило, но, замураванный в каменной могиле, он был обречен: под бешеным огнем врага разбирать развалины было невозможно. И, наверно, сам он, юноша-музыкант, понял свою судьбу.

И тогда его товарищи, солдаты, укрывшиеся около этих развалин, услышали, как оттуда, из-под камней, зазвучала полковая труба. Сквозь грохот взрывов, приглушенно, но отчетливо доносилась до них знакомая мелодия:

«Это есть наш последний
И решительный бой...»

СЛОВО

О БЕЗВЕСТНОМ ТРУБАЧЕ

Те, кто слышал эту подземную песню трубы, говорят, что в ней не было ни тоски, ни горечи прощания с жизнью. Она раздавалась как призыв и завещание о мести, она была как бы последним мужественным приветом друзьям по оружию. Она звучала опять и опять, пока снаряды и бомбы снова не обрушились на эти развалины...

Кто был он, этот безвестный трубач Брестской крепости? Мы не знаем и, вероятно, не узнаем никогда. А ведь где-то — то ли в новом городском доме, то ли в русской избе, то ли в украинской или белорусской хатке, то ли в горской сакле — до сих пор со стены смотрит его молодое лицо на пожелтевшей фотографии. Только как узнаешь, в каком это доме, как среди миллионов таких давних фотографий угадаешь ту, на которой изображен именно он, наш трубач?

...Трубач играл на полковых смотрах, на парадах, на торжественных вечерах, и под его дыханием труба ясно выговаривала тревожные и бесстрашные, полные долга слова:

«Это будет последний...»

Этот бой настал, и трубач пал в нем одним из первых.

И вот прошли годы. Поросли травой крепостные развалины, где под камнями, быть может, до сих пор лежат кости трубача рядом со смятой, ржавой трубой. Встали новые города, села, заводы, первые ракетные корабли унеслись за пределы планеты. С новым упорством строят люди свое земное хозяйство, и новые поколения берут в свои руки жизнь.

Мир борется, мир побеждает и победит. И когда наступит день его полной победы и в мартенах начнут оплывать, превращаясь в мирную сталь, железные суставы навсегда мертвой войны, люди, наверно, прежде всего будут ставить памятники павшим за мир героям. Пусть тогда на развалинах Брестской крепости, среди старых ее кирпичей цвета запекшейся крови, на том месте, где была казарма 44-го стрелкового полка, создадут памятник безвестному трубачу.

С. С. СМЕРНОВ, писатель.

СИГНАЛЬЩИК!

В лагере!

В походе!

Всегда!

Помни:

1. Горнист и барабанщик не просто музыканты, это лучшие пионеры. Горнист встает раньше всех. Ложится последним. Он показывает пример в труде.

2. Горнист и барабанщик — правофланговые. На них равняется строй. Они всегда подтянуты, красивы и бодры. У горниста и барабанщика всегда хорошее настроение.

3. Горнист и барабанщик готовят себе смену, стремятся стать пионерами-инструкторами.

4. Горнист и барабанщик в любую минуту дня и ночи готовы подать сигнал. Это позор, если в нужную минуту барабана не оказалось под рукой или потерялся мундштук горна.

На сборе горнистов и барабанщиков выступил Александр ПАРАМОНОВ, слушатель 4-го курса военно-дирижерского факультета при Московской государственной консерватории. И всем ребятам захотелось научиться отбивать на барабанах такую же четкую и красивую дробь, какую умеет отбивать Александр Парамонов.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В шестом номере журнала «Пионер» открываются заочные курсы горнистов и барабанщиков. Горнисты и барабанщики, обязательно достаньте шестой номер «Пионера»!

премии журнала
ПИОНЕР

И МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ДОМА ПИОНЕРОВ

ЛУЧШИМ ГОРНИСТАМ И БАРАБАНЩИКАМ

Журнал «Пионер» и Московский городской Дом пионеров премировали:
фанфарой — пионерскую дружину 711-й школы;
горном — дружину 106-й школы. В каждом отряде этой дружины есть свой горнист;
барабаном — пионерскую дружину 308-й школы, где все пионеры — туристы.

КО ВСЕМ СОВЕТАМ ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЕЙ

Редакция журнала «Пионер» просит прислать сообщения о лучших горнистах и барабанщиках вашего лагеря. Пришлите снимки ребят и короткие рассказы о том, как они работали летом, как помогали дружке.

Герой Акрополя

Этого случилось в ночь с 30 на 31 мая 1941 года — двадцать лет тому назад.

Греция, подавленная нашествием гитлеровских полчищ, напоминала дом, где недавно кто-то умер. Исчезли улыбки на лицах людей, и даже в центральных кварталах Афин воцарилась гнетущая, настороженная тишина. Вот уже несколько недель как над древним Акрополем развевался флаг с фашистской свастикой...

30 мая девятнадцатилетние юноши — студенты Манолис Глезос и Лакис Сантас — долго бродили по улицам города. «Фашистский символ — черная свастика зловещим кошмаром давила на нас с ясного неба», — рассказывал позднее Глезос. — «Неужели все кончено?..» Смириться с такой мыслью было невозможно. «Нет! — решили друзья. — Надо показать грекам, что Греция жива и борется. Надо сорвать этот флаг с Акрополя!»

Ночью за спиной у немецких часовых они поднялись по крутым каменистым откосам к подножию Акрополя. Дальше шел узкий ход в скале. Патриоты не знали, охраняют ли его гитлеровцы, стоит ли наверху, возле мачты, часовой. Но, по счастью, там никого не оказалось.

Манолис дергает за веревку. Флаг не поддается. Юноша взбирается на мачту и рвет многометровое полотнище. Ему помогает Лакис. Безрезультатно. Тогда они начинают вытаскивать клинья, поддерживающие мачту в фундаменте. Каждую минуту мог нагрянуть охранник. Но это не остановило храбрецов. Более часа раскачивали они мачту, пока она наконец не рухнула вместе с флагом.

Наутро жители Афин уже не увидели над своим городом фашистской свастики.

Мир был поражен отвагой неизвестных героев, бросивших вызов самому Гитлеру. О них говорили печать и радио всех свободолюбивых стран. «Это безумство», — писали газеты. — «Но, если бы люди не были способны на такие безумства, не стоило бы жить».

Подвиг молодых патриотов был началом борьбы греческого народа с оккупантами, первым шагом национально-освободительного движения, охватившего вскоре всю страну. Манолис Глезос стал одним из его руководителей. Четыре раза фашисты заочно приговаривали его к смертной казни. Однако герою удалось уйти от застенков гестапо.

В сентябре 1943 года он снова поднимается на Акрополь. Над оккупированной греческой столицей появляются огромные буквы «ЭАМ» — «Национально-освободительный фронт».

Но вот окончилась мировая война. На смену гитлеровцам пришли англичане. С их помощью власть в стране захватили греческие реакционеры.

И третий раз поднимается Глезос на Акрополь, чтобы вывесить надпись: «Англичане, убирайтесь домой!»

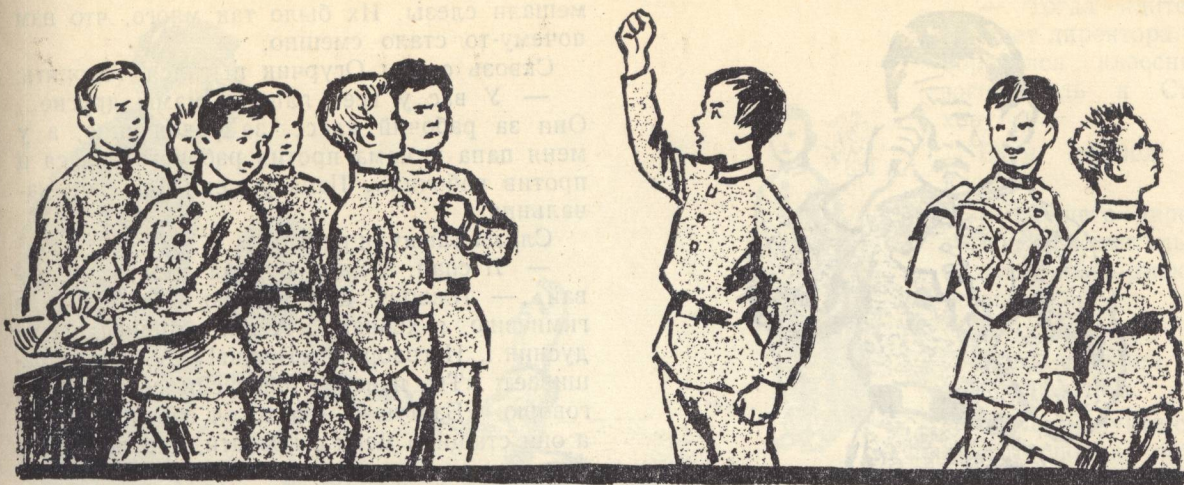
Буржуазные предатели не могли простить национальному герою Греции его отвагу, его обличительные выступления, его преданность отчизне. В марте 1948 года Манолис Глезос был арестован. Королевский прокурор предъявил ему невероятное, чудовищное обвинение — в списке «преступлений» Глезоса на первом месте стоял подвиг в мае 1941 года! Еще более чудовищным был приговор суда — смертная казнь.

Известие об этом вызвало гневный протест греческого народа и народов всего мира. Суд вынужден был отменить свое решение. Но в феврале 1949 года Манолис Глезос вновь был приговорен к смерти. И вновь народный гнев остановил руку палачей.

Однако реакционеры, лакеи американских агрессоров и друзья боннских фашистов, не унимаются. Много раз бросали они Глезоса в тюрьму, судили, подвергали жестоким пыткам. Последний раз его арестовали 5 декабря 1958 года.

Уже третий год длится позорный судебный процесс над лучшим из сыновей Греции, ее гордостью, честью и славой. Весь мир с тревогой следит за судьбой отважного героя, томящегося за решеткой тюрьмы на острове Корфу. В адрес греческого правительства ежедневно приходят со всех концов света тысячи писем, открыток и телеграмм протеста. Все честные люди требуют: «Свободу Манолису Глезосу!» Таких людей на земле сотни миллионов, они верят в свою силу, верят, что справедливость возторжествует и герой Акрополя будет освобожден.

В. Староверов

ЗАБАСТОВКА

БЫЛЬ

Г. ПУШКАРЕВ

Рисунки О. Траскиной.

Было это весной 1906 года.

Мы только что пережили декабрьские дни 1905 года и продолжали считать себя революционерами. А тут по городу пошли разговоры о том, что рабочие Красноярска решили объявить день 1 Мая революционным праздником и не выходить на работу. Ну и мы, ученики пятого класса мужской гимназии, решили присоединиться к ним, забастовать и 1 Мая не являться в класс.

В последнюю перемену мы не выходили из класса. Нам надо было организовать короткий митинг и договориться о порядке проведения забастовки. Больше всех в этот день горячился наш главный забастовщик Витя Стахов. Это он убеждал нас быть революционными борцами, высоко держать знамя рабочего класса, это он предложил объявить бойкот всем тем, кто завтра, 1 Мая, придет в гимназию. А когда мы собрались было голосовать за эти предложения, со своих парт поднялись сыновья местных купцов Сажин и Галкин и заявили вслух, что они против забастовки, что они не признают рабочего и революционного движения и все равно в гимназию придут.

Мы объявили им бойкот, предали их вечному позору и поклялись друг другу, что ни один из нас даже не пройдет мимо гимназии за весь день.

Тут Витя на весь класс бросил лозунг:

— Да здравствует Первое мая, праздник трудящихся всего мира! Да здравствует забастовка!

С таким боевым настроением мы и разошлись по домам.

Но каково же было наше удивление, когда утром 2 мая, едва перешагнув порог класса, мы узнали, что вчера в гимназии были не только Сажин и Галкин, но самый маленький из нас — толстячок Валя Смородин и... Витя Стахов.

Купеческие сынки, с которыми мы не здоровались и не разговаривали, издевательски кричали на весь класс:

— Забастовщики!.. Бастуем! Не придем!.. А Витька первым пришел вчера в гимназию!.. Хвастуны!..

Мы не стали спрашивать Стахова, почему он изменил рабочему классу, почему вчера он оказался в классе, мы отвернулись от него и на все его попытки заговорить с нами отвечали презрением. Мы твердили одно: с предателями рабочего класса не разговариваем!

А после второго урока, едва учитель вышел из класса, Стахов подбежал к двери, хлопнул ее и заявил:

— Не выпущу никого, пока не выслушаете меня.

Мы ответили грубо:

— Можешь говорить. Послушаем, но заявляем, что нас ничем не разжалобишь.

Стахов поднялся на кафедру.

— Я пришел... Я пришел. — Он повторял одни и те же слова, а на глазах — слезы. — Я пришел...

— Слыхали... Что еще скажешь?

— Моя мама — учительница, а им объявили, что если они сами или кто из родных будет участвовать в революции, их снимут с работы... Папы у меня нет, а если маму уволят, чем мы будем жить? У нас нет ничего...

Он захлебнулся слезами...

Мы молчали.

— Мама плакала... Она умоляла меня, чтобы я пришел в класс. Она говорила, что товарищи меня поймут и не осудят.

Снова слезы, но мы продолжали молчать.

— Я не мог не прийти. У меня никого нет на свете, кроме мамы. Я пришел, но разве я не за рабочих? Разве они не простят мне этого?

Он упал на кафедру, и плечи его затряслись от плача. Но мы были твердыми, и мы не приняли объяснений Стахова. Мы отвернулись от него.

— Может, и ты хочешь объясняться? — сказал кто-то из нас, обращаясь к Вале Смодину, которого обычно мы звали Огурчиком.

— Хочу.

И он встал рядом со Стаховым на кафедре. Встал и замолчал, вернее, говорить ему

мешали слезы. Их было так много, что нам почему-то стало смешно.

Сквозь слезы Огурчик пытался говорить:

— У вас у всех папы и мамы другие... Они за рабочий класс, за революцию, а у меня папа и мама против рабочего класса и против рабочих... Папа у меня большой начальник...

Слезы хлынули ручьем.

— Я спал, а мама будила меня. «Вставай», — говорит, а я говорю: «Не пойду в гимназию, я хвораю». А мама принесла градусник... И говорит: «Врешь!» А папа спрашивает: «Ты, наверно, бастуешь сегодня?» Я говорю: «Бастую», — и хотел спать дальше, а они стащили меня с кровати, надели на меня костюм...

Он уже рыдал, а мы хохотали, представив, как нашего «революционера-забастовщика» одевают папа и мама.

— Даже чая не дали выпить... Посадили на извозчика, привезли в гимназию и сдали классному воспитателю... Разве я виноват?

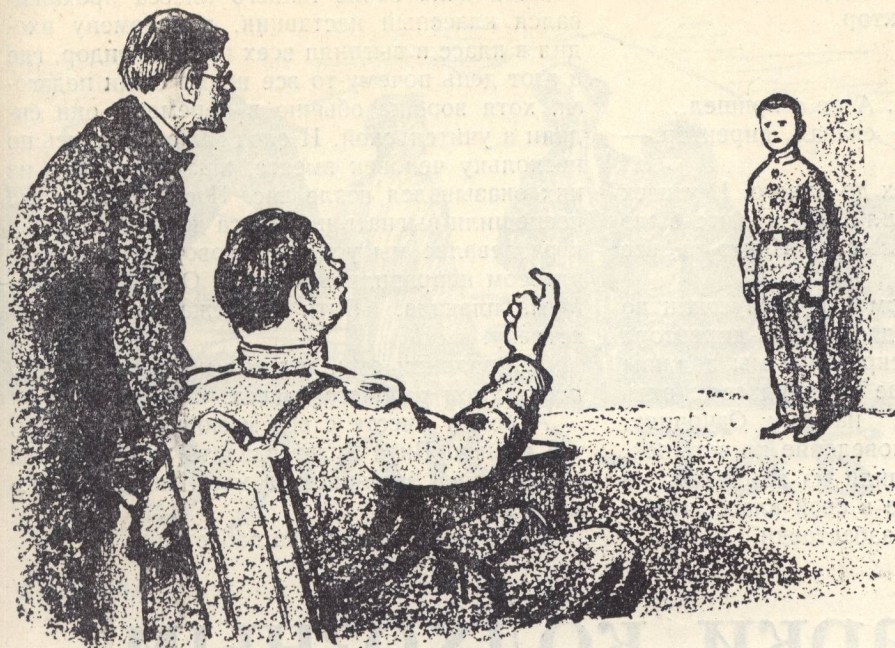
И снова слезы крупным горохом.

Здесь от нашей суровости не осталось и следа. Мы хохотали, как дикари, и постановили единогласно считать причину прихода нашего Огурчика в гимназию 1 Мая уважительной.

Вынося такое решение, мы даже не вспомнили о Вите Стахове, не подумали о нем, а Витя сидел на парте, обхватив голову руками, и казалось, ничего не видел и не слышал.

В большую перемену нам объявили, что после пятого урока с нами будет говорить сам

директор гимназии. Это ничего доброго не предвещало. Мы хорошо знали, что после декабрьских дней наш директор исключил из гимназии нескольких человек только за то, что они, как ему казалось, продолжают быть близкими к революционному движению.

Значит, кому-то из нас грозит исключение.

Мы присмирели. Мы понимали, что директор, чтобы оправдать себя в глазах начальства, постарается отыгаться на нас.

Не помню, как мы досидели до конца занятий. Учитель что-то говорил, спрашивал, но мы ничего не понимали. Дошло до того, что учитель обозлился и закричал на весь класс:

— Глупить умеете, а отвечать боитесь! Будет вам сегодня на орехи, господа забастовщики, выбьют из вас дурь...

Захлопнул журнал и вышел из класса. И тотчас же явился классный воспитатель.

— Сажин, Галкин, Смородин и Стахов, как примерные ученики, могут идти домой, а вы все... — он поднял палец и так молчал минуту-две... — будете разговаривать сейчас с директором и жандармским ротмистром.

Сажин и Галкин, размахивая ранцами и ехидно поглядывая на остающихся, с победоносным видом вышли из класса. Стахов и Смородин не пошевелились.

— А вы? — обратился к ним классный воспитатель. — Особого приглашения ждете?

— Я остаюсь вместе со всеми, — заявил Стахов. — Буду отвечать со всеми.

— Я тоже, — сказал Огурчик.

— Тогда идите в кабинет директора, — обратился классный воспитатель к Стахову.

Витя вышел из класса.

В кабинете директора действительно сидел жандармский ротмистр.

Он взглянул на Стахова, поманил его к себе пальцем.

— Пожалуйста сюда, господин забастовщик. Как ваша фамилия?

— Стахов.

Директор посмотрел на Стахова, сказал:

— Ведь вы же были вчера в гимназии, так зачем пришли сюда? Можете идти домой. Мы довольны вашим поведением.

Витя не повернулся, не вышел, он твердо и совершенно спокойно ответил:

— Хотя вчера в классе я и был, но считайте, что меня не было.

— Как это понять? — насторожился жандарм.

— Я сам призывал к забастовке, к тому, чтобы никто не приходил в класс, и я бы не пришел, если бы меня не принудили сделать это силой...

— Сознательный забастовщик, — усмехнулся жандарм и перемигнулся с директором. — Что ж, поговорим.

И начался разговор. На все старания жандарма узнать, кто же был зачинщиком забастовки, чья тут инициатива, Стахов ответил просто:

— Я уже сказал вам, что я сам призывал к забастовке, а больше ничего сказать вам не могу.

И ни на один вопрос Витя не ответил ни слова.

— Идите! — сказал жандарм. — Кто следующий?

Следующим был Валя Смородин.

— А вы зачем? — поднял на него глаза директор. — Примерный сын примерных родителей — и с забастовщиками?

— Да-а... — сразу с места заплакал Валя. — Я не сам пришел вчера, меня привезли на извозчике...

— Кто привез вас? — удивленно посмотрел на Огурчика директор.

— Папа с мамой...

— И что?

— Привезли, и все... А не я пришел...

— Идите домой! — сказал директор. — Зовите следующего.

Допрашивали нас всех до одного. И у всех был один ответ: не пришли потому, что было такое решение. Кто призывал? Никто и все вместе...

Только поздно вечером нас распустили по домам, а утром нас ожидал приказ директора по пятому классу: в воскресенье мы должны были отсидеть в карцере всем классом пять часов, Вале Смородину, нашему Огурчику, кроме того, снижалось поведение до четырех, а Витю Стахова исключили из гимназии, не допустив его утром даже в свой класс, чтобы мы не придумали новой забастовки.

Весь день возле нашего класса прохаживался классный наставник, в перемену входил в класс и выгонял всех нас в коридор, где в этот день почему-то все время были педагоги, хотя вообще обычно в перемены они сидели в учительской. И едва мы собирались по несколько человек вместе, как кто-нибудь из них оказывался возле нас. После уроков нас поспешили выгнать из класса домой. И все же в раздевалке мы успели договориться и всем классом направились к Вите. Он сидел дома. Мама плакала. Витя выбежал к нам на встречу.

Мы заявили ему, что мы не считаем его предателем рабочего класса.

А потом вместе с его мамой мы решили, что весной Витя будет сдавать экзамены за пятый класс экстерном, а мы... мы будем помогать ему.

Так закончилась наша забастовка.

Подарки колхозным ребятам

Таллинский Дворец пионеров славится своим радиоклубом. Здесь есть коротковолновая и ультракоротковолновая радиостанции. Ребята сами сконструировали сложную вращающуюся антенну, позволяющую вести радиопередачи на большие расстояния, и им удалось установить связь с радиолюбителями восьмидесяти стран.

Такую же антенну таллинские радисты установили и на павильоне «Юные натуралисты и техники» на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. Лучшие операторы радиоклуба приедут этим летом на выставку и будут вести радиопередачи, чтобы показать посетителям радиостанцию в действии, научить их увлекательному делу.

Пионеры-радисты увлеченно работают сами и передают свои знания и умение другим ребятам. В радиоклубе есть передвижная радиостанция, она установлена на автомашине. Пионеры выезжают в сельские школы, знакомят колхозных ребят с работой радиостанции, помогают ремонтировать школьные радиоузелы. Они построили и передали в школы и дома пионеров шесть коротковолновых радиостанций. А сейчас радиоконструкторы строят еще десять радиоузелов. Они подарят их сельским школам ко дню открытия XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Д. Иванников

Радисты Миша Смирнов и Митя Иванов устанавливают вращающуюся антенну.

О СМЕЛЫХ
ЛЮДЯХ

ШУРАВИ-ТАБИБЫ

Е. РУБЦОВА

Рисунки В. Цельмера.
Фото Р. Саямова.

ОНИ ПРИЕХАЛИ В КАБУЛ

Автомобиль мчался по улицам Кабула, столицы Афганистана. Вокруг кипела незнакомая жизнь, такая непохожая на жизнь Москвы, оставшейся далеко — за тысячами километров отсюда.

В толпе пешеходов — яркие, разноцветные чалмы, словно бутоны огромных фантастических цветов, и тут же скучновато-строгие, вполне европейские пиджаки. Широкие стекла рядных магазинных витрин и сидящие на корточках уличные продавцы лепешек, поджариваемых на углях жаровни. Поток сверкающих лаком автомобилей и длинноухие ослики с тяжелой кладью в больших чересседельных мешках. Многоэтажные фасады новых домов, а по асфальту мимо них — кочевники, ведущие под уздцы верблюдов, на которых навьючено все небогатое хозяйство, от глиняного кувшина до скатанной и увязанной в тюк палатки.

Если бы приезжие были туристами, они уже не раз попросили бы остановить машину. Им захотелось бы выйти, смешаться с этой необыкновенной толпой на солнечной улице, попробовать румяных, пышущих жаром лепешек, посмотреть на яркие восточные ткани и бусы в витринах, купить каких-нибудь безделушек на память.

Но нет, они не туристы, и не для прогулки мчит их по улицам Кабула автомобиль. Их вызвала сюда из Москвы телеграмма советского посольства.

Коротко, как все телеграммы, она сообщала, что здесь, в соседней с нами и дружественной нам стране, появились очаги холеры, что нужны врачи и лекарства. Был срочно сформирован санитарно-эпидемический отряд из шести человек. В него входили врачи-микробиологи Раиса Ивановна Котлярова, Рант Михайлович Саямов и профессор Александр Григорьевич Никонов, лаборанты Клавдия Николаевна Горелова и Надежда Михайловна Широкина. Возглавляла отряд Зинаида Александровна Планкина, врач-эпидемиолог, директор Центральной наблюдательной противочумной станции.

Когда «ИЛ-18» совершил посадку и отряд ступил на землю, он был встречен представителями афганского министерства здравоохранения. наших врачей пригласили на совещание к министру, доктору Рахими.

Совещание было многолюдным. Здесь присутствовали не только афганские специалисты, но и некоторые ученые из других стран, находившиеся в Кабуле. Все они с любопытством ожидали, что скажут советские врачи.

У нас в стране борьба с острозаразными болезнями, к каким относится холера, ведется по строго разработанным правилам. Уже много лет неуклонное соблюдение этих правил не дает ни холере, ни тифу гулять на свободе и, переходя от больного к здоровому, губить людей.

Санитарные врачи отслеживают путь микроба с такой же беспощадной настойчивостью, с какой пограничники отслеживают путь диверсанта. Его берут в кольцо. Его изолируют. Его обезвреживают прежде, чем он успеет причинить зло.

По просьбе афганского правительства советские врачи привезли противохолерную вакцину. Но вакцина охраняет здорового, если она ему привита заранее. Не меньше двадцати дней нужно, чтобы введенная человеку вакцина подготовила его тело к борьбе со смертоносным холерным микробом.

Там, где холера уже перешла в наступление, нужно другое средство — сильное, быстродействующее. Такое средство наши врачи привезли с собой. Бактериофаг. Но едва профессор Никонов произнес это слово, по залу прошелестел смехок. Афганские коллеги деликатно, стараясь не обидеть советских гостей, напомнили, что бактериофаг ведь не новость, что он открыт еще в 1912 году и с тех пор уже давно во всем мире признан бессильным против холеры. Участники совещания подкрепляли это общепринятое мнение печальными случаями из своей практики.

Стало ясно, что в бактериофаг никто не верит. А между тем сейчас мог помочь именно бактериофаг. Наши врачи были убеждены в этом, потому что они знали о нем то, чего еще не знали другие.

СУДЬБА ЛЕКАРСТВА

то правда, что бактериофаг известен давно. Еще в 1912 году французский ученый Д'Эрель открыл этого беспощадного истребителя холерной бациллы. Желтоватая питательная жидкость в колбе, помутневшая от размножившихся холерных вибрионов, на глазах становилась кристально прозрачной, как только в нее вносили капельку бактериофага. В ней не оставалось ни живых, ни мертвых вибрионов: под действием фага они не только погибали, они растворялись. То же самое происходило в теле больного холерой человека, если ему давали проглотить бактериофаг.

Казалось, наконец-то человечество нашло способ победить холеру! Бактериофаг Д'Эреля встал на вооружение врачей во всех странах Земли. Но прошло всего несколько лет, и он начал терять силу, а потом и вовсе перестал помогать. Больные умирали по-прежнему. От

бактериофага пришлось отказаться, стали искать иных лекарств.

И никто, в сущности, не знал, что случилось с бактериофагом, почему он перестал вылечивать больных холерой. Почему? Этот вопрос поставил советский микробиолог профессор Никонов и после многих трудов проник в тайну изменившегося фага.

Самое слово «фаг» означает — «пожиратель». Фаги пожирают микробов, чтобы жить. Это их пища. У разных фагов разная пища. Тот, о котором идет речь, питался холерными вибрионами. Чтобы иметь под руками это спасительное оружие в борьбе с холерой, врачи и микробиологи должны были размножать и хранить культуру противохолерного фага. А в пищу ему надо было разводить чистую культуру холерных вибрионов.

Все микробы, в том числе и микробы холеры, размножаются очень быстро: если с утра их поместить в пробирку, то к вечеру там будут уже их пра-пра-пра-пра-правнуки. О том, сколько сменится поколений за год, и говорить нечего!

Александр Григорьевич Никонов, как и все микробиологи, знал, что бактерии очень легко приспособляются к окружающим условиям, легко меняют свойства. Но из всех ученых он первый задумался: если многие миллиарды поколений холерного вибриона росли не в кишечнике живых существ, а в стеклянных пробирках на искусственно приготовленном бульоне, остались ли они похожими на своих предков? Не выродились ли они, эти пробирочные потомки? И если бактериофаг Д'Эреля на протяжении стольких поколений питался этими постепенно изменяющимися вибрионами, мог ли он остаться прежним? Ну конечно же, и он должен был измениться! Он тоже выродился. И тогда, встретившись в живом человеческом теле с настоящими «дикими» холерными вибрионами, которых легко убивали его предки, «пробирочный» фаг не мог ничего поделать. Он приспособился к другой пище, к другой добыче.

Значит, надо было перевоспитать фаг, восстановить его прежние свойства, заново «обучить» его борьбе с настоящим вибрионом. И профессор Никонов это сделал. Вместе со своими учениками и последователями, врачами Р. Саямовым, К. Бичуль и другими, он стал выращивать бактериофаг не в стеклянной пробирке, а в изолированном отрезке тонкого кишечника морской свинки. Ученые заставляли фагов поколение за поколением приспособляться к новым или, вернее, к старым, «забытым» условиям, пока не восстановились прежние свойства пожирателей вибриона.

Так появился бактериофаг Никонова, столь же смертоносный для холерных вибрионов, как и его далекий предок, когда-то найденный Д'Эреллем.

И вот в него, в этот возрожденный бактериофаг, не хотели верить!

«МАЛЬЧИК ЕЩЕ ЖИВ»

Н а другое утро доктор Рахими спросил советских врачей:

— Не согласитесь ли вы посетить наш холерный госпиталь?

Еще бы они не согласились! Они только этого и ждали! Им хотелось действовать, хотелось начинать борьбу с болезнью.

В госпитале оказалось много тяжелых больных. Заостренные черты лица... Иссохшее, обезвоженное тело... Сморщенная вялыми складками кожа и проступающие под нею кости... Судорожно сведенные руки и ноги... Полуоткрытые невидящие глаза... Холерная кома. Так называется у врачей это тяжелое состояние, за которым быстро наступает смерть.

Вот на койке молодой афганец, на соседней — мальчик.

— Оба безнадежны, — печально говорит сопровождающий афганский врач.

Дальше — мать этого мальчика. Рядом — его сестра. И этих уже коснулась смерть... Жалость сжимает горло. Зинаида Александровна Планкина с трудом удерживает слезы. Рант Саямов хмурится. Профессор Никонов кусает губы.

— Их можно спасти, — говорит Зинаида Александровна.

— Спасти? Ни одному не дожить до завтра.

— И все-таки есть надежда. Наш бактериофаг.

Афганский врач молча пожимает плечами. Бактериофаг!..

— Пожалуйста, пробуйте, — говорит он.

Наши врачи немедленно приступают к делу. Лечение бактериофагом по методу профессора Никонова. Сначала десять кубических сантиметров через вену прямо в кровь, тридцать кубиков выпить. И еще по тридцать кубиков на второй и на третий день. Но будет ли у этих бедняг второй и третий день?

Особенно трудно пришлось с малышом. Спавшиеся вены затерялись на беспомощной иссохшей ручонке. Бактериофаг пришлось ввести в мышцу. Потом, разжав стиснутые судорожно зубы, влили лекарство в рот. Так по очереди всем больным в этой палате.

...Ночь казалась бесконечной. Зинаида Александровна без сна лежала на своей койке. Лежала молча, хотя догадывалась, что остальные тоже не спят. Потом одна из женщин сказала в темноту, словно уговаривая кого-то:

— Ну пусть бы хоть маленький выжил...

Нет, совершенно бесполезно притворяться! Так и дожидались они утра, ни на минуту не смыкая глаз, с неотступной тревогой, изредка перебрасываясь словами об одном и том же: «Выживут? Не опоздала ли помощь?»

Утром, чуть свет, позвонили в госпиталь.

— Мужчина умер, — ответил голос в трубке.

— А мальчик?

— Мальчик еще жив.

— Остальные?

— Тоже. Но состояние тяжелое.

Они еще живы! Главное — живы! Вчерашний день не был для них последним. Значит, смерть уже дала осечку. Значит, поединок фага с вибрионом продолжается.

Они будут жить: и мать и дитя.

Еще через день руководство госпиталя сообщило министру: «Советские специалисты применили бактериофаг. Всем больным лучше, даже мальчику, который был в безнадежном состоянии».

Это были первые отвоеванные жизни. И это была первая победа бактериофага!

ВИБРИОН АТАКУЕТ

Холерный вибрион коварен. Он умеет нападать в открытую, убивать наповал. И он умеет, замаскировавшись, подобраться тайком, чтобы нанести внезапный удар.

Когда в психиатрическом отделении Королевской больницы умер человек, который находился тут уже много времени, это не вызвало тревоги. Ничего похожего на признаки холеры у него не находили. А между тем это была холера. Но белье умершего пошло в стирку с остальным больничным бельем, а посуда, из которой он ел, поступила на кухню с остальной посудой.

Вот тогда-то холера сбросила маску. Заболевшие обнаружили сразу в пяти отделениях и на кухне. Отсюда через врачей, через студентов, через посетителей эпидемия могла лавиной обрушиться на город. И теперь уже всем было ясно, что если ее не удержит советский бактериофаг, так хорошо проявивший себя в холерном госпитале, значит, не удержит ничто.

Все двенадцать больных были немедленно отделены и получили бактериофаг. Кроме них,

еще две тысячи человек, включая врачей, сестер, санитаров, студентов, пришлось подвергнуть предупредительному «фагированию». Фаг творил чудеса. Теперь уже все поверили в его силу.

Весь Кабул знал в лицо «шурави-табиров», советских врачей. Их встречали и провожали приветливыми улыбками. Ребятишки на улице говорили им старательно выученные русские слова: «И здравствуйте! И прощайте». А одна маленькая кудрявая девочка, смуглая, как шоколадинка, купила на лотке горсть орехов, подбежала к начальнику отряда и застенчиво протянула их. Девочка не знала ни слова по-русски. Доктор Планкина знала не больше двух слов на фарси.

Но зачем слова! Заглянув в большие лучистые ребячьи глаза, Зинаида Александровна только улыбнулась и бережно приняла дружественный дар.

ЧЕРЕЗ ГИНДУКУШ

Советские ученые победили? Да, в первом поединке со смертью. Пока еще только в первом.

Помните, как в сказке богатырь бьется со Змеем-Горынычем? Вот под ударом булатного меча покатались на землю три огнедышащие головы. Но вместо каждой вырастают две новые. Отсечет эти шесть — их уже двенадцать.

Так было и здесь. В то время, как шурави-

В черных шатрах кочевников притаилось горе.

Спасенные и спасители. Справа — доктор Планкина, позади — доктор Котлярова.

табибы ликвидировали вспышку холеры в Кандагаре, внезапно пришло известие, что болезнь появилась на севере страны, по ту сторону высоких горных цепей Гиндукуша.

Ехать? Конечно! Но как? Дорога, по которой ездят обычно, — четыреста километров. Четырнадцать часов на машине, когда на счете не часы, а минуты! Новая, еще строящаяся дорога через горы напрямик трудна и опасна, но вдвое короче. Значит, надо выбрать именно эту.

Отряд выступил. Как подходило суровое и мужественное слово «отряд» к маленькой горстке мирных людей! Да, они составляли боевой отряд, преследующий по пятам саму смерть.

Машина поднималась выше и выше. Каменный карниз, местами оледенелый, вился по таким кручам, что хотелось закрыть глаза, а пальцы впились в борта «газика», словно это могло спасти, если он сорвется в пропасть. Далеко внизу сквозь разрывы в облаках синели долины. Даже орлы, распластавшие в полете огромные крылья, были ниже машины, а она с ревом и фырканием все ползла и ползла вверх. Впереди слышались взрывы. Встречные говорили по-русски: ведь дорогу вместе с афганцами строят по советскому проекту советские инженеры и рабочие.

Вот городок строителей. Вагончики, как у первых целинников, только кругом не степь, а скалы выше облаков. Врачи «угостили» всех бактериофагом, подробно рассказали о мерах предосторожности, и отряд двинулся дальше.

Когда дорога будет закончена, на высоте 3 600 метров гору прорежет туннель. Его про-

бивают в каменном теле горы метростроевцы Москвы и Ленинграда. Но сейчас путникам приходится преодолевать перевал, лежащий на высоте четырех тысяч метров, — страшный и суровый перевал Саланг, прозванный афганцами «Замистаном» — «Обителью зимы».

Узкая полоска временной дороги снова змеей вьется по круче, снова скрипит под колесами оледенелая щебенка, и пропасть синее сбоку, и пальцы до боли впились в борт машины. Но и здесь в самые отчаянные минуты заглушает все иные чувства тревога. Что-то сейчас происходит там, за горами? Поскорей бы! Поспеть бы!..

Только одолев перевал, закончив спуск по бесконечным петлям дороги и глянув назад, в головокружительную вышину, они вдруг поняли по-настоящему, что это была за дорога. И почувствовали на какую-то долю секунды холодок запоздалого страха.

ПО СЛЕДАМ НЕВИДИМЫХ УБИЙЦ

Выслеживать холеру... Искать те цепочки, по которым она идет от человека к человеку, от дома к дому, от селения к селению... Чем раньше обнаружена такая цепочка, тем легче ее оборвать. На совещании с афганскими коллегами, созданном главным врачом провинции доктором Ибрагимом Замери, выработали план боевых действий.

...В кишлаке Заманхель шел свадебный пир. Внезапно заболела невеста. Доставленная в больницу города Пули-Хумри, она умерла через час. Прошло два дня — заболел жених и девять человек гостей. Но наши врачи с бактериофагом были уже здесь.

Как передать радость спасенных! Только один среди них был печален: овдовевший жених.

— Зачем не помедлила смерть до прихода шурави-табибов! Моя невеста была бы жива!

А у Змея-Горыныча отрастали, удваиваясь, срубленные головы: заболевания появлялись в новых местах.

Пришел в кишлак Мангалà пастух-кочевник, свалился и умер.

По обычаям мусульманской религии, умершего надо было обмыть. Обмыли его прямо в арыке. И вот появились больные сначала в том доме, где умер пастух. Потом в соседних домах. А дальше один за другим стали возникать очаги холеры в кишлаках, лежащих ниже по течению арыка.

Страшная смерть приплыла туда с водой...

Надо было поспеть в десятки мест. Отряд разбился на меньшие группы, и к каждой присоединились афганские врачи. Выезжали по первому сигналу. Бактериофаг был могучим союзником. Те, кому успевали его ввести, выздоравливали.

И в ближних и в дальних кишлаках шла добрая молва о советских врачах: шурави-табибы никому не отказывают в помощи, шурави-табибы не берут денег, для шурави-табибов равны и богач и бедняк, у шурави-табибов волшебное питье, живая вода.

«БИССЁР ХУБ!»

Для них не существовало ни трудностей, ни препятствий. Казалось, они успевали быть сразу в нескольких местах. Куда не могла проехать машина, пробирались пешком. Врачи и лаборанты, ни разу в жизни не ездившие верхом, преодолевали многие километры в седле; головокружительными тропками поднимались к глухим кишлакам; по скользким камням переправлялись вброд через бурные, пенные потоки.

Иногда у дороги вдруг вырастала высокая фигура в темной одежде и белой чалме. Зная, что они тут проедут, афганец их ждал с больным ребенком на руках. Иногда, оказав по-

Шурави-табибы приехали! Женщины глядят, забравшись на крышу лачуги.

мощь в кишлаке, они встречали кочевника-пастуха с глазами, полными горя, и шли в его черный, потрепанный ветрами шатер, где лежали больные. Иногда, вернувшись к ночи из далекой поездки, они узнавали о новом очаге холеры и тотчас пускались в путь.

Но как радостно бывало при повторном посещении больных увидеть бледную улыбку, ожившие глаза и услышать пусть еще слабым голосом произнесенное:

— Биссёр хуб, очень хорошо! Ташакур, спасибо!

Однажды ночью плыли на пароме через Сурхаб. Яркое светила луна. Серебряная дорожка уходила по воде в ту сторону, где, как они знали, лежит наша граница. Всего шесть километров отделяли их от Родины!

Афганцы заметили грусть в глазах советских друзей и встревожились. Но те уже овладели собой и улыбались.

— Ничего! Все в порядке. Биссёр хуб. Мы передали привет Родине, и волны Сурхаба отнесут его. Не покинем ли мы вас? Нет, конечно! Еще много работы нам с вами предстоит...

Только когда эпидемия была погашена, простились они с Афганистаном. И осталась память о подвиге шурави-табибов в стране, где и сейчас живут спасенные ими от смерти мужчины, дети, женщины и старики. Но если заговоришь об этом, Зинаида Александровна только отмахивается: ни она, ни остальные не считают это подвигом. Для них это была просто работа.

Первый взгляд

В МИР

Римма КАНДЕЛАКИ

Рисунки В. Константинова.

*Сделать открытие —
значит увидеть.*
Сент-Экзюпери.

— Я хотел бы нарисовать ветер, — сказал мальчик, — и не знаю, как.

— Трудновато! — согласился художник. — Вопрос «как» в нашем ремесле сложный. Немало народу шею себе на этом сломало.

Они сидели на чердаке большого дома, где у художника была оборудована мастерская. Дул ветер. Был полдень. Мальчик огорченно глядел на пустой лист бумаги. Художник жевал огурец, и глаза его смеялись.

Вокруг был обычный рабочий беспорядок: нагроможденные друг на друга банки с красками, бутылки с растворителями и лаками, кисти и рулоны бумаги, наваленные сверх всей утвари мастерской. К одной из стен художник прикрепил длинный картон с рисунком своего будущего панно и сейчас разглядывал его, прищурясь. Пахло скипидаром и нежилым.

— Хочу нарисовать ветер, — упрямо бормотал мальчик.

— Тогда давай берись за дело. Нельзя же добиваться чего-нибудь сложа руки! Художник должен мыслить с кистью в руке, сказал мой друг Бальзак. Большущий писатель, ты о нем еще не слыхал...

Слышал! Сто раз слышал вот здесь, на этом чердаке. Ну его в болото, этого друга! Леня его ни разу в глаза не видел, и зачем только он людей путает!

«С кистью в руке!» А у Лени не кисть — только кисточка. И узкая черная коробочка акварельных красок, как у всех ребят в школе. И детский альбом для рисования.

«Небогатое хозяйство, — горько думалось ему, — много ли с ним сделаешь!» Скучные квадратики акварели не вызывали в мальчике волнения. То ли дело масляные краски в деревянном ящике, с которым художник не расставался и носил его, как командир носит планшет, на ремне через плечо! Вот это был «материал»! Когда веселые, толстые, аппетитные червяки выдавливались из тюбиков на палитру, Леня просто изнывал.

Такие густые, плотные, яркие и радостные краски! Самые имена их звучали необыкновенно: кадмий светлый, кадмий оранжевый, сиена натуральная, сиена жженая. Еще заманчивее: умбра, киноварь, ультрамарин, изумрудная зелень. А фиолетовый кобальт, а краплак, а слоновая кость! О, эти названия пели!

Неожиданно для себя мальчик взбунтовался.

Легко говорить «давай», «берись», когда сам ученый. А вот ты покажи тому, кто ничего не знает и не умеет. Нет, не хочет художник ничего показывать. Все посмеивается да загадки загадывает.

— Зачем смеетесь, Кстин Кстинович? Лучше взяли бы да показали, как.

Художник в ту минуту вымерял карандашом в воздухе размеры и соотношение частей рисунка на картоне. Он медленно повернулся к мальчику и поглядел на него, как стрелок на мишень: сурово, остро, вприцел. Потом стал медленно подниматься с табурета, а поднявшись, резко отшвырнул его ногой и зашагал по чердаку.

Ух, рассердился, теперь не скоро успокоится!

— Слыхали? Он придумал, что, а я, оказывается, должен показать, как! Подсунуть шпатель, сообщить рецепт, разжевать да в рот ему положить: на, кушай! По-твоему, это и есть учеба? Поздравляю! — Художник насмешливо шаркнул ногой. — Не ты один так думаешь. К сожалению, у тебя немало единомышленников. Представь, тоже из молодых!

Он зашагал быстро и сердито из угла в угол, бросая неприятные слова:

— Иждивенцы! Сынки! Любители готвеньяного!

Потом, остановившись над Ленькой, крепко ткнул его пальцем в грудь (мальчик качнулся вместе с табуретом).

— Ты почему боишься пробовать? Риска боишься? А почему бы тебе избегать риска? С тобой, милый мой, ничего не будет.

Ленька растерянно моргал, маленький, вихрастый.

— Наоборот: найдутся сердобольные ня-

нюшки, еще пуще станут оберегать, пушинки с тебя сдувать...— Художник заговорил бабьим голосом, очевидно, представляя кого-то: — Ах, не трогайте его! Ах, это молодое дарование! Ах, создайте ему условия для творческого роста! О-ох, вредные нянюшки! Вот уж у кого дитя растет без глазу, прямо по пословице.

Поднял кверху сильные кулаки.

— Тепличные ростки... Неужели для того боролись отцы, расчищая вам дорогу? Настоящие условия для творческого роста, если хочешь знать,— это прежде всего риск. Риск, борьба, искание. Без конца ищешь, ищешь, придумываешь, отбрасываешь и снова ищешь. Это постоянные муки, чертовы муки в решении задачи, которую никто, кроме тебя, ни поставить, ни выполнить не сможет. Понял? Твоя задача — твой и ответ. Ты придумал — ты и найди. Сам, сам! Без поводыря.

Переводя дух, он будто сейчас только увидел своего собеседника: маленькая голова, утиный нос в крапинках, узкие плечи, расцарапанные голые колени...

— Сколько тебе лет-то, молодое дарование?

— Мне? Девять.

Тут Константин Константинович бурно расхохотался. И давай ерошить Ленькины вихры, ущемлять веснушчатый нос костяшками двух пальцев — словом, всячески показывать, что они были и остались приятелями.

Леня, отдышавшись, гнул свое:

— Как же он рисуется, ветер-то?

— А ты спроси вон у той ивы.

Обняв за плечи, художник подвел Леньку к широчайшей проруби окна. Дух захватывает глядеть эдак на жизнь с высоты! Этаж-то ведь не шуточный: восьмой.

Весь город отсюда видно в один обхват. Вон река, вон судоверфь (там работает Ленькин отец), дымки труб, паутина дорог. Даже лес, такой дальний, что до него если идти, не дойдешь и к ночи, и тот отсюда будто рядом.

Облака гуляют вокруг, как прирученные. Эх, высота! Екнуло сердце. Одолело знако-

мое неукротимо дикое желание — выскочить из окна, распластаться и полететь.

Леня был почти уверен, что не упадет. А что если, к примеру, зацепиться вон за то ленивое толстое облако? Куда его облако за собой потянет, в какие понесет заморские края? Быть может, они отправятся в сторону неведомой Умбрии, где лежат жженные сиенские земли? Или к Берегу Слоновой Кости, где у подножия высоких снежных пиков, в горной зелени охотятся оранжево-черные краплаки (Леня мгновенно выдумал дикое племя с таким интересным названием — краплаки!) и нападают на крокодилов и сло...

Пренеприятная привычка — сильно толкнуть человека в бок, стоит только тому замечаться!

Но Константин Константинович не любил бредней.

— Действуй! Так что же тебе говорит эта ива?

Ах, да, ива! Ну, ива как ива. Сколько раз Леня, закатав штаны, бегал с товарищами вокруг ее морщинистого ствола, играл в партизан! Ничего ива ему не говорила. Да и чему может обыкновенное дерево научить человека?

— Очень многому. Например, умению видеть.

В подтверждение своих слов художник забросал мальчика придирчивыми вопросами: а ну-ка, какой формы верхушка дерева? Круглая, говоришь? Вот и неверно. Не спеши, подумай. А какого цвета листва? Уж буд-то бы зеленая? Я бы этого не сказал. Оказывается, ты умеешь только глядеть, но еще не научился видеть. А должен, раз хочешь рисовать. Дерево закачалось... Теперь смотри, теперь гляди в оба!

Сильный порыв ветра сотряс иву. Ива заметалась внизу, заломила ветви, почти легла на дорогу. И вот вывернутая ветром наизнан-

восью. От его кисточки так и летели брызги. Скоро на листе появился силуэт согнутого, растрепанного дерева. Тогда художник неслышными шагами подошел сзади.

— Так-то, брат. Вон он, твой ветер, гуляет за окном. Ходит себе на свободе неуловимый, как дыхание жизни. Его и не видать, а он есть. Попробуй пригвозди это дыхание к бумаге. Думаешь, нельзя?

Мальчик покрутил головой, вздохнул: нельзя.

— Можно! Все, что существует в мире, поддается изображению, запомни это, Леня, все! В том-то и могущество и сила чудесного дара человеческого, к которому тебя, ма-

ку ее листва засеребрилась, засияла особенной, нежной голубизной.

— Эге! Ива-то седая.

— Увидел?

Мальчик схватил альбом. Чтоб не мешать, Константин Константинович отошел и задумался, сунув руки в карманы. Густая седоватая прядь свесилась на лоб. Резкие морщины пролегли от ноздрей к углам рта. Доброта, которую обычно художник остерегался показывать людям, и усталость, свойственная пятидесятилетнему человеку, властвовали над ним в ту минуту. Он выглядел старым.

А Леня просиял, повеселел. Он трудился

лыш, так неодолимо тянет. Пробуй, ищи, добивайся... и ты достигнешь.

Леня с надеждой глядел в острые глаза учителя, окруженные сетью длинных морщинок.

— Ты хотел поймать ветер? Ничего тут несбыточного нет. Скажи, присматривался ли ты когда-нибудь к тому, как ведут себя люди и предметы в ветреную погоду? К примеру, нарисуй мне сейчас струи дождя...

Леня быстро изобразил кисточкой на бумаге некое подобие восклицательных знаков.

— Хорошо. Но ведь здесь у тебя прямые струйки. Значит, это дождь в тихую погоду.

А при ветре-то дождевые струи совсем не такие, они...

— Косые! Косые!

Леня радостно забарабанил пятками и быстро провел на бумаге из верхнего угла справа целую сеть косых линий.

— Понял, не мешайте! — сделал он нетерпеливый жест рукой.

Художник снова отошел к своим картонам — вымерять, прикидывать, а мальчик, примостившись у окна, поспешно населял свой альбом всевозможными изображениями отменно дурной погоды.

Грозные тучи с мордами драконов и чудовищ мчались вперегонки. Черные молнии бороздили небо. По земле бежали маленькие человечки в плащах с капюшонами. У одного сорвало шляпу, и он за ней гнался, у другого вывернуло зонт наизнанку, спицами вперед, и он, спотыкаясь, неся за ним вдогонку. Шарфы немыслимой длины извивались над головами бегущих, полы их плащей криво загибались. Косые линии бороздили листы, и все в альбоме полно было необычайного движения предметов и существ.

На чердаке стояла особая, рабочая тишина.

Знакомая пичуга присела на раме окна, побегала взад-вперед с подскоком, обиженно пискнула и улетела. Ей сегодня не бросили крошек. Наконец Леня устал, потянулся, отложил работу.

— Вот ты и поймал ветер! — заметил художник и отправил в рот целый огурец.

☆☆☆

Подошла осень. Грибная, сырая. Неприятности, как дожди, — выпадают, когда их не ждешь.

Руководительница 3-го класса «Б» Алевтина Петровна прослышала о занятиях своего ученика живописью (и откуда только в школе все узнается?). Она ласково попросила Леню нарисовать «большую картину» для школьной выставки.

Леня был польщен. Он постарался. Трудился, пыхтел два дня, закончил и принес в класс. Как водится, ребята 3-го «Б» тотчас навалились сзади, сверху, с боков, совершенно зажав автора в тиски. Но Алевтина Петровна отстранила их и бережно взяла

большой лист кончиками пальцев. Она строго приказала не шуметь: картины смотреть полагается тихо!

Подпись под ландшафтом — не очень грамотная — гласила: «Вид с окна».

В широчайшее окно был показан весь родной город целиком: маленькие трехоконные домики Заречья, по самые окна вросшие в землю. И рядом вертикальные коробки новых зданий. Пунктиром окон Леня довел число этажей новых домов до тридцати — сорока. Это вызвало недоверчивый ропот зрителей: «Так не бывает!», «У нас таких не строят!», «Наш городок маленький!». Замысел художника отличался неограниченным размахом: стрелы башенных кранов протыкали облака. По земле разгуливали шагающие экскаваторы, а с неба пассажиры самолетов весело посылали им приветы.

Посередине окна возвышалось нечто овальное, керамически-рыжего оттенка.

— Мило, мило! — пропела Алевтина Петровна. — А вот и ваза для цветов. На подоконнике. Глиняная ваза с двумя ручками. Жаль, ты не воткнул в нее ромашки!

— Никакая не ваза, это моя голова, — упавшим голосом оборвал Леню, — никакие не ручки, это мои уши. Сказано: вид с окна. Значит, это я смотрю.

Класс дружно грохнул, сама Алевтина Петровна мелко затряслась, прикрыв губы платочком, на задних партах поднялся восторженный рев. Оглушенный, растерянный, злой, Леню выскочил в коридор и там же в клочья порвал злополучный «Вид с окна».

— Вот это уж зря, — заметил художник, когда Леня поведал ему о своей неудаче. — Я же не рву свои панно! Я их немного переделываю. Хочу, чтоб меня поняли все! Не беда, если зрители в первый раз смеются. Хуже, когда молчат. Или вежливо отворачиваются. Смеется-то кто? Здоровые, хорошие ребята. Значит, надежда есть. Не поняли сегодня, поймут завтра. А ты старайся делать свои вещи такими, чтобы они доходили до всех. Только не уступай в самом важном. Самое важное — это твоя мысль. Самое важное — это то, ради чего человек берется за кисть, за перо. Ты научился глядеть с высоты далеко вперед и увидел завтрашний день. А это в искусстве — главное!

Ночная птичка Парижа

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Рисунок В. Юдина.

В каждом городе есть свой рынок.

Но в Париже он особенный.

Поздней ночью мы пошли посмотреть, что это за рынок в Париже, в самом сердце города.

Мы шагали по узкой улице, стиснутой громадами высоких стен. Было пусто. И тихо. Потом откуда-то издали донесся стук тяжелых кованых ботинок по влажной брусчатке мостовой. И вот показалась сутулая фигура в просторном комбинезоне и мягкой шляпе.

К нам подошел старик.

Мы спросили его, как пройти на рынок.

— А вы кто такие?

— Приезжие.

— Издалека?

— Из Москвы.

— Ого! — Он улыбнулся и махнул нам рукой. — Идите за мной, не ошибетесь. Я грузчик с рынка.

И мы зашагали рядом.

— Меня там все знают, — говорил старик, — и я знаю всех. Рынок Парижа — чудо света. — Он гордо протянул вперед руку, туда, где горели сотни ярких ламп и скрещивались лучи прожекторов.

Там все было залито светом. Почти как днем. Мы приблизились и увидели...

Ох, сколько всего было вокруг!

Вот ящики с помидорами. Они пунцовые, пламенные. А вот с золотистыми лимонами и сизыми сливами. А вот с огурцами, длинными, как палки. Правда, будто это и не огурцы, а колбасы зеленого цвета. А вот круглые оранжевые шары. Это апельсины из южных рощ. А вот, как большущие кедровые шишки, лежат ананасы в твердой коричневой чешуе. Они прибыли из Африки. А в соседних корзинах — салат, картошка, морковь.

— Вы думаете, это апельсины, яблоки или ананасы? — хитро подмигивая, спросил нас старый грузчик.

— Да.

— Нет! — засмеялся он. — Это все франки, франки, франки! Деньги! Легко посмотреть, да трудно купить. Дорого, дорого!

Он нырнул головой в пустую плетеную корзину и достал со дна горсточку мятых, подгнивших сбоку слив. Отвернувшись, он сдул с них стебелек соломы и застенчиво сунул сливы в глубокий карман своего комбинезона.

— Пошли посмотрим лучше на мясо, — пригласил он нас дальше. — Когда смотришь на мясо, его не так хочется съесть. Ведь оно сырое! А?.. Не потеряйтесь! Не потеряйтесь! Следите за моей шляпой!

Мы с трудом пробирались за ним. Вокруг нас теснились горы ящиков выше нашего роста и толпы корзин. Легкий летний дождь, который прошел вечером, никому не помешал разложить товар...

Большой рынок Парижа работает только ночью. Огородники, скотоводы, садовники и рыбаки привозят овощи, мясо, фрукты, рыбу и складывают прямо на мостовые и тротуары в центре города. Все это у них покупают лавочники и к утру развозят в разные

концы по своим лавкам, куда приходят хозяйки.

Город спит, а здесь, на каменных прилавках парижских улиц, всю ночь идет торговля. Здесь скопилось все, что съест завтра Париж.

Улицы исчезли. Остались только лазейки среди деревянных ящиков и плетеных корзин.

Сотню лет назад сюда приезжали с товаром тяжелые возы. Звякали подковы. Всю ночь возчики покрикивали на сонных лошадей. Теперь приезжают грузовики.

Кто-то должен снимать с одних машин и ставить на другие ящики и корзины, кто-то должен носить в лабазы свиные туши, бараньи ноги, коровьи бока.

Это делают грузчики.

Вот один, согнувшись до земли, несет на спине сразу три ящика с помидорами.

— Здорово, старина! — кричит он нашему провожатому.

Тот смеется и спрашивает:

— Как ты меня узнал?

— По ботинкам. Они у тебя стучат, как молотки в кузнице.

— Я подбил их железом!

Старик смотрит вслед грузчику.

— Когда-то и я носил вот так же. Теперь мое дело — убирать пустые ящики, сор. К утру все должно быть чисто. Утром вы и не узнаете, что здесь торговали.

Другие грузчики сидят на краю мокрого тротуара и ждут, пока их окликнут. Некоторые лежат прямо на асфальте. Отдыхают или спят?

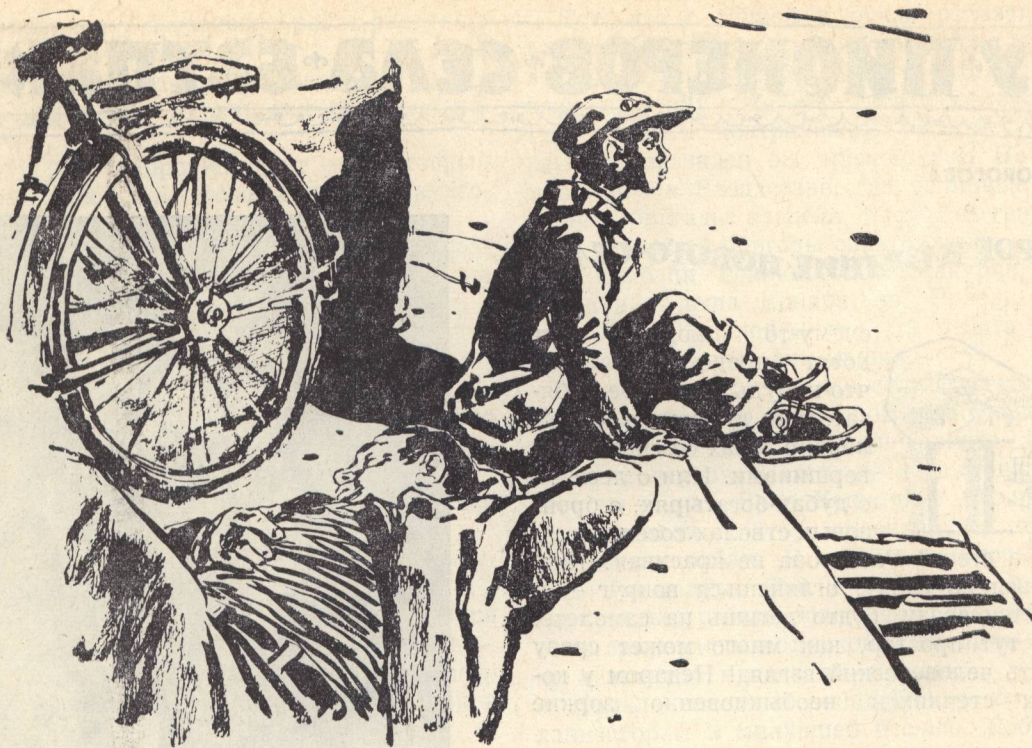
В одном месте у стены стоял велосипед. Около велосипеда растянулся грузчик. А рядом сидел мальчик. Положив руки на колени, он смотрел из-под большого козырька своей кепки напряженными глазами. Точно искал кого-то. Или к чему-то прислушивался.

За углом фыркнул грузовик. Мальчик сразу сорвался с места и побежал. За его спиной болталась парусиновая сумка на длинной перекрутившейся лямке. Он скрылся за домом, выглянул оттуда и крикнул:

— Папа! Мясо привезли!

И тотчас же вскочил человек, спавший на асфальте, там, где только что сидел мальчик, и понесся за угол, выкидывая далеко вперед ноги. За ним поднялись и побежали другие грузчики, лежавшие рядом.

А мальчик вернулся, насистывая, довольный, и сел на асфальт, на свое место у велосипеда. Наш старик сказал ему:

— Здравствуй, Жаноли!

— Здравствуй, — ответил Жаноли. — Мои успели на эту машину с мясом раньше всех.

— Они не пропадут с тобой, — сказал старик. — Держи.

И протянул Жаноли три сливы.

Одну Жаноли тут же отправил в рот, а две опустил в сумку.

— Я люблю сливы! — признался он.

Старик пощелкал пальцами в воздухе.

— Придется запастись еще. Ну, пока, Жаноли. Видишь, я занят. Я показываю наш рынок гостям. Они из Москвы.

Жаноли перестал сосать сливу, посмотрел на нас, улыбнулся.

— Добрый день, — сказал он.

— Доброй ночи, — невольно поправил я.

— Он еще не привык, — усмехнулся старик. — Он здесь недавно.

— Я помогаю отцу, — сказал Жаноли. —

Мой отец работает днем в гараже. Он очень устает, а я днем сплю. Мы приезжаем сюда на этом велосипеде.

— Жаноли будит своего отца и его товарищей, как только появляется машина с грузом, — объяснил старик. — Он уж не прозевает. Ведь тут много нашего брата. Не успеешь подбежать к машине первым, так и уйдешь домой без гроша. Но Жаноли не дремлет!

«Не дремлет!» — подумал я.

А была глубокая ночь, хотя сияли огни. Я сказал об этом старику.

— Мы все ночные птицы, — грустно отозвался он.

— А Жаноли?

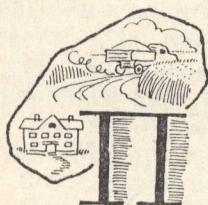
— А Жаноли — наша маленькая ночная птичка.

У ПИОНЕРОВ СЕЛА БАТПАК

Г. ТВОРОГОВА

СТАРОЕ НАЗВАНИЕ НОВОГО СЕЛА

очему-то люди, если хотят представить себе что-нибудь красивое, обязательно думают о синем море, о горах со снеговыми вершинами. Или о лесе — о дубах-богатырях, о бронзовых стволах сосен.

Ну, а степь? Разве она не красивая? Поднимешься на сопку, оглянешься вокруг — и покажется сразу, будто летишь на самолете. Какой тут простор, как много может сразу охватить человеческий взгляд! Недаром у коренных степняков необыкновенно зоркие глаза.

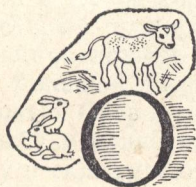
Но особенно хороша степь летом, когда волнуется до самого горизонта зеленое море пшеницы. Едешь по прямой, как стрела, дороге, а по обе стороны машины все хлеба, хлеба, хлеба...

Одна из таких дорог ведет в село Батпак. Плохо, наверное, когда-то жилось здесь людям, если они так недобро называли свое село: «батпак» по-казахски означает «грязь»!

Но о тяжелом прошлом ребята думают, пожалуй, лишь один раз в году — когда на октябрьские праздники приглашают в школу стариков, чтобы те рассказали, как жилось людям до революции.

Сами пионеры выросли в сегодняшнем Батпаке. Здесь улицы застроены белыми красивыми домами, а в центре села — школа. Большая, светлая.

КАК КРОЛИК ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ТЕЛЕНКА...

дин маленький серьезный человек как-то спросил:

— А если кролика кормить, кормить... Может он тогда вырасти с телянка?

За ответом на этот вопрос стоит обратиться к пионерам села Батпак.

Коля Стрельников со своим питомцем.

Кролики у них отменные. Есть белые, как снег. Есть черные, без единого пятнышка. Но особенно хороши дымчатые, с длинной мягкой шерстью.

Живут кролики в небольшом доме, рядом со школой. Здесь хозяйничают пятиклассники. Тося Хижнякова — завхоз. Это не так просто. Надо запастись разными корма, следить за их расходом. В этом деле Тосе помогает Маша Юнг. Ребята зовут ее счетоводом, потому что Маша ведаёт всеми покупками и ходит в сельпо договариваться о сдаче кроликов. В пионерской двухлетке ребята обещали вырастить и сдать в сельскую столовую триста кроликов.

Кроличья ферма все время растёт. Гена Куприянов с товарищами еле успевает сколачивать новые клетки. Порядки на ферме строгие. Как в классе. Есть расписание, когда и чем кормить. Есть график дежурства. Вот

почему кролики у батпакских ребят растут не по дням, а по часам.

— И превращаются в телят?

— Обязательно. И вот как это происходит.

Есть у ребят хороший друг — колхозный зоотехник Зина Даулетова. Она в шутку говорит:

— Кому кролики дадут хорошую характеристику, тот может приходить ко мне на ферму.

Сейчас на молочной ферме работают восьмиклассники. Зина — вожатая у них в отряде.

Зимой ребятам хватало хлопот. Особенно трудно было ходить за новорожденными: слабые, все время дрожат.

— Ой, простудится! — волновалась Валя Поветкина.

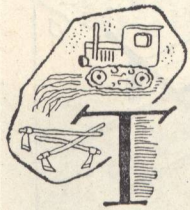
Прямо хоть снимай с себя платок и укутывай беспомощного телятёнка.

Валя и ее друзья — Катя Франк, Саша Усачев, Коля Стрельников, Надя Романова — по два раза на день бегали к своим подшефным. Поили телят молоком, то и дело меняли соломенную подстилку.

Сейчас, летом, куда легче. Подростшие телята под присмотром мальчиков мирно пасутся на выгоне. Но шефов своих не забывают. Тот, у которого белая звездочка на лбу, так и льнет к Коле Стрельникову.

— Как собака! — смеются ребята.

...А ИЗ ТЯПКИ ВЫРАСТАЕТ ТРАКТОР

япку можно увидеть на небольшом пришкольном участке. Здесь младшие пионеры выращивают отличную кукурузу. Уже в начале лета в ней еле видны ребячьи макушки.

Кукуруза на пришкольном участке дает высокий урожай — гораздо выше, чем в колхозе. Да это и немудрено: сколько рук трудится здесь с тяпками!

А вот попробуй получить урожай выше колхозного на большом участке!

Тот, кто с тяпкой в руках показал свое трудолюбие, переходит в школьную производственную бригаду. Здесь ребята выращивают пшеницу уже на десятках гектаров. Где-нибудь в центральных областях такой размах показался бы чрезмерным. Но иные масштабы в Казахстане, где целинные тракторные бригады владеют тысячами гектаров.

У школьной бригады своя техника — трактор, комбайн, сеялки. Коля Макурин, Ваня Кошкин, Алеша Кондратьев, Володя Луконин, Леня Педанов — все эти ребята умеют водить любую из этих машин.

Был зимой случай. Из села Русская Ивановка надо было трактором пробуксировать две машины для школы-интерната. Погода стояла скверная. Метель — в двух шагах ничего не видно. Ваня Кошкин и Алеша Кондратьев вели трактор, ориентируясь по телеграфным столбам. И вдруг кончилось горючее. Что делать? Так и замерзнуть недолго. На счастье, ребята вспомнили, что машины тоже заправлены соляркой. Перелили солярку в трактор и поехали дальше.

Немало смекалки понадобилось юным механизаторам и минувшей осенью. Ребята не успели скосить свою пшеницу, как начались дожди. Пшеница полегла. Срочно пришлось переоборудовать комбайн для уборки полевого хлеба. На помощь бригаде вышла вся школа. Ребята шли перед комбайном и вилами поднимали поникшие стебли. Весь хлеб убрали. И, несмотря на очень неблагоприятный год, сдали по пятнадцать центнеров с гектара.

— В этом году учли все ошибки, — говорит Коля Макурин. — Главное, посеяли раньше, и убирать будет легче.

Весенний сев был праздником для всей школы. Ребята работали на тракторе и на сеялках посменно. Управились быстро. И теперь на всей площади пшеница стоит ровная, густая.

— Интересно, какой урожай будет?

— Лето не за горами, — отшучивались ребята. — Скоро будет видно.

И осень не так уж далеко. Побуреет степь, подуют злые ветры. Начнет моросить мелкий, холодный дождь. Ребята в классах будут вспоминать о минувшем лете. Оно у них и трудное и веселое, совсем не похожее на ленивое дачное лето иных ребят.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕТО!

О СВОИХ ЛЕТНИХ ДЕЛАХ РАССКАЗЫВАЮТ ТУРИСТЫ 308-й МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ

За последний год в 308-й московской школе проведено 90 походов. В них приняло участие 1 300 пионеров и комсомольцев. 200 пионеров получили значок «Юный турист». В дружине 42 пионера-инструктора по туризму. Руководит всей этой работой туристский штаб во главе со старшим вожатым школы Володицей Забловским.

У нас большая радость! Наша школа заняла первое место в Москве по туристской работе. Трех наших лучших пионеров-туристов — Витю Анцилевича, Наташу Соколову и Люду Максимову — бюро Центрального совета пионерской организации наградило путевками в «Артек». Витя Анцилевич у нас — председатель Совета председателей, пионер-инструктор по туризму и по фототуризму. Наташа Соколова и Люда Максимова — тоже опытные туристки. В этом году отряд Наташи признан лучшим по туристской работе в нашей школе.

Наташа Лазарева,
заместитель председателя
Совета председателей

ПИОНЕРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

№ 4 (16)

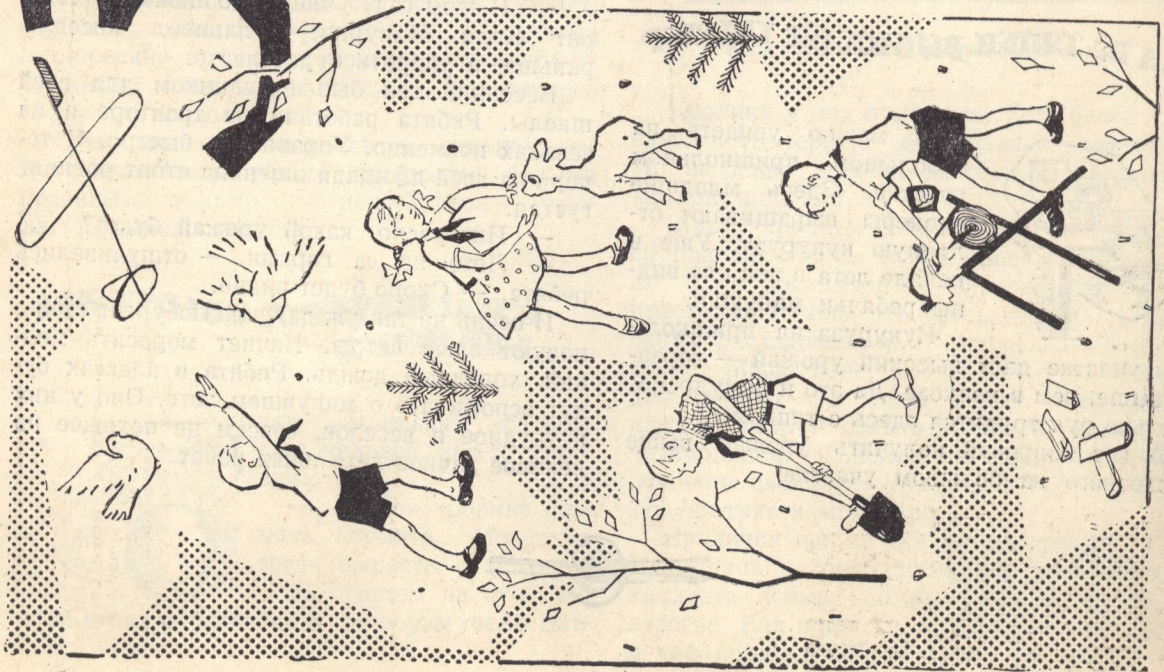
МАЙ

1961 г.

ЦАПИШ капиталы

— Мы тоже с удовольствием пошли бы в поход по Карпатам или по Кавказу, да где возьмешь столько денег! — часто говорят нам ребята других школ. А мы деньги на походы зарабатываем сами. Вот уже три года ремонтируем школу только своими силами. На соседнем заводе берем подраяды по уборке двора. Узнали мы, что в лесных хозяйствах Подмосковья нужны рабочие руки, — с радостью взялись за работу. Каждый пионер у нас должен в неделю сдать 10 килограммов макулатуры. Вот так и складываются «наши капиталы».

Саша Разгоров

Наши туристы штурмуют один из знаменитых «Красноярских столбов».

НАШ ПЕРВЫЙ ПОХОД

Этой весной, когда наш отряд ходил в свой первый поход, был у нас такой случай. Вечером все сильно проголодалось, но терпеливо ждали ужина. Все наши до-машние бутерброды, широ-кие, конфеты в походе ко-нечно, стали общими. Вдруг достал апельсин и ест. Мы

возмущались. А наш ин-структор Паша — он девятиклассник, опытный ту-рист, — сказал, что Колю мы ругаем правильно, но что и у нас у всех есть не-достатки. И пристыдил за то, что в пути никто из нас не помог девочке, которая все время отставала; у нее были плохие крепления на лыжах.

В этом походе мы сдружились и поняли: надо быть хорошими товарищами.

Залогина Вера, 5-й «Б» класс.

ПО СТРОЙКАМ СИБИРИ

Прошлым летом мы побывали в Восточной Сибири, своими глазами увидели стройки семилетки: Краснояр-скую ГЭС, Иркутскую ГЭС, Красноярский вискозно-цел-люлозный комбинат, побывали в селе Шушенском — месте ссылки В. И. Ленина.

Были мы и на строительстве железной дороги Абакан — Тайшет. Строители этой дороги — в основном комсомоль-цы, бригады коммунистического труда. Мы собрали мно-го интересных материалов об их работе.

Очень взволновал нас рассказ о подвиге и о геро-ической гибели первых изыскателей этой трассы — Кошу-рикова, Журалева, Стофода. Пионерская дружина нашей за право носить славное имя инженера А. М. Кошурни-кова.

Лена Немченко

ПО КАРПАТАМ

Мы прошли по Карпатам пешком около 200 километ-ров, поднимались на одну из высочайших вершин Кар-пат — Говерлу (2 100 м). На реке Тербеле мы видели сплав леса и не могли надивиться ловкости и провор-ству сплавщиков. Но не только от них зависят успе-шный прогон леса. От плотов часто отделяются бревна, застревают возле мостов, на поворотах. Люди, стоящие на берегу, должны за несколько минут устранить затор, иначе случится авария.

Мы видели такой затор. Разогнать бревна шестами не удалось. Медлить нельзя было ни минуты. Тогда один рабочий прыгнул с моста на бревно и ударом своего те-ла сдвинул его с места. А потом так же ловко выбрался на берег.

В Ясинском леспромхозе мы целую неделю работали на лесоразработках. Нам поручили обдирать кору с по-валенных деревьев.

На своем пути по Карпатам мы встретили много хо-роших людей.

Володя Володин

ДРУЗЬЯ ИЗ 15 РЕСПУБЛИК

Этим летом мы мечтаем отправиться в большие экспедиции по стране, по всем 15 республикам нашего Союза.

Готовимся к этому мы почти весь год. Каждый отряд изучает жизнь и культу-ру какой-то одной республики. Пионеры из 4-го «А» класса завели переписку и подружались с киргизскими ребятами. Отряд 7-го класса подружился с пионе-рами из города Вильнюса.

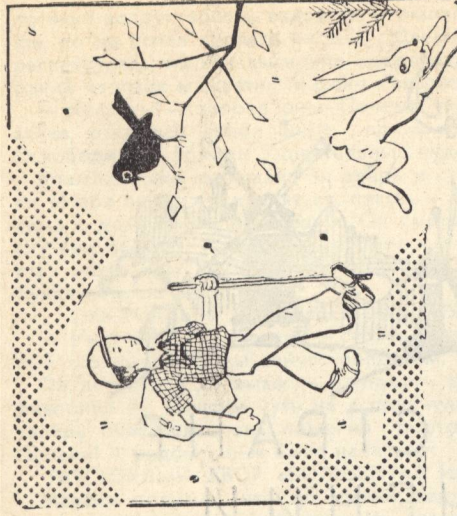
Сейчас все отряды готовятся к сбору «Дружба народов». Этот сбор и особенно летние экспедиции по республикам помо-гут нам лучше узнать родную страну.

СОВЕТЫ ХОЗЯЙСТВЕННИКА

У нас так заведено: собрался какой-то от-ряд в поход, приходит в хозсентор за сна-ряжением. Рюкзаки, палатки, котелки, вед-ра — все у нас общее. Если что-то слома-лось, порвалось в походе, обязательно почи-ни, прежде чем вернешь назад.

Мы провели конкурс: кто придумает удоб-ную вещь для похода. Некоторые предложения уже осуществлены. Вот, напри-мер, мы сделали ведра овальной формы и так, что они входят одно в другое. Их удоб-но нести за спиной.

В. Тимофеев

Песня туристов

товарищ, забудь про болезни,
В микстурах не ищут здоровья,
Поверьте, ребята, гораздо полезней
Походом идти в Подмоскovie.

Замолкнет шегол, кукушка замрет,
И слушает лес тенистый,
Как звонко поет задорный народ,
Красивый народ — туристы.

К высотам сумели пробраться,
Добедемся намеченной цели.
Турист настоящий шагает не боится
Под песню и посьвист метели.

Пусть ветер в лицо, пусть вьюга метет,
Пусть злой ураган неистов,
С пути не свернет отважный народ,
Бесстрашный народ — туристы.

Мы в дальних, загадочных странах
Ни разу еще не бывали,
О джунглях читали мы только в романах,
Но струсим и там мы едва ли.

Сам лев убежит, уйдет бегемот,
Питон уползет патнистый,
Когда в турпоход по джунглям пойдет
Бесстрашный народ — туристы.

Борис Вахнюк

Редколлегия: Люся Бол-
тина, Аня Дулицкая, Тая Копы-
лова (редактор), Гая Кутенко-
ва, Юра Осипов, Алеша Ше-
стопал.

МАКСИМ В СТРАНЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

(Продолжение)

Юрий САМСОНОВ

Рисунки В. Алфеевского.

Глава девятая

ПОСТОЯЛЫЙ

ДВОР

ВЕЛИКИЙ ПУЗЫРЬ

Лес перешел в редкий кустарник. Беглецы мчались во весь дух, их тени неслышно летели рядом с ними, прыгая с кочки на кочку, с куста на куст. Потом тень карлика стала прихрамывать и понемногу отставать. Немного погодя отстала тень Еловой Шишки. Максим оглянулся и увидел их далеко позади.

— С вами далеко не уйдешь, — сказал он, когда попутчики поравнялись с ним. — А за нами, наверное, гонится половина Страны Колдунов.

— Я отвыкла бегать, пока была еловой шишкой, — сказала Еловая Шишка.

А карлик захныкал:

— Тебе хорошо, ты вон какой длинный! А я маленький...

— Ладно, — сказал Максим. — Ты, карлик, стань совсем маленьким, я посажу тебя в карман, а ты, Еловая Шишка, снова стань шишкой!

Максим стукнул оземь палкой бабки Тимофеихи. И тут же карлик стал совсем крохотным, а Еловая Шишка упала в траву. Максим поднял ее и положил в карман.

— Куда идти? — спросил он карлика.

— Видишь там, впереди, пограничный холм? — сказал тот. — Иди прямо к нему, нигде не останавливайся и не говори ни слова, пока не спустишься с этого холма на Северную Равнину.

Последние слова он проговорил уже из кармана, куда Максим засунул его вместе с Еловой Шишкой.

Пограничный холм был недалеко. Через какие-нибудь полчаса Максим уже добрался до его подножия. К вершине карабкалась извилистая дорога, посыпанная светлым песочком. Наверху белела под лунной черепичная кровля придорожного домика. Окна домика светились, из трубы шел дым, хотя час был поздний. Приблизившись, Максим почувствовал запах свежего хлеба и сразу вспомнил, что с утра ничего не ел. Он чуточку замедлил шаг, вошел в длинную тень тополя, который рос у дверей дома, и заглянул в открытое окно.

Он увидел большую комнату, освещенную красноватым огнем пылающей печи. Над печью висели копченые окорока и колбасы. Угрюмая хозяйка хлопотала над огромной сковородой, на которой пузырилось и шипело сало, а большие куски мяса покрывались хрупкой розовой корочкой. Максим еще раз

потянул воздух носом, вздохнул и решил идти дальше, но не успел сделать ни шагу. Дверь с грохотом распахнулась, из нее выскочил здоровенный длиннорукий человек и схватил Максима за плечи.

— Куда ты? — заорал он. — Почему уходишь? Хозяйка, открывай двери шире, принимай Великого Освободителя Города Удивительных чудес!

Хозяйка тоже выбежала за дверь и стала кланяться. И оба они стали кланяться, пятась и зазывая Максима в дом. Но он не спешил. Он смотрел на вывеску над дверью. А на вывеске была нарисована толстая рожа Топуса и рядом с рожей было золотыми буквами написано:

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР «ВЕЛИКИЙ ПУЗЫРЬ»

— Не гляди на вывеску, — сказал слегка смущенный хозяин. — Это мы сейчас поправим.

Он дотянулся до вывески длинными руками и перевернул ее. Максим чуть не вскрикнул: на вывеске теперь оказался очень похожий портрет Еловой Шишки! А рядом с ним было написано:

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР «ВОЛШЕБНАЯ ИСКОРКА»

Максим подумал, что тут нужно держать ухо востро и что лучше не заходить. Но хозяин и хозяйка так ласково улыбались, так долго кланялись, что просто неудобно было не зайти. К тому же из двери доносился такой вкусный запах! И Максим вошел в дверь.

глава десятая

ХОЗЯИН И ХОЗЯЙКА

Хозяйка поставила сковороду на стол. Максим принялся за еду. Он трудился так, что челюсти трещали. А хозяин тем временем вовсе ругал Топуса. Он рассказывал, как мучал его Пузырь, рабом которого он раньше был. Он даже снял куртку и рубашку, чтобы показать Максиму свои рубцы и шрамы. И затем рассказал историю о том, как они с женой копили деньги, чтобы выкупиться на волю и приобрести постоялый двор. Максиму стало очень жаль этих людей. Но он еще не совсем им поверил.

— А почему у вас такая вывеска? — спросил он с набитым ртом.

Хозяин вздохнул.

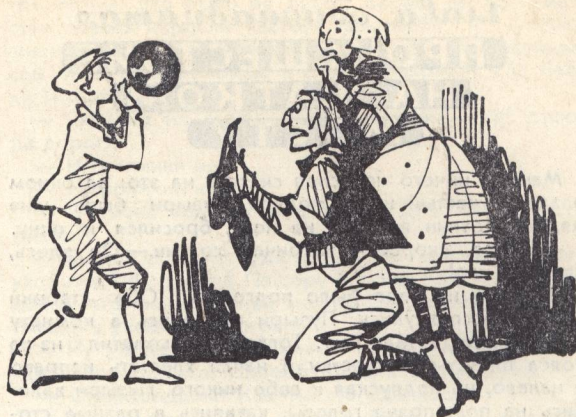
— Что поделаешь, — сказал он, — мы люди маленькие, нам больше всех и достается. Приедут гости из Страны Пузырей, достается от них. Приедут из Города — опять достается.

Он потянул было со спины рубашку, чтобы опять показать свои шрамы, но вспомнил, что уже делал это. Хозяйка в это время снова выглянула в окно. Она то и дело выглядывала в окно, будто ждала в гости еще кого-нибудь, но Максим вовремя не обратил на это внимания. Он отправил в рот еще один кусок и спросил:

— Откуда вы узнали, что я приду?

— Это все знают, — сказал хозяин. — Недавно пролетали Летучие Пузыри, они разлетелись по всей стране и кричат, что тебя надо немедленно задерживать и доставить к Топусу. Твои приметы: голова стриженная, нос в веснушках, в руке палка. С тобой должны быть девочка по имени Еловая Шишка и карлик по имени Бульбуль. Но я почему-то их не вижу.

— Они... — начал было Максим, желая похвастаться тем, как он научился творить чудеса. Но увидел, что хозяин и хозяйка разом насторожили уши, и закончил:

— Они остались там, около реки.

— За вас троих назначена награда, — сказала хозяйка.

— Большая награда, — сказал хозяин. — Поэтому будь осторожен. Тебе лучше спрятаться.

— Спрятаться у нас, — сказала хозяйка.

— Правильно, — сказал хозяин. — У нас в доме. Здесь очень уютный погреб. Мы тебя не выдадим.

— Нет, — сказал Максим. — Мне надо спешить в Город Удивительных чудес. Спасибо. Я пойду.

Хозяйка снова выглянула в окно. Максим поднялся из-за стола, шагнул к двери. Но хозяин тоже встал и загородил дорогу.

— За ужин надо заплатить, — сказал он.

Максим растерялся. Его так ласково зазывали в этот дом, и он не подумал, что с него могут потребовать платы.

— У меня нет денег, — сказал он.

— Ты можешь отдать мне эту палку, — сказал хозяин.

— Палку не отдам, — ответил Максим.

— А что у тебя еще есть?

Максим сунул руки в карманы. Рогатка? Самому нужна. Какие-то винты и гайки, ржавый гвоздь, пузырек с резиновым клеем — этого никому не надо. Перочинный нож — жалко. Очень хороший нож! Вот разве футбольную камеру отдать? Почти новая камера! Но делать нечего. Максим вытащил камеру из кармана.

— Вот, — угрюмо сказал он. — Возьмите.

— А что это за штука? Что с ней делать?

— А вот что!

Максим начал надувать камеру. Он не сразу заметил, что у хозяина от испуга отвисла и задрожала нижняя челюсть. И чем круглее становился мяч, тем дальше отступал от Максима хозяин. Наконец он отступил в самый угол и взмолился:

— Не надо! Убери обратно этого маленького черного Толстяка! Это детеныш непобедимого страшного племени Летучих Пузырей. Пузыри отомстят мне, если узнают, что он попал в мой дом. Их даже Топус немного боится. Ты великий колдун, если сумел отобрать детеныша у Летучих Пузырей и они не смогли тебе отомстить. Прости нас!

Хозяин упал на колени.

— Прости! — сказала хозяйка и тоже упала на колени.

— За что? — спросил удивленный Максим.

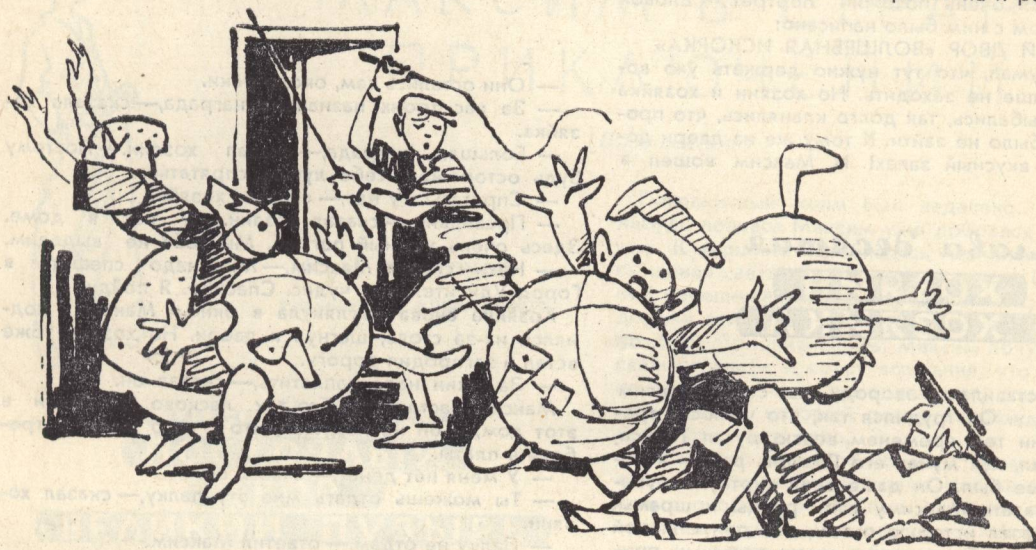
— За то, что мы хотели посадить тебя в погреб и выдать слугам Топуса, — ответил хозяин.

глава одиннадцатая ПРОИСШЕСТВИЕ НА ШАТКОМ МОСТУ

Максим ничего не успел сказать на это: за окном раздался частый цокот подков. Пузыри были уже рядом. Хозяин вскочил на ноги, бросился к окну.

— Сюда, скорее! — закричал хозяин. — Он здесь, хватайте его!

Пузырей не надо было подгонять. Обе створки дверей распахнулись. Пузыри ворвались в комнату и бросились к Максиму. Тогда он выхватил из-за пояса плетку-самохлестку и начал хлестать направо и налево, не подпуская к себе никого. Пузыри валились на пол, пряча головы, катились в разные сто-

роны. Хозяин с хозяйкой дрожали от ужаса при виде такой расправы. Выход был свободен. Максим не спеша подошел к двери, приказал плетке:

— Свищи-хлещи, никого не выпускай!

Заткнул рукоять самохлестки в дверную ручку и закрыл за собой дверь. Визг толстяков за дверью не стихал: плетка продолжала работать. А выскочить в окна Пузыри не могли, потому что были для этого слишком толстыми.

Максим, гордый победой, вприпрыжку помчался вниз по склону холма. Навстречу ему поднималась с равнины прохладная полоса густого белого тумана. Скоро Максим вошел в туман по пояс, потом скрылся в нем с головой. Он шел, ничего перед собой не видя и нащупывая дорогу босыми ступнями. Ноги у него быстро озябли, руки тоже, но их хоть можно было согреть в карманах. К счастью, спуск скоро кончился. И тут же впереди послышался плеск воды. Максим вышел к берегу быстрой бурливой реки и остановился. Про реку карлик ничего не говорил. Надо переплывать ее или не надо?

— Бульбуль! — позвал Максим.

Карлик не откликнулся. Он вообще что-то слишком давно молчит. Не выронил ли его Максим где-нибудь по дороге?

Он сунул руку в карман. Карлик был там, неподвижный и тихий. Максим встревожился. Осторожно вынул карлика из кармана на ладони. Прислушался:

есть ли дыхание? И услышал тихий, но отчетливый храп. Бульбуль спал!

«Ладно, — подумал Максим, — пускай спит. Сам как-нибудь найду дорогу. Только — брр! — в воду лезть не хочется!»

Он решил пройти немного вдоль берега: вдруг найдется какая-нибудь лодка или плот. И Максим тихонько побрел вниз по течению. Под его ногами поскрипывала влажная береговая галька.

Вдруг ему почудилось, будто позади точно так же поскрипывает галька, словно кто-то крадется следом. Максим остановился, поглядел назад, но в тумане нельзя было бы разглядеть и кончик собственного носа. Скрипа не было слышно тоже.

«Это же эхо!» — подумал он наконец и зашагал дальше. А шум воды становился все громче и громче, скоро нельзя было расслышать даже звука своих собственных шагов: так грохотала и ревела вода. Ту-

ман чуть просветлел, и Максим увидел водопад. Река, рыча, проваливалась в пропасть. А над водопадом качался мостик — тоненькое деревцо с обрубленными ветками. Раскинув руки, Максим ступил на него.

— Берегись! — пронзительно завизжал карлик, который как раз проснулся и высунул из кармана голову. Он так визжал, что Максим расслышал его голос даже сквозь рев водопада. Но остановиться уже не мог. На этом мостике никак нельзя было повернуть назад. Можно было идти только вперед, и чем быстрее, тем лучше.

Максим был уже над серединой потока, когда деревцо у него под ногами сильно вздрогнуло раз, другой, потом подломилось и вместе с Максимом, карликом и Еловой Шишкой рухнуло вниз, в воду...

глава двенадцатая НОЧЬ В ГИБЛОМ ОВРАТЕ

Вода подхватила Максима, накрыла его с головой и швырнула в черный провал. Потом его ударило чем-то в бок так сильно, что он чуть не потерял сознание и нахлебался воды. Он яростно забил руками. Как пробка выскочил на поверхность и очутился по-

среди ревающего в темноте водоворота. Крутая волна снова накрыла его с головой, но тут кто-то схватил Максима за шиворот и потащил. Максим опять забил руками, пытаясь вырваться, но держали его крепко.

Голос карлика прокричал:

— Не вырывайся, дурак! Уже берег!

И Максим почувствовал под ногой упругое песчаное дно. Карлик, который опять стал большим, отпустил Максима воротник, первым вылез на сушу, фыркнул и встряхнулся, как собака, даже брызги полетели.

— Надо было разбудить меня и спросить дорогу, — сказал он сердито. — Дорога в Город Удивительных чудес идет по берегу, только не вниз по течению, а вверх. Знаешь, куда мы из-за тебя попали? В Гиблый овраг! Отсюда нет выхода.

Максим молчал. Что ему еще оставалось делать? А карлик продолжал ворчать:

— Хорошо еще, что я вовремя проснулся и увидел, как хозяин крадется за тобой с топором. Ведь это он подрубил мостик! И если бы не я, унесло бы тебя сейчас в Подземную Пещеру. Скажи мне спасибо, что жив остался. Палка целая?

— Спасибо, — сказал Максим и принялся выжимать одежду. — Палка целая.

Палка эта сильно мешала ему в воде, но все-таки он ее не выпустил, даже когда чуть не потерял сознание. Он был очень горд этим, но не мешал карлику ворчать. Пусть себе ворчит. Максим не видел еще таких оврагов, из которых нельзя было бы выбраться. И здесь тоже найдется выход.

Максим нашарил в темноте кучу сухой листвы, зарылся в нее по шею, стараясь согреться, и уснул под воркотню карлика Бульбуля. Небо между тем все заметнее светлело, туман таял. Близились утро.

глава тринадцатая

УТРО В ГИБЛОМ ОВРАГЕ

Максим проснулся оттого, что кто-то щекотал ему лицо и шепотом бубнил возле уха:

— Тише! Тише! Лежи, не шевелись!

Максим открыл глаза. Перед самым его лицом сидел крохотный, ростом в мизинец карлик Бульбуль и шипел:

— Тише! Тише! Лежи, не шевелись! Там по краю оврага ходит хозяин постоянного двора. Ходит и смотрит. Я нарочно закрыл тебе лицо листьями, чтобы он тебя не увидел. Не шевелись!

Максим опять закрыл глаза и чуть было не задремал снова. Но тут карлик сказал обыкновенным голосом:

— Ушел. Можешь встать.

Максим стряхнул с себя сухие листья, огляделся. Вокруг поднимались стены оврага. Овраг был глубок, настоящая пропасть. Глинистые стены были так круты, что вскарабкаться по ним без веревки было невозможно. Беспрерывно ревел водопад, в воздухе висела туча брызг, из которой вырывалась маленькая, но свирепая быстрая речка. Наверное, это она когда-то выкопала этот овраг и текла во всю его ширину. Может, и теперь она в половодье разливается и подмывает глинистую стену. Но сейчас речке хватало глубокой узкой канавы, которая извивалась по дну оврага и пропадала с глаз за поворо-

том стены. Это было ее русло. Берега ее до самых стен оврага заросли частым тальником и кустами шиповника. Овраг напомнил Максиму запущенный сад. И не какой-нибудь, а очень знакомый, сад бабки Тимофеихи.

— Сколько ни гляди, — сказал карлик, — нет отсюда дороги.

— И тропинки нет?

— И тропинки нет.

— Но река ведь куда-то течет? Для нее-то есть выход?

— Выход есть, но туда лучше не соваться: река уходит в Подземную Пещеру и течет под землей так долго, что плыть по ней можно всю жизнь — так написано в учебнике географии.

— Ну уж если в учебнике, — сказал Максим, — тогда делать нечего. Попробуем влезть по стене.

— Сумасшедший! Как ты это сделаешь?

— Очень просто! Ты когда-нибудь читал про альпинистов? Нет? Так вот: приготовим колышки, начнем забивать их в стену, как гвозди, чтобы получилась лестница, и по ней...

— Ага! — сказал карлик. — И стук услышит хозяин постоянного двора и донесет. Топусу или Тайному слухачу, а тот отправит сюда Летучих Пузырей, и тогда нам конец. Понял?

— Понял, — сказал Максим. — Что же делать?

— Делать нечего, — угрюмо ответил карлик. — Мы пропали. Расколдуй-ка Еловую Шишку. Пусть она тоже хоть немного поглядит на солнце. Может, в последний раз.

Максим положил Еловую Шишку на лист лопуха, покрытый росой. Он сказал:

— Ты, Шишка Еловая, не простая, заколдованная, ну-ка встань с листа, человеком стань!

Раздался тихий шорох. С листа поднялась белокурая девочка в зеленом платье. В ее волосах блестели капли росы.

— Доброе утро, — сказала она.

глава четырнадцатая

ИСТОРИЯ КАРЛИКА БУЛЬБУЛЯ

— Где мы? — спросила Еловая Шишка.

И карлик объяснил ей все.

Максим думал, что она заплачет и запросится к маме. Он несколько не удивился бы этому, потому что, честно говоря, сам был не прочь оказаться где-нибудь подальше отсюда. Например, в собственном огороде. Чтобы все было обыкновенно и просто, чтобы не было никакой Страны Приключений, Гиблого оврага и Города Удивительных чудес. Какое ему дело до Топуса и до Волшебной Искорки? Сами заваривали кашу — сами расхлебывайте. Так подумал он и отвернулся от карлика и от Еловой Шишки. Стал

смотреть на тучу брызг над водопадом: в лучах солнца там возникла маленькая крутая радуга.

Тем временем у него за спиной шел такой разговор.

— Может, кто-нибудь из нас троих все-таки уцелеет,— сказал карлик Бульбуль.— Поэтому скажи нам на всякий случай, где найти Волшебную Искорку.

— Это великая тайна,— сказала Еловая Шишка.— Дядя Кноп, который был поэтом, попросил меня спрятать Искорку и никому не говорить о ней. Только если Городу Удивительных чудес грозит беда, я могу открыть тайну Волшебной Искорки совету вождей и никому больше. Так сказал дядя Кноп. Но...

— Что но?— нетерпеливо спросил карлик, заметив, что Еловая Шишка колеблется.

— Я могу открыть вам кусочек тайны,— сказала Еловая Шишка.— Тот из нас троих, кто уцелеет, пусть запомнит: Искорка была в руках моего папы Кнопа-старшего, только он сам об этом не знал... Вот и все.

Карлик замолчал. А потом Максим услышал у себя за спиной тихий плач. Карлик плакал, закрыв лицо ладонями. Слезы так и лились сквозь его тоненькие пальцы.

— Чего ревешь?— возмущенно спросил Максим.

Карлик всхлипнул.

— Искорка у Кнопа,— проговорил он сквозь слезы,— значит, я навсегда останусь маленьким... Я всегда буду заколдованным карликом Бульбулем!

И он, причитая и всхлипывая, рассказал такую историю.

Долго после исчезновения Еловой Шишки в город не приходило о ней никаких известий. Разговоры постепенно замолкли, потому что помочь девочке было никак нельзя. И, может быть, скоро ее совсем позабыли бы, если бы не дядя Кноп-старший. Дядя Кноп никак не мог успокоиться. Он забросил обязанности Главного Изобретателя и пропадал целыми днями в Мастерской Чудесных Вещей. А когда он выходил оттуда, все видели, что одежда его прожжена кислотами, на руках стеклянная пыль, борода подпалена то справа, то слева, а брови как сгорели однажды, так потом и не выросли вовсе.

Однажды карлик Бульбуль, который тогда был не карликом Бульбулем, а солидным тринадцатилетним человеком, таким, как все порядочные люди, так вот карлик Бульбуль встретил дядю Кнопа на улице и прямо спросил:

— Дядя Кноп, а что ты делаешь в Мастерской Чудесных Вещей?

Это, конечно, был невежливый вопрос. В Городе Удивительных чудес не задают друг другу таких вопросов. Каждый имеет право заниматься чем хочет. Но карлик Бульбуль приходился дяде Кнопу близ-

ким родственником, то есть троюродным внуком. Потом он в детстве часто играл с Еловой Шишкой...

— Я тебя не помню,— перебила тут Еловая Шишка.

— Ты меня просто не узнаешь,— ответил карлик с грустью.— С тех пор я очень изменился.

И он продолжал рассказ.

Словом, дядя Кноп очень хорошо относился к карлику Бульбулю. Поэтому дядя Кноп ответил:

— Я делал серьезную вещь, мальчик. А получил-ся у меня вот этот пустячок— очки. Правда, если наденешь их, то сразу увидишь, с каким человеком имеешь дело— хорошим или плохим. И, кроме того, сможешь увидеть все, что хочешь, даже сквозь стены, сквозь облака, сквозь землю, но только на расстоянии в тысячу шагов.

— Как здорово!— воскликнул Бульбуль.

— Нет,— ответил дядя Кноп.— Тысяча шагов— это очень мало. Этого мало, чтобы найти мою дочь. Если хочешь, могу подарить тебе эту игрушку. Только будь хорошим и пользуйся ею очень осторожно. Не то она принесет тебе вред. Потому что ты человек любопытный.

И еще сказал дядя Кноп такие непонятные загадочные слова.

— Я не очень верю в чудеса,— сказал он,— но есть у меня удивительная помощница. Я иногда даже думаю, что...

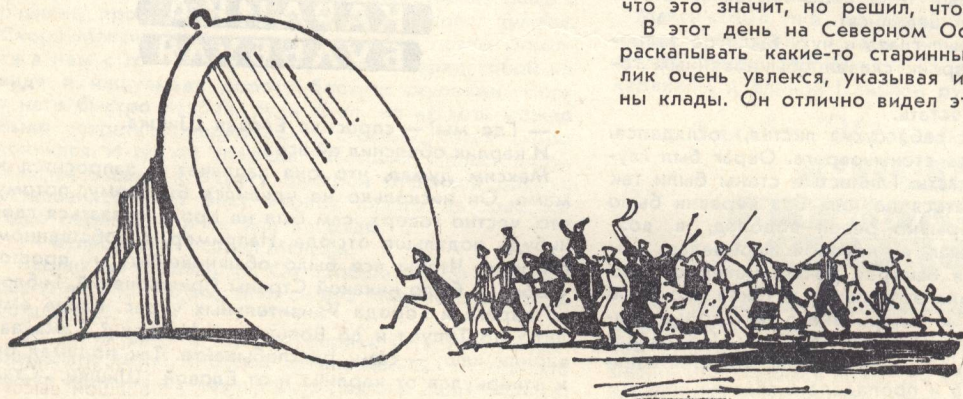
Больше дядя Кноп ничего не сказал. На этом они и расстались. Карлик послушался дядю Кнопа. Он не пользовался очками для пустячных дел. Он надевал их только в случае крайней необходимости. Если, например, мать так ловко перепрячет банку с вареньем, что иначе ее никак не найдешь. Или когда играл с ребятами в прятки. Еще надевал он очки в школе. Ведь в них можно было читать учебник издали, когда тебя, например, вызовут к доске. Учителя удивлялись памяти карлика Бульбуля и очень сожалели, что у него так плохо со зрением. Это от усиленных занятий, считали они. Словом, то были отличные времена. Бульбулю очень хотелось поблагодарить дядю Кнопа за подарок, но тот теперь вовсе не показывался на улицу. Наверное, чудак делал новые, еще более чудесные очки.

Но вот как-то, пробегая мимо тумбы с афишами, Бульбуль заметил на ней такое объявление:

**ВСЕХ РОДСТВЕННИКОВ ГРАЖДАНИНА КНОПА
ПРОСЯТ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ЗАЙТИ К НЕМУ В ДОМ
ПО ОЧЕНЬ ВАЖНОМУ ДЕЛУ.
ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА.**

Бульбуль побежал дальше, размышляя на бегу, что такое «явка обязательна». Он так и не понял, что это значит, но решил, что непременно придет.

В этот день на Северном Острове ученые начали раскапывать какие-то старинные развалины, и карлик очень увлекся, указывая им места, где спрятаны клады. Он отлично видел эти клады сквозь зем-

лю, потому что надел очки. Но ученые не хотели ему верить и в конце концов сказали, чтобы он умирался и не надоедал. Только тут Бульбуль вспомнил о вечернем собрании в доме дяди Кнопа. Он помчался домой. Дома никого не было. Отличный случай без помех пошарить в кладовой!.. Когда карлик вылез оттуда, идти к дяде Кнопу было уже неловко: слишком поздно. Впрочем, какое это имело значение для человека, у которого лежат в кармане чудесные очки! Бульбуль надел очки, сел в любимое папино кресло и пожелал увидеть то, что происходит в доме дяди Кнопа.

Туман за стеклами очков рассеялся. Бульбуль увидел множество удивленных лиц, услышал шум голосов, в котором ничего нельзя было разобрать. В лицо карлику ударил яркий лучик из зеркала, которое держал в руке дядя Кноп. Дядя Кноп проговорил:

— Я показал вам пещеру, в которой прячут девочку. Я объяснил, что нужно сделать, чтобы ее выручить и узнать, где Волшебная Искорка. Теперь решайте, кто пойдет со мной.

— А наши жены? А дети? — раздался голоса.

— Путь будет опасным и долгим, — сказал дядя Кноп. — Пусть они останутся и берегут нашу тайну.

— Нет, — отвечали женщины. — Мы пойдем с вами! И детей возьмем с собой!

Тут все закричали, заспорили, и снова ничего нельзя было разобрать в путанице голосов. Но дядя Кноп поднял руку. Все смолкло.

— Женщины могут отправиться с нами, — сказал дядя Кноп, — если они так этого хотят. У меня приготовлено много Движущихся Домиков и Бегающих Тележек по ту сторону зеркала. Я подумал и понял, что они правы. Ведь, может быть, мы вернемся через многие годы или не вернемся вовсе...

Это решило спор.

Дядя Кноп поставил зеркальце на пол. Он проговорил:

— Все, кто видит меня сейчас, пусть станут Маленькими Человечками и идут за мной!

Он взмахнул в воздухе длинной палкой, и палка у него в руке вдруг укоротилась, и сам он стал уменьшаться с такой скоростью, с какой падает на пол капля воды. Бульбуль увидел маленького дядю Кнопа с маленькой палочкой в руке. Это был первый Маленький Человечек. А через секунду перед зеркалом стояла целая толпа таких Маленьких Человечков.

Дядя Кноп шагнул в зеркало и исчез! Человечки шагали за ним, и один за другим пропадали из виду. Бульбуль тоже встал, шагнул и неожиданно полетел в чудовищную пропасть... Оказывается, он тоже стал Маленьким Человечком и свалился с кресла.

Но ему повезло. Во-первых, упал он на пушистый ковер и поэтому остался цел. Во-вторых, вскоре домой пришли отец и мать. Они тоже должны были пойти к дяде Кнопу, но их задержало какое-то дело...

Отец подобрал карлика с ковра. Мать залилась слезами. Бульбуля уложили в постель. Вызвали лучших врачей. Врачи долго пытались вернуть ему прежний рост. Подкармливали минеральными солями, поливали водичкой, как цветок в горшке. Вода булькала: буль-буль, — а Бульбуль все оставался маленьким. Вот тогда-то и прозвали его карликом Бульбулем. Правда, лечение пошло впрок. Карлик понемногу подрастал. Но прежний рост к нему так и не вернулся. Зато у него появилась способность по своей воле превращаться то в совсем маленького человека, то в человека побольше. Но карлику

страшно хочется стать самым обыкновенным человеком, таким, как все. А это могло случиться, только если бы вернулся обратно дядя Кноп. Или если бы карлик нашел Волшебную Искорку и выпил жи-вой воды.

И вот уже много лет подряд Бульбуль рыщет по всей Стране Приключений в поисках потерянной Искорки. Он узнал множество тайн. Он случайно подслушал рассказ одного человека о тайне Еловой Шишки, спрятанной в Заповедном Лесу, нашел ее и узнал, что все пропало!

— Почему? — спросила Еловая Шишка.

— Потому что дядя Кноп погиб! — всхлипнул карлик. — Я пролез сквозь маленькую щелку в зал, где стояло зеркало. Я хотел только заглянуть в него, не видно ли там дяди Кнопа... Я нечаянно толкнул это проклятое зеркальце, оно упало и разбилось... Не вернется теперь дядя Кноп!..

Он снова залился слезами. А Еловая Шишка сказала:

— Не плачь, Бульбуль! Подумай лучше, как выбраться отсюда. Обещаю тебе, что твой рост к тебе вернется, как только мы попадем в Город Удивительных чудес. А потом мы отправимся выручать папу Кнопа.

— Правильно, — сказал Максим. — Хватит реветь. Пойдем лучше поищем какой-нибудь выход.

глава пятнадцатая **ВОЛШЕБНЫЙ ГОРОДОК**

Они шли берегом речки вниз по течению. Впереди Максим, следом Еловая Шишка и позади всех карлик Бульбуль с красным распухшим носом. За поворотом стены оврага начинали сходить все теснее, они еще больше наклонялись внутрь, так что было даже страшно смотреть: вдруг обвалятся прямо на голову.

Максим раздвинул руками кусты и увидел впереди, в том месте, где стены оврага сомкнулись, вход в Подземную Пещеру. Это была широкая черная щель, в которую с гулом уходил рыжий поток воды. Идти дальше не было никакого смысла. Максим обернулся, чтобы сказать об этом своим спутникам. И в этот самый миг на другом берегу речки что-то блеснуло. Будто кто-то пустил солнечного зайчика. Максим вгляделся, но ничего не увидел. Он решил, что ему показалось. Но тут по кустам опять поскакал солнечный зайчик. Он перепрыгнул на стену оврага и замер на ней, чуть вздрагивая.

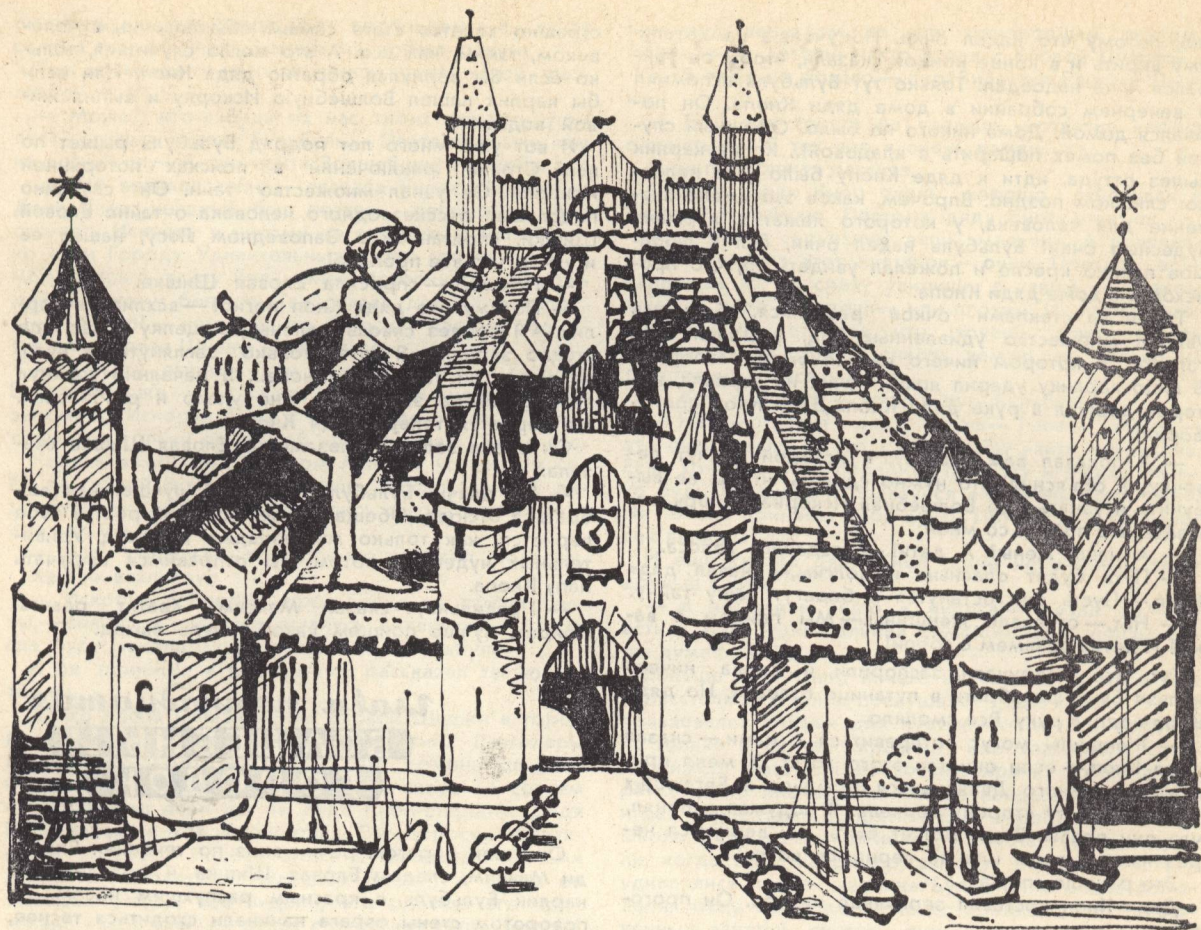
— Надо перебраться на тот берег, — сказал Максим.

— Тебе всегда чего-нибудь надо, — захныкал карлик. — А мне все равно. Я точно знаю, что нам не выбраться.

— И черт с тобой! — рявкнул Максим. — Поплыву один.

— Почему один? — сказала Еловая Шишка. — И я поплыву.

Максим принялся стягивать рубаху, но плыть не пришлось. Какой-то большой черный предмет перерезал радугу над водопадом, стрелой пролетел вниз. Высоким фонтаном взметнулись брызги. Никто не успел и рта раскрыть, как быстрый поток вынес к самым ногам путешественников отличный плот из четырех бревен, крепко связанных веревками. Может быть, плот и пострадал, падая с большой высо-

ты, но на глаз это не было заметно. Осталась целая медная цепочка, прикрепленная к кольцу, которое было ввинчено в одно из бревен. Все это Максим успел разглядеть, потому что плот развернуло против течения и он застрял в узких берегах. Можно было перебежать по нему на тот берег, как по мостику. Максим, конечно, так и сделал. Потом речку перешла Еловая Шишка и карлик Бульбуль. Максим цепочкой накрепко привязал плот к кустам.

— Зачем? — спросил карлик.

— А зачем ему пропадать?

Максим пошел прямо сквозь кусты к тому месту, откуда выпрыгнул солнечный зайчик. Под его ногами хрустели сухие ветки, шиповник впивался в руки, норовил хлестнуть в лицо. Кустарник становился все гуще. Но Максим не останавливался и не слушал жалобных стонов карлика, который ковылял позади. И вот кусты кончились. А за ними...

А за ними на ярко-зеленой лужайке лежал обнесенный зубчатой стеной маленький игрушечный городок. Над городком поднимались четыре башенки с крышами из красной меди. Солнце било прямо в их стеклянные окна. Одно оконце было растворено. Ветер поигрывал створкой: то прикрывал ее, то распахивал наотмашь, — и тогда по верхушкам кустов, по стене оврага вприпрыжку мчался солнечный зайчик.

Городок был совсем настоящий, но только уж очень маленький. Розовели под солнцем черепич-

ные кровли домов, блестели балконы, сплетенные из медной проволоки. Тени узорчатых медных оград лежали на гладкой белой мостовой. В садах цвели очень маленькие деревья. На клумбах распускались крохотные яркие цветы.

Еловая Шишка тихо вскрикнула. Карлик Бульбуль пролез вперед, посасывая палец, уколотый о шипы, и радостно витаращил глаза.

— Это Город Маленьких Человечков! — закричал он. — Я видел его в зеркале перед тем, как оно разбилось. Я видел, что они делали какие-то лодки. Вот эти лодки!

Действительно, за городской стеной была настоящая верфь, только строили там не лодки, а маленькие корабли с мачтами и парусами, с двумя палубами, с длинными рядами бойниц, из которых выглядывали жерла медных пушек. Возле пушек, стоявших на верхней палубе, поблескивали горстки черных ядер. Десятка три готовых кораблей стояло на якоре у берега длинного канала, который прямо сквозь кусты уходил в сторону речки. Они покачивались на воде, когда дул ветер. Но на палубах кораблей было пусто. Было пусто и на чистеньких улицах города. Казалось, что городок вымер или что все население его бежало.

Карлик перешагнул через городскую стену. На глазах Максима и Еловой Шишки он стал совсем крохотным — ростом с палец. И зашагал прочь от них по белой мостовой, один во всем городке.

(Продолжение в следующем номере)

Рассказы не для маленьких

С. СОЛОВЕЙЧИК

Ленивые да бездумные люди читают книжки с середины или с конца. Взял небрежно книгу, открыл где попало и читает, ничего не зная о героях, не понимая их характеров и поступков,— просто так читает, без особого интереса, от нечего делать. Спросят потом товарищи про книгу: «Читал?» Скажет: «Да... Я ее смотрел. Так себе...».

Сборник рассказов Р. Погодина рассчитан на тех, кто не «просматривает» книги, не «глотаёт» их, а читает. Не торопясь, внимательно, со вкусом. Такому читателю каждый из шести рассказов Р. Погодина доставит наслаждение, и— вот увидите!— вы сразу включите автора этих рассказов в число самых ваших любимых писателей.

Мы очень часто говорим о ком-нибудь: «Это хороший человек». Но кого мы так называем? Что значит хороший человек? Когда вы прочитаете книгу Р. Погодина, вы познакомитесь с очень многими хорошими ребятами и увидите, какие они все разные. Чем похож хозяйственный, деловитый Гришка, который берется сложить печку, хотя он никогда в жизни не занимался этим делом, на странноватую девочку по имени Дубравка, по прозвищу Пантера? Что общего у Валерки и Рэмки, незадачливых влюбленных, с Володькой Глуховым, который потрясен смертью отца? Кажется, ничем эти ребята не похожи друг на друга, и все-таки что-то объединяет всех этих ребят, что-то дает право писателю всех их назвать «веселыми людьми». Что же?

На этот вопрос очень трудно ответить одной фразой. Например, если бы я сказал, что все эти ребята трудолюбивые, честные, добрые, смелые— это было бы, конечно, правильно, но... неточно, неполно.

Вот так всегда бывает у настоящих писателей: герои их книг не подходят под общепринятые определения, они гораздо сложнее, интереснее, и, чтобы передать характер каждого из них, пришлось бы переписать— не пересказать, а переписать!— весь рассказ, в котором действует этот герой. Мы не всегда до конца понимаем этих мальчишек и девчонок, но мы горюем вместе с Володькой Глуховым, любим и не любим знакомых Дубравки вместе с самой Дубравкой, мучимся из-за неотданного долга вместе с Павлухой. И вот эти-то наши собственные переживания и доставляют нам художественное наслаждение. Когда мы видим, что нам не просто интересно следить за событиями в книге, что нас волнуют не приключения героев, а их чувства, тогда мы понимаем, что встретили настоящее произведение искусства.

...С большим трудом колхозный мальчишка Гришка сложил печку, и вдруг он, ни слова не говоря, принялся разбирать ее.

— Ты что, с ума сошел?!— закричали все вокруг.— Делали-делали! Уже ночь на дворе.

Оказывается, «допустили упущение».

Оказывается, в печке надо сделать еще печурку «вроде норы— носки в ней сушить можно, валенки греть... У бабки Татьяны в печурке кот спит».

Зачем дачникам, для которых складывают печку, эта самая печурка? Разве нельзя было бы обойтись без нее? Дачникам, конечно, она ни к чему. А нам, читателям, эта печурка просто необходима, потому что мы сразу до конца поняли Гришку.

Вот он какой: если уж взялся за дело, так чтоб был высший класс, а не как-нибудь. И на своем умеет настаивать. И немножко фантазер. Писатель нам ничего не говорил, он только про печурку рассказал, а мы сами все поняли.

...Появился на стройке мальчишка в громадных рыбацких сапогах-бахилах. На заработки пришел— матери помочь хочет. Много с ним случалось тут всякого, много людей он встретил и перед всеми чувствует себя в долгу. А чем отплатить долг?

У экскаваторщика Романа, того самого, который приютил Павлуху, родился сын. Павлуха в гостях. В углу комнаты стоит трехколесный велосипед, обвешанный пакетами и погремушками— подарки новорожденному. Павлуха в уме считает, как распорядиться первой получкой: «Мамке триста рублей, себе на полмесяца, Роману за пропитание...» — Он посмотрел на Романа.

Роман был громадным, веселым, счастливым.

— Ешь, Павлуха,— говорил он.— Рубай колбасу, сыр голландский, шпроты. Закусывай. У меня сын... «Не возьмет,— тоскливо подумал Павлуха.— Еще даст по шее, пожалуй».

Павлуха вытащил руку из кармана. Слез со стула на пол. Он снял свои сапоги, потом прошел босиком к велосипеду и поставил их там. «Это хорошие сапоги,— сказал он.— Рыбацкие. Это от меня... Пускай носит...»

Сколько я ни расспрашивал тех, кто читал книгу Р. Погодина, все говорят, что в этом месте каждый почувствовал, что у него першит в горле...

Павлуха отдал самое дорогое, что у него есть,— отцовские сапоги. Он не задумывается о том, что новорожденному сапоги вовсе не нужны,

ему кажется, что эти бахилы дороги всем так же, как и ему самому. И все понимают цену подарка. Когда мы видим босого Павлуху с сапогами в руках, нас до слез трогает этот славный мальчишка.

Внимательно прочитайте книгу Р. Погодина «Рассказы о веселых людях и хорошей погоде». Вы найдете в ней немало чудесных страничек, узнаете много правдиво-точного о мире— такого, что подчас боятся рассказывать ребятам, считая их еще маленькими. Но ведь рассказы Р. Погодина— для ребят среднего и школьного возраста, а не для маленьких.

Поэт и мудрец

Рабиндранат
ТАГОР

Стихи,
мысли,
изречения

* * *

Где мысль бесстрашна
и чело гордо поднято;
Где знание свободно;
Где мир не разбит на
клетки перегорожками;
Где слова исходят из
глубин истины;

Где неустанное стрем-
ление простирает руки к
совершенству;

Где светлый поток ра-
зума не блуждает в бес-
плодной и мертвой пу-
стыне песков;

Где разум направлен
к высоким помыслам и
деяниям,—

В этих небесах свобо-
ды, отец мой, да пробуд-
ится страна моя!

* * *

Если ты проливаешь
слезы о том, что нет
солнца,— ты в это время
не увидишь звезд!

* * *

Отдых принадлежит
труду, как веки глазам.

Кто этот седебородый человек с благородным, ясным лицом, окруженный пионерами?

Это великий писатель Индии Рабиндранат Тагор. Во всем мире любят и почитают Тагора за красоту его стихов, за мудрость его мыслей, за чистоту его чувств, за горячую любовь его к своему народу, подавленному и ограбленному английским колониализмом, любовь ко всему человечеству.

Приветственной песнью Тагора открылось заседание Всемирного Совета Мира, которое проходило этой весной в Дели. Стихи Тагора избрал освободившийся индийский народ для государственного гимна своей молодой республики. Это великая почеть народа своему поэту, всю свою жизнь скорбевшему о трагической судьбе родной страны.

Тагор знал, что есть страна, где народ уже стал хозяином своей судьбы. Он стремился побывать в этой стране. «Я не хочу умереть, не увидев Советского Союза»,— говорил он.

Только на склоне лет удалось ему исполнить свое желание. «Наконец я прибыл в Россию»,— писал Тагор.— «Все, что я вижу, чудесно. Не похоже на другие страны. В корне отлично».

Как все люди большой души, Тагор любил детей. В Советском Союзе он побывал и у пионеров. Ребята избрали его почетным пионером, повязали ему красный галстук и подарили пионерскую шапочку, какие носили сами. Рабиндранат Тагор долго беседовал с пионерами, расспрашивал о жизни их коллектива. Ему очень понравилось выступление пионерской «живой газеты», на прощание он по просьбе ребят спел одну из своих песен.

Вот как вспоминал Тагор об этой встрече:

«...они расселись вокруг меня, как будто я тоже из их отряда... Передо мною были их лица, совершенно свободные от налета подавленности и приниженности. Ум их целенаправлен, а так как впереди у них широкое поле деятельности, то кажется, будто они всегда полны энергии, в них нет ни малейшего следа вялой невнимательности... Танцуя с флажками в руках, они поют о том, каких результатов со временем достигнет их страна, механизировав свою экономику. Это стоит посмотреть...»

6 мая 1931 года, когда Рабиндранату Тагору исполнилось семьдесят лет, прогрессивные люди всего мира отмечали этот день. Московские пионеры, у которых побывал в гостях Тагор, тоже послали ему поздравление и фотографию своего отряда. Письмо это было напечатано в «Золотой книге Тагора» рядом с приветствиями Романа Роллана и других знаменитых людей.

Если Тагор с его доброй и светлой душой мог что-нибудь ненавидеть, так это угнетение и войну. И он ненавидел их. Его стихи, изречения и рассказы сближают людей, роднят их.

В этом году народы земли по призыву Всемирного Совета Мира празднуют столетие со дня рождения Рабиндраната Тагора — великого поэта и мудреца.

К. Петров

Если, услышав призыв твой, никто за тобой не пойдет, —
путь продолжай один!

Если безмолвствуют все, о несчастный,
И от тебя отвернуться готовы,
Если полны все боязнию, —
Сам открой свою душу
И сокровенное слово
произнеси один!

Если все отступят, смутятся,
Если на трудном пути
Никто тебе не захочет помочь, —
То по тернистой дороге
Окровавленной стопою
иди один!

Если сгустилась тьма,
Если в дождливую, бурную ночь
Никто не откроет двери, —
Молнии вспышкой зажги
Сердца отважного факел, —
иди один!

Перевод Вс. Рождественского.

СТАРШАЯ СЕСТРА

Таскали кирпичи и строили дома
У берега реки ее отец и мать,
И часто девочка сбегала к ним с холма,
Чтоб чашки иль кувшин водою наполнять.
С утра до вечера несется легкий звон, —
То о кувшин запястья — тхон-тхон-тхон.
А вслед за нею братец маленький бежит,
Измазан глиною и наголо обрит.
Ручною птицею он бродит по пятам
Сестры. Всегда послушен он ее словам,
Настойчивым и строгим. Глиняный кувшин
У ней на голове, а рядом с ней, как сын,
Братишка, — так она и мается с утра,
Сама ребенок — старшая сестра!

Перевод А. Ахматовой.

* * *

«Ты — большая капля
росы под листом лотоса,
а я — маленькая капель-
ка на его верхней сто-
роне», — сказала Росинка
Озеру.

* * *

Кто слишком много
думает о том, чтобы де-
лать добро, тому нет
времени быть добрым.

* * *

Лук шепчет стреле, от-
пуская ее:
«В твоей свободе —
моя».

* * *

Позволь тому видеть
шипы, у кого есть глаза,
чтобы видеть розу.

* * *

Отягощи птице крылья
золотом — и она ни-
когда уж не будет па-
рить в небесах.

* * *

Воробей жалеет пав-
лина, что у него такой
тяжелый хвост.

* * *

Птице кажется, что
поднять рыбу на воз-
дух — доброе дело.

Ребята! Если вы хотите бли-
же познакомиться с творче-
ством Рабиндраната Тагора,
прочитайте выпущенную в Дет-
гизе книгу его рассказов «Свет
и тени».

Веселый двор

К. КИРШИНА

Острый момент у ворот.

Представляете, как это приятно: стоять в стороне, когда все твои друзья отправляются на лыжную прогулку? Радостно-сосредоточенные, бегут они друг за другом по лыжне вдоль тротуара. Вот свернут за угол... Еще несколько кварталов — и конец улице. Там цепочка лыжников растянется, скроется в низине, снова появится на взгорье. Красные, синие, зеленые фигурки будут становиться все меньше и меньше, пока совсем не исчезнут в сизой щетине дальнего леса. А ты стой, завидуй, гляди им вслед!

Да что лыжная прогулка! Света Чижикова была болельщицей поневоле даже на обычных уроках физкультуры. «Освобождена по

состоянию здоровья». Так написал в справке врач.

В новой школе, куда Светлана поступила после того, как переехала с родителями из Казани в Куйбышев, справка вызвала обидное сожаление у ребят. А учитель физкультуры Алексей Иванович посмотрел на справку, на Светлану и сказал:

— Мой тебе совет — не сдавайся. Начни с малого, с зарядки по утрам. Мы еще за тебя повоюем! Все будет хорошо, я уверен. Тем более, что ты из тринадцатого!

«Из тринадцатого... Кажется, это номер нашего домоуправления? — думала Света. — Оно-то здесь при чем? И как это мы повоюем, раз учебный год кончается? А в одиночку я не смогу».

Свете не пришлось «воевать в одиночку» после конца учебного года. Дом № 36 на Краснодонской улице, в котором ее родители получили квартиру, владеет вместе с несколькими соседними домами большим огороженным от улицы участком. А на участке этом чего только нет! Пионерская линейка с высокой мачтой для флага. Голубая раковина эстрады. Карусель. Деревянные грибки под красными шляпками, песочница

Свежий песочек для малышей.

Вратарь на месте!

и качалки для малышей. А главное — баскетбольная и волейбольная площадки, беговая дорожка, настольный теннис и даже небольшой трехкомнатный домик, где летом помещается штаб всех интересных дворовых дел.

— Приехала бы ты в позапрошлом году, увидела бы, что тут было, — говорили Светлане ребята-старожилы. — Пустырь! Пыльца, да мусор, да бурьян. А кто, думаешь, все сделал?

Кто сделал, Светлане было вполне ясно. Ведь и в этом году, как только растаял снег, ребята двора — а вместе с ними и она сама — окапывали деревья, убирали зимний мусор, сажали цветы, оформляли линейку. Когда мальчики возили для площадки речной песок, она помогала разгружать машину. У нее на глазах вырос тир для стрелкового кружка, встали на площадке новые столбы с баскетбольными щитами. Словом, городок был свой, «собственноручный», и ребята в нем хозяевами.

«У нас в тринадцатом все спортсмены!» Под таким лозунгом проходил дворовый праздник открытия летнего сезона. Ребята состязались в беге, прыжках, не говоря уже о спортивных играх и велосипедных гонках.

И с тех пор ежедневно с утра до вечера на площадках звенел, гудел от ударов тугий мяч. Быстрые пятки мелькали на беговой дорожке. Руки, плечи, спины, ноги, носы все больше коричневели от солнца. И зарядка, на которую каждое утро призывал горн, и общие игры, и общий труд на свежем воздухе помогли Светлане окрепнуть. Осенью на уроках физкультуры

она уже не была болельщицей поневоле.

С тех пор минуло два года. Света занимается легкой атлетикой, ходит на лыжах, а по конькам заняла третье место в школе! Нет, не зря Алексей Иванович говорил, что все будет хорошо, если она из тринадцатого.

В тринадцатом домоуправлении нет ребят, которые бы плохо учились. Разумеется, не такие уж они особенные, чтобы никогда и двойки не схватить. Всякое бывает. Но тут действует «скорая помощь», и у Светы Чижиковой на дому пункт этой «скорой помощи». Я сама видела, как сидели там за столом двое мальчишек и послушно писали что-то под Светланину диктовку, склонив свои стриженные головы. Ведь на этот счет во дворе строго: не исправишь отметку — не играть тебе за дворовую команду! Запасных игроков в тринадцатом хоть отбавляй.

По всему району идет слава, что в тринадцатом домоуправлении ребята са-

Навстречу атакующему мячу...

У «тенниса-малышки» немало поклонников во дворе.

мые дружные и самые дисциплинированные. Что ж, так оно и есть. Ко многому обязывает спортивная слава, марка коллектива. Так получилось, например, с Витей Павловым. Строже стал он к себе относиться после того, как однажды на улице услышал перешептывание незнакомых пионеров: «Вот идет тот самый... Ну, помните, волейболист...»

Когда по району было объявлено о предстоящем соревновании между дворовыми командами, спортсмены двора — мальчики и девочки — стали ежедневно тренироваться. Разминка, бег, упражнения с прыгалками, с обручами — все это было необходимо для подготовки. Даже папы и мамы, а особенно члены родительского комитета, стали болельщиками. Они ревниво следили за результатами, знали все спортивные показатели ребят:

время, дистанцию, высоту. В соседние домоуправления засылались разведчики: «А там как дела? На какое деление поднимается у них рейка для прыжков? Сколько минут и секунд отбросили их бегуны?..»

Восемьдесят пионеров тринадцатого домоуправления участвовали в районном спортивном празднике. Шли на стадион со знаменем, горнами, барабаном. На празднике коллектив выступал по всем видам спорта. Даже в этом он превзошел остальных.

После праздника коллекция похвальных грамот у «тринадцатых» еще увеличилась. Она и так немалая: грамотами заполнен целый альбом. Лишь по футболу заняли они второе место. А по волейболу, настольному теннису, смешанной эстафете за ними осталась полная победа, абсолютное первенство. Что касается баскетбола, то им, к сожалению, некого было побеждать: не оказалось команд у других дворов.

Света Чижикова в смешанной эстафете не участвовала. В команду вошли только пять самых быстрых мальчиков и пять самых быстрых девочек. Но это не помешало ей вместе со всем двором торжествовать победу. Ведь она теперь не болельщик поневоле, а полноценный член дворового спортивного коллектива.

Здравствуй, солнце, здравствуй, новый день! Взлетай на мачту, наш красный флаг!

Геннадий ЦЫФЕРОВ

Рисунки А. Брея.

Объяснить можно многое.
Можно объяснить, почему приходит утро. Можно объяснить, почему уходит ночь.

Но вот как объяснить то, что я очень люблю музыку? Когда ее слушаешь, кажется, свистит ветер, кажется, шумит дождь, кажется, поют птицы.

Почему мне нравится свист ветра, шум дождя, пение птиц? Трудно ответить. Нравится — и все.

На днях один мальчик у нас в классе долго объяснял, почему он любит деревья.

А потом я узнал: этот мальчик вовсе не любил деревья. Он рассказал об этом просто так, чтобы получить хорошую отметку.

Скучно, когда любят что-нибудь только ради отметок. Ведь сегодня отметка есть. А завтра уйдешь из школы — и отметки кончатся. Что будут тогда любить эти ребята? Сами не знают.

Я знаю, что я буду любить ветер, дождь, птиц, музыку. Почему? Да потому что нравится. Нравится — и все.

Вчера я с одним очень серьезным мальчиком рисовал месяц.

Нарисовав, он вдруг мне сказал:

— А ты знаешь, мне кажется, этот зеленый месяц похож на верхушку чьей-то зеленой шляпы.

— Ничего подобного, — ответил я. — Этот зеленый месяц похож на зеленое ушко. Вот, например, если бы у солнышка вдруг выросли уши, они обязательно были бы такие — большие и зеленые.

Мальчик нахмурился: он был слишком

серьезный, чтобы поверить в то, что у желтого солнышка могут быть зеленые уши.

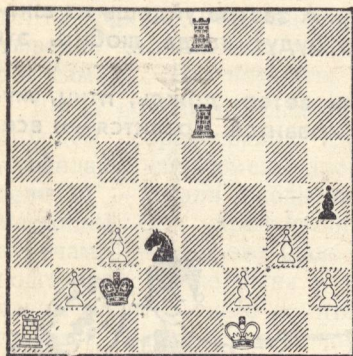
А мне почему-то стало удивительно грустно. Ну нельзя же на самом деле быть всегда таким страшно серьезным!

Неужели нельзя улыбнуться? Вот и большие, строгие люди улыбаются. А ведь это совсем маленький мальчик, чего ж ему не улыбаться?

БЕЗ ЛИШНИХ ФИГУР И ПЕШЕК

На следующей диаграмме приведена задача, составленная учеником Среднегоринской школы (Кегенский район, Алма-Атинской области) Канатом Берентаевым.

Как решается эта задача? Черные играют 1... h4—h3 и затем белые неизбежно получают мат ладьей на e1. Здесь все очень просто. Ведь первый ход решения отнимает свободное поле у короля. К тому же в позиции много пешек, которые вовсе не нужны для выполнения плана белых. Можно снять, например, с доски пешки c3 и g3, и в задаче ничего не изменится.

Надо добиваться того, чтобы в задачах все фигуры и пешки были нужны для решения.

ЗАДАЧА ВОЛОДИ ВАСЮКОВА

А вот задача, которую составил красноярский семиклассник Володя Васюков.

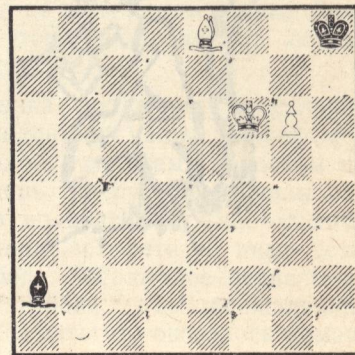
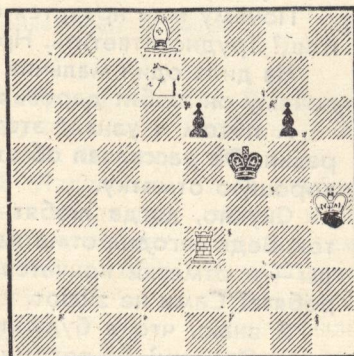
Свою задачу Володя решает так: 1. Cd8—g5 e6—e5 2. Лe3:e5

Снова много писем принес мне почтальон. Ребята шлют решения задач моего конкурса, который объявил я во втором номере журнала.

Об итогах конкурса расскажу в следующий раз. Но уже сейчас поздравляю Борю Мелехина из Сызрани, москвичку Надю Сойфер, Колю Капустина из деревни Возницы, Калининской области, Сережу Подушкина из города Панфилова.

Они первыми прислали верные решения и получают грамоту «Ферзя и ладьи».

Как обычно, многие ребята шлют мне свои задачи. Поговорим и о них.

мат. В этой задаче все правильно. Иначе мат в два хода не сделать. Но красивого, неожиданного в задаче нет. Первым ходом решения белые отнимают единственное свободное поле у черного короля. Такие ходы находить очень просто: они бросаются в глаза.

А после хода слонem на g5 у черных нет никакого выбора защиты, они вынуждены делать единственно возможный ход пешкой e6.

Да, Володя. Первая твоя задача неинтересна. Но это не беда. На то она и первая. Прежде чем самому составлять задачи, ты попробуй решать задачи, которые мы помещаем, подумай над тем, как они построены. Тогда и твои новые задачи будут красивыми и трудными.

УЧИТЬСЯ У МАСТЕРОВ

А теперь давайте посмотрим задачи мастеров. Какое интересное содержание может быть и при самом маленьком количестве действующих лиц на шахматной доске!

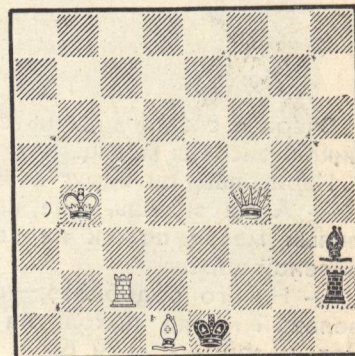
Эта задача известного русского составителя задач А. Галицкого.

Найдите, как здесь белые дают мат в четыре хода.

А вот еще одна задача. В распоряжении белых много шахов, могут они взять черную ладью. Но эти заманчивые ходы к цели не ведут.

Найдите, как белые здесь дают мат в два хода. Шлите мне ваши решения.

Всем любителям шахматных за-

дач советую прочитать книгу Е. Умнова «Как решать шахматные задачи».

ТРУСИТЬ НЕЛЬЗЯ

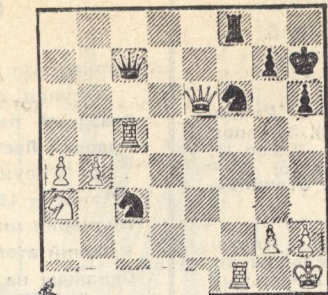
И об этом хочу сказать. Беспечным нельзя быть в шахматах, но и трусить нельзя. Продумал ход — смело делай его, не бойся комбинаций, в каждой позиции ищи скрытые возможности. Бывает так: сделал противник неожиданный и сильный ход, и сразу ты чувствуешь себя неважно. Не поддавайся унынию, ищи хорошие ответы.

«Настоящий шахматист должен быть решительным и смелым, — говорил бывший чемпион мира кубинец Капабланка. — Если вы думаете, что ваш ход хорош, делайте его. Без всякого колебания надо делать то, что кажется хорошим».

Вот смотри следующую диаграмму. Здесь сыграли белые ладьей на c5, напад сразу на ферзя и коня. Плохи, казалось бы, дела у черных. Но они могут еще успешно вести борьбу.

Черные не растерялись и ответили 1...Kf6 — g4.

Неприятный сюрприз для белых. Мат стал грозить им со всех

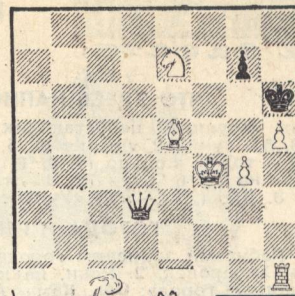

сторон. Есть чего испугаться. Не пришло ли время белым сложить оружие?

Нет, конечно, нет. Найдите, как должны здесь играть белые и каким может быть результат партии.

ОБА СДАЛИСЬ СРАЗУ

Был и такой случай. Оба противника перепугались и одновре-

менно в следующей позиции признали себя побежденными.

Черные сыграли здесь 1. g7 — g5+, и сразу оба противника сказали: «Сдаюсь». Белые решили, что им мат, и забыли с перепугу, что пешку g5 можно взять на проходе. А черные увидели это, испугались и тоже признали себя побежденными, не ожидая хода белых. И в шахматах «у страха глаза велики».

ЛЕСНЫМ ХОЗЯЙСТВАМ НУЖНЫ СЕМЕНА!

Наша родина, как ни одна страна в мире, богата лесами. Чтобы это богатство не иссякло, а из года в год росло, увеличивалось, мы ежегодно сеем и сажаем 800 тысяч гектаров новых лесов. Для этого нужно около десяти тонн семян. Трудная задача для работников лесных хозяйств — собрать такую уйму семян. Вы, пионеры, должны помочь им.

Сейчас лесным хозяйствам особенно нужны семена сосны. Только не рвите шишки на низкорослых, корявых деревьях: из таких семян вырастает плохой лес. Собирайте их на высоких, стройных, урожайных соснах. Главное при сборе — не повреждать деревья, не ломать ветки. Деревья от этого болеют. Годятся шишки и со срубленных здоровых деревьев, их много можно собирать на лесосеках.

Собирать можно с октября до самой весны, даже и после того, как в лесу стает снег.

Заготавливайте также желуди и семена других деревьев. Сдавайте семена лесникам или в конторы лесничеств, лесхозов и леспромхозов. Там же вам дадут подробную консультацию и по сбору семян.

Пионеры! Вы можете оказать большую помощь: ведь каждые 60 килограммов сосновых шишек или 100—120 килограммов желудей — это гектар нового леса. Из собранных вами семян через пять—десять лет поднимутся молодые пионерские леса.

В. Степин, старший инженер Центральной контрольной станции лесных семян

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО!

Вот названия недостающих предметов: 1. Ручки (2, 3, 5, — учи). 2. Листья (4, 5, 3, 6, — тся). 3. Топор (1, 2, — то). 4. Кольцо (3, 4, 1, 2, — льно). 5. Насос (1, 2, 4, — на о). 6. Стул (2, 4, — тл). 7. Качели (6, 3, — ич). 8. Дно (2, 3, — но): «Учиться только на отлично».

ГОРОДА И РЕКИ

1. Ребусами записаны города: Новосибирск, Чистополь, Хабаровск. 2. Реки, на которых расположены названные города: Обь, Кама, Амур. 3. Из начальных букв названий этих трех рек составляется название четвертой реки: Ока. На Оке стоит Рязань, один из древнейших русских городов. 4. Слово «Рязань» можно записать ребусом так:

ЦИФРЫ И БУКВЫ

Миллион = 1 000 000

ЗАГАДКИ

1. Часы. 2. Пруд. 3. Утюг.

МОЖЕТ ЛИ ЭТО БЫТЬ!

Случай, о котором рассказывается в задаче, вполне вероятен. Если телеграмма была отправлена из Владивостока 9 марта в 3 часа утра, то в Ленинграде, скажем, в это время был еще день 8 марта и часы показывали 8 часов вечера. Ошибки в телеграмме нет.

ЗАГАДОЧНОЕ ПОСЛАНИЕ С МАРСА

ПУЗЫРЬ ЦВЕТЫ ОКТРАМБАЙ КРАСКИ
+ + + + +
БАНТКАРТИНАШИНЫУХВАТ
+ + + + +
КОЛОСТУФАИПОДКОВАКОЙКА!
+ + + + +

Нужно выписать подряд (без пропусков между словами) названия всех изображенных на рисунках предметов — от «пузырей» до «койки», — а затем написать под буквами знаки плюс и минус в той же последовательности, как они даны в шифрограмме.

По буквам, отмеченным знаком плюс, нетрудно прочитать текст «космической телеграммы»: «Привет от марсианки Нины Хвостиковой!»

А это тот самый рисунок, которого не хватало в задаче и который объясняет появление загадочной телеграммы.

ДЕДУШКИНЫ ЗАДАЧИ

1. Кому сколько пряников досталось?

Отец купил 36 пряников и разделил их между всеми сыновьями поровну: каждый получил 6 пряников.

2. Головы и ноги.

На лугу было семеро ребят и 15 лошадей.

Содержание

Пионерская переключка.— Стихи Ю. Яковлева.	
Рисунки А. Брея	1
Звездный рейс. — А. Мошковский	4
Рядовой Лесной республики.— Повесть Э. Офи- на. Рисунки Н. Борисовой	8
12 апреля 1961 года.— Стихи Тани Васильевой	18
Пионерия шагает по земному шару	19
Рабочий атом.— Фото В. Горячева	26
Однажды на большой рене.— Рассказ Ю. Каче- ева. Рисунки О. Коровина	27
Человек поправляет бога.— А. Дорохов. Рису- нок О. Рево	33
Слушайте, запевайте пионерской двухлетки!— О сборе горнистов и барабанщиков города Москвы	34
Герой Акрополя. — В. Староверов	42
Забастовка.— Быль. Г. Пушкарев. Рисунки О. Траскиной	43
Подарки колхозным ребятам. Д. Иванников	46
Шурави-табибы.— Очерк Е. Рубцовой. Рисунки В. Цельмера. Фото Р. Саямова	47
Первый взгляд в мир.— Рассказ Р. Канделаки. Рисунки В. Константинова	53
Ночная птичка Парижа.— Рассказ Д. Холендро. Рисунки В. Юдина	57
У пионеров села Батпак.— Г. Творогова	60
Пионерские известия № 4 (16)	62
Максим в стране приключений. — Повесть Ю. Самсонова. Продолжение. Рисунки В. Алфеевского	64
Что нам читать	71
Веселый двор. — К. Киришина	74
Музыка. Месяц.— Г. Цыферов. Рисунки А. Брея	77
В стране шаха, владыки черных и белых по- лей.— Международный мастер М. Юдович.	78
Лесным хозяйствам нужны семена. — В. Сте- пин, старший инженер Центральной конт- рольной станции лесных семян	79
Ответы на задачи, помещенные в №№ 3 и 4	80

На вклейках:

Клад Сарбая. Фото В. Тарасевича.
Рисунки детей Ливана и Судана.
Путешествие Печоры в Каспий. Рисунки О. Рево.

На обложке:

1-я страница: Барабанщик. Рисунок Д. Пяткина.
2-я страница: Ю. А. Гагарин на трибуне Мавзолея.
Фото А. Устинова.

Редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе (заместитель редактора),

В. И. Орлов, В. А. Поддубная (ответственный секретарь), М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28, комната 11. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев.

Технический редактор В. Пархоменко.

А 04760.

Подписано к печати 20/V 1961 г.

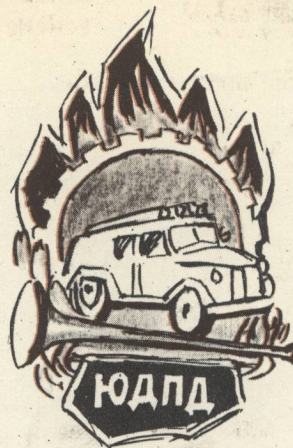
Тираж 565 000 экз. Изд. № 1025.

Заказ 1011.

Форм. бум. 84×108/16.

Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПИОНЕРЫ,

**ВСТУПАЙТЕ
В ЮНОШЕСКИЕ
ДОБРОВОЛЬНЫЕ
ПОЖАРНЫЕ
ДРУЖИНЫ!**

**СЛЕДИТЕ,
ЧТОБЫ ВАШИ
МЛАДШИЕ
ТОВАРИЩИ
НЕ ИГРАЛИ
С ОГНЕМ!**

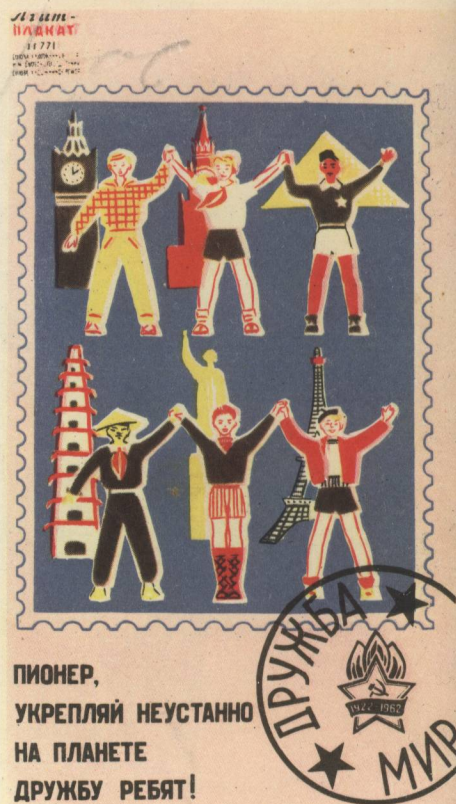
Художник Р. Вардзигулянц.

Стихи Б. Ковынева.

Скоро вы увидите эти новые плакаты на улицах городов и сел, в школьных коридорах и в пионерских комнатах.

— Пионерская двухлетка — смотр пионерских сил страны! Больше выдумки, смекалки, больше задора и настойчивости в каждом пионерском деле! — вот о чем говорят яркие листы плакатов.

К 40-летию Всесоюзной пионерской организации имени Ленина художники и поэты мастерской «Агитплакат» готовят целую серию таких веселых и красочных плакатов.

ПИОНЕР,
УКРЕПЛЯЙ НЕУСТААННО
НА ПЛАНЕТЕ
ДРУЖБУ РЕБЯТ!

Художники И. Басков, И. Купряшин.

Текст Ю. Островского.

Агит-
ПЛАКАТ
№ 767
СОСТАВЛЕНА И ИЗДАНА В СССР
И НАХОДИТСЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ
СНОВА И СНОВА

Художник Мих. Длугач.

Стихи А. Жарова.